

КРЕСТЬЯНОВЕДЕНИЕ ТОМ 5 2020 NO1



СК

КРЕСТЬЯНОВЕДЕНИЕ 2020

ТОМ 5 NO1

КРЕСТЬЯНОВЕДЕНИЕ 2020

ТОМ 5 NO 1

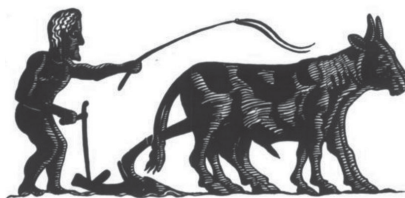
Издается с 2016 года

Выходит 4 раза в год

ISSN 2500-1809

Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте
Российской Федерации
Центр аграрных исследований

Журнал зарегистрирован Федеральной службой
по надзору в сфере связи, информационных
технологий и массовых коммуникаций
Регистрационный номер
ПИ № ФС77-65824
от 27.05.2016



РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Т. Шанин, председатель, Манчестерский университет (Великобритания)

А. М. Никулин, главный редактор, РАНХиГС

М. Г. Пугачева, ответственный секретарь, НИУ ВШЭ

И. В. Троцук, заместитель главного редактора, РУДН, РАНХиГС

П. Линднер, Франкфуртский университет (Германия)

Т. Г. Нефедова, Институт географии РАН

Дж. С. Скотт, Йельский университет (США)

О. П. Фадеева, ИЭОПП СО РАН

Н. И. Шагайда, РАНХиГС

С. Шнайдер, Университет Риу-Гранди-ду-Сул (Бразилия)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

А. И. Алексеев, МГУ им. М. В. Ломоносова

В. В. Бабашкин, РАНХиГС

С. М. Боррас Дж., Институт социальных исследований (Нидерланды)

К. Бруиш, Дублинский университет (Ирландия)

С. Вегрен, Южно-Методистский университет (США)

В. Г. Виноградский, Саратовский социально-экономический институт РЭУ
им. Г. В. Плеханова

О. Виссер, Институт социальных исследований (Нидерланды)

А. В. Гордон, ИНИОН РАН

В. А. Ильиных, Институт истории СО РАН

В. В. Кондрашин, Институт российской истории РАН

Э. Н. Крылатых, РАНХиГС

И. А. Кузнецов, РАНХиГС

А. А. Куракин, НИУ ВШЭ, РАНХиГС

С. Ленц, Институт социальной географии (Германия)

В. А. Мау, РАНХиГС

Ш. Мерль, Билефельдский университет (Германия)

Р. М. Нуреев, НИУ ВШЭ

А. В. Петриков, Всероссийский институт аграрных проблем и информатики
им. А. А. Никонова

Дж. А. Пизано, Нью-Йоркский университет (США)

Е. Потехина, Варминьско-Мазурский университет (Польша)

Дж. Пэллот, Оксфордский университет (Великобритания)

В. Я. Узун, РАНХиГС

Цзинцон Е, Пекинский аграрный университет (КНР)

АДРЕС РЕДАКЦИИ

119571, Москва, проспект Вернадского, 84, корпус 9, офис 2003

Телефон: +7-499-956-95-56

Web: <http://peasantstudies.ru>

УЧРЕДИТЕЛЬ

Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации

Редактор веб-сайта Е. С. Никулина; Корректор И. Е. Крель;

дизайн: Издательский дом «Дело», РАНХиГС

В оформлении издания использованы гарнитура Old Standard, А. Крюков;
картина «По миру». И. Л. Горохов, 1894, Тамбовская областная картинная
галерея

© Авторы статей, 2020

© РАНХиГС, 2020

Содержание

Теория

- Chayanov A.V.* Main Ideas and Methods of Social
Agronomy (Part 1) 6
- Форбруг А.* Этнографии медленного насилия: исследование
последствий разрушения сельской инфраструктуры 31

История

- Кузнецов И.А.* Производство зерновых и картофеля на душу
населения в Европейской России в 1883–1913 годах:
динамика регионов 53
- Савинова Т.А.* «...Мысль невольно ищет выхода
из создавшегося положения, стремясь абсолютный
недостаток сельскохозяйственных машин восполнить
повышением коэффициента их использования».
Публикация записки А.В. Чаянова 84

Современность

- Зауэр С., Месзарос Дж.* Борьба за землю во времена
правления Бразильской партии трудящихся 93
- Виноградский В.Г., Виноградская О.Я., Никулина Е.С.*
Экология сельского мира как предмет
социологического исследования 125

Интервью с исследователем

- Алексеев А.И., Никулин А.М.* «В географии всегда была
«тоска по комплексности»...» 143

Рецензии

- Никулин А.М.* Миры северных крестьянских промыслов. 167

In memoriam

- Фадеева О.П., Виноградский В.Г., Бабашкин В.В.,
Кондрашин В.В., Горовенко О.В., Штейнберг И.Е.*
Вспоминая Тедора Шанина 172
- Овчинцева Л.А.* Памяти Галины Ястребинской. 196

Russian peasant studies

Vol. 5. 2020. No 1

Published since 2016, frequency—four issues per year

EDITORIAL BOARD

T. Shanin, (chairman), University of Manchester (UK)
A. M. Nikulin, Editor in Chief, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA)
M. G. Pugacheva, Executive Secretary, Intercenter, HSE
I. V. Trotsuk, Deputy Editor, Peoples' Friendship University of Russia, RANEPA
P. Lindner, University of Frankfurt (Germany)
T. G. Nefedova, Institute of Geography of Russian Academy of Sciences
J. C. Scott, Yale University (USA)
O. P. Fadeeva, Institute of Economics and Industrial Engineering of Siberian Branch of Russian Academy of Sciences
N. I. Shagaida, RANEPA
S. Schneider, University of Rio Grande do Sul (Brazil)

ADVISORY BOARD

A. I. Alekseev, Moscow State University
V. V. Babashkin, RANEPA
S. M. Borrás Jr., Institute of Social Studies (Netherlands)
K. Bruisch, University of Dublin (Ireland)
S. Wegren, Southern Methodist University (USA)
V. G. Vinogradsky, Saratov Social-Economic Institute of Plekhanov Russian University of Economics
O. Visser, Institute of Social Studies (Netherlands)
A. V. Gordon, Institute of Scientific Information on Social Sciences of Russian Academy of Sciences
V. A. Il'inykh, Institute of History of Siberian Branch of Russian Academy of Sciences
V. V. Kondrashin, Institute of Russian History of Russian Academy of Sciences
E. N. Krylatykh, RANEPA
I. A. Kuznetsov, RANEPA
A. A. Kurakin, Higher School of Economics (HSE), RANEPA
S. Lentz, Institute of Social Geography (Germany)
V. A. Mau, RANEPA
S. Merl, University of Bielefeld (Germany)
R. M. Nureev, HSE
A. V. Petrikov, Alexander A. Nikonov Russian Institute for Agrarian Issues and Information Science
J. A. Pisano, New York University (USA)
E. Potekhina, University Warmia and Mazury (Poland)
J. Pallot, University of Oxford (UK)
V. Ya. Uzun, RANEPA
Jingzhong Ye, Beijing Agricultural University (China)

CONTACT DETAILS

Mailing address: Office 2003, 84 Vernadskogo prosp., 119571, Moscow, Russian Federation.

Phone: +7-499-956-95-56

Web: <http://peasantstudies.ru>

FOUNDER

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

TABLE OF CONTENTS

THEORY

- Chayanov A.V.* Main Ideas and Methods of Social Agronomy (Part 1) 6
Vorbrugg A. Ethnographies of slow violence: Studying the effects
of rural disintegration. 31

HISTORY

- Kuznetsov I.A.* Production of grains and potatoes per capita
in European Russia in 1883–1913: Regional dynamics 53
Savinova T.A. “...The mind involuntarily seeks a way out
of the situation and tries to fill the absolute scarcity of agricultural
machinery with the increasing utilization rate”.
A note by A.V.Chayanov 84

THE PRESENT TIME

- Sauer S., Meszaros G.* Land struggle in Brazil under the Workers’
Party governments 93
Vinogradsky V.G., Vinogradskaya O.Ya., Nikulina E.S.
Ecology of the rural world as an object of sociological research 125

INTERVIEWS

- Alekseev A.I., Nikulin A.M.* “Geography has always
‘yearned for complexity” 143

РЕЦЕНЗИИ

- Nikulin A.M.* Worlds of the northern peasant crafts 167

IN MEMORIAM

- Fadeeva O.P., Vinogradsky V.G., Babashkin V.V., Kondrashin V.V.,
Gorovenko O.V., Shteinberg I.E.* In memory of Teodor Shanin. 172
Ovchintseva L.A. In memory of Galina Yastrebinskaya 196

Main Ideas and Methods of Social Agronomy (Part 1)¹

A.V. Chayanov

Moscow: Moscow Publishing Partnership on Agricultural Economy and Policy, 1918

Publication: Alexander Nikulin, PhD (Economics), Head of the Center for Agrarian Studies, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; Head of the Chayanov Research Center, Moscow School of Social and Economic Sciences. 119571, Moscow, Vernadskogo Prosp, 82. E-mail: harmina@yandex.ru.
Translation: Irina Trotsuk, DSc (Sociology), Senior Researcher, Center for Agrarian Studies, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; Researcher, Chayanov Research Center, Moscow School of Social and Economic Sciences. 119571, Moscow, Vernadskogo Prosp, 82. E-mail: irina.trotsuk@yandex.ru

The book by Alexander Chayanov *Main Ideas and Methods of Social Agronomy* is one of his key interdisciplinary works written and published at the beginning of the October Revolution and the Civil War. In this work, the economist Chayanov is a social philosopher considering the rural evolution as determined not only by the market and the state but mainly by the will and knowledge of rural households that can be led to the sustainable rural development by the organized public mind (a kind of a synonymous for civil society). Its most important social institution in the rural sphere is social agronomy. Chayanov emphasizes that social agronomy is one of the youngest social institutions. It appeared in the late 19th century in Europe and North America and in three decades turned into an influential movement uniting agrarian scientists, agrarian activists and a huge number of peasants striving for agricultural knowledge for more productive and cultural development of their households.

In this book, Chayanov is not only a social philosopher but also a social activist and organizer, teacher and psychologist. The book is based on his seminar, 'Social Agronomy and Agricultural Cooperation', which incorporated many years of personal communication with peasants, agronomists and agrarian scientists about dissemination and application of agrarian knowledge by peasants.

We publish the first five chapters of the book about the tasks and methods of social-agronomic work, its program and organization. For the contemporary reader, this publication is not only of historical interest. Chayanov's ideas are still relevant for the effective interaction of professional agrarians with the rural population, peasants and farmers in the organization of agricultural knowledge, agricultural cooperatives and agricultural consulting.

Keywords: social agronomy, agricultural evolution, peasants, state, agrarian reforms, agrarian knowledge, agricultural cooperation

DOI: 10.22394/2500-1809-2020-5-1-6-30

-
1. The research was supported by the Presidential Grants Foundation. Project "The school of A.V. Chayanov and contemporary rural development: Preserving the scientists' findings through the actualization of their heritage."

Foreword

Today our homeland faces an agrarian reform exceptional in its scale and depth. According to the unanimous opinion of Russian agrarian thought, this reform cannot be limited to the new foundations of land relations in our villages and should aim instead toward the development of the productive forces of our agriculture.

Social agronomy is one of the most important ways to solve this task, which, despite great difficulties, hastens the publication of this book. It is based on the author's notes compiled for the seminar, 'Social Agronomy and Agricultural Cooperation', held at the Peter's Academy since 1913. Despite using extensive literature, the author considers it necessary to mention that he obtained most data from personal conversations with direct participants of social-agronomic work — V.A. Vladimirsky, K.A. Matseevich, A.N. Minin, A.P. Levitsky, V.I. Teitel, M.E. Shaternikov, M.N. Vonzblein, N.I. Kostrov, K.K. Dyssky, A.V. Shalin, I.V. Matveev, E.M. Sharygin and other fellow workers to whom he expresses his deep gratitude.

The author considers it his duty to express special thanks to his dear teacher, Aleksei Fedorovich Fortunatov, who directed his work for many years.

The publishing partnership's difficult conditions forced us to shorten the text significantly, omit the descriptive-illustrative part, and remove two chapters — 'Social Measures for Cattle Breeding' and 'Training the Agronomist'.

Gorbovo village, summer of 1917

Chapter 1. The tasks of social-agronomic work

Within economic policy, social agronomy is perhaps the youngest institution not yet fully developed. Although customs policy, land policy, transport policy, taxation, and other areas have extensive experience because of many-centuries of development, (which has been summarized and analyzed by a number of prominent researchers), our sector of economic policy has been nearly unaffected by theoretical analysis. Only in the last decade has it begun to systematize its experience.

Social agronomy was born in the last decade of the 19th century. In a short time it managed to become the largest social phenomenon and attracted thousands of agronomists in all countries of the cultural world. Three decades of their social-agronomic work have already created an extensive experience, which unfortunately remains scattered across local agronomic organizations. It has been collected and discussed to a very limited extent at various agronomic congresses and in articles.

In the early 20th century, there were first attempts at theoretical generalization, and the works of A.I. Chuprov, A.F. Fortunatov, D.N. Pryanishnikov, V.A. Vladimirovsky, K.A. Matseevich, Paul de Wuyt, A. Bizzozzero and some others laid the first theoretical foundations of social-agronomic work. The first attempts to generalize and systematize local experience allow the identification, at least in general terms, of the main tasks and methods of social agronomy.

First, we have to define the very term ‘social agronomy’ and its place within other institutions of economic policy. In the most general form, social agronomy can be defined as a system of social measures aimed at the evolution of the country’s agriculture towards most rational forms (in terms of time and place).

However, this definition is too general and cannot satisfy us with regard to the measures of customs policy, land policy, taxation and other forms of economic policy, which affect the evolution of agriculture and, thus, also correspond to this general definition. To narrow and deepen it, we need to define the very evolution of agriculture, at least in the most general terms.

We know that the agricultural production of all countries consists of many individual enterprises run by their owners’ will. Peasants combine elements of production into a particular production system according to their own understanding and desire. Simple observations and numerous statistical studies show that for the areas with similar historical, natural, and economic conditions, these methods of combining production factors are quite the same and therefore present several similar types.

A deeper analysis shows that the historically evolving, average, type of production system emerges and becomes sustainable because it is the most adapted to the conditions of the given place and time. However, such production systems do not remain unchanged; they undergo radical transformations and restructuring as the general conditions of their existence change.

The most powerful factor affecting production systems is the increase in population density. However, changes in market conditions and technological rationalization are of great importance too. Certainly, there is nothing in agriculture like the industrial revolution that was determined by the steam engine. Nevertheless, separators, chemical fertilizers, tractors, and harvesters significantly restructured agricultural production.

Unfortunately, the question of the forms and mechanisms of the agricultural evolution have not been sufficiently studied theoretically. This book aims to answer the questions about the evolutionary process, at least in the most general terms. What is the mechanism of the agricultural evolution, i.e., how does one average type of production system turn into another average type under changing conditions? To what extent is this spontaneous restructuring of agricultural production controlled by the public, and what is the quantitative

effect of this impact? Both questions have been poorly studied, and we can outline only the direction of their study.

According to the typical answer to the first question, the transition from one production system to another under changing conditions is spontaneous. Let us try to define the term in this case. As we have already mentioned, agricultural production in all countries consists of individual enterprises. Their heads combine elements of production into a system, which they consider the most profitable and which, due to the same conditions, brings all economies to one organizational type.

However, this does not mean that all economies of a homogeneous region are identical in their organizational structure and stay in constant organizational rest. The personality of the peasant, his creative energy, the features of the location of individual economies, and the quality of the land make individual economies constantly move away from the average type. We can find that such massive deviations are determined by the inquisitiveness of the human mind and that all households in an organizational perspective are a kinetic state of constant attempts, searches, and creativity.

The worst economic stagnation has not stopped such searches. This has been proven by numerous manifestations of the peasant economic creativity as collected by V.V. in his book *Progressive Trends in Peasant Economy*. The book describes the Russian village of sad memory in the 1870s and 1880s.

Quite often, deviations are unsuccessful and make peasants return to the average historical type. However, there are lucky seekers who introduce and keep new production forms that attract followers. This is a kind of natural selection of economic forms, which only partly resembles natural selection in the animal kingdom. The most successful forms that are most suitable for the existing conditions survive, whereas the rest are carried away into oblivion.

These constant organizational revivals and quick deaths of unsuccessful forms are a spontaneous, creative principle. Without participation of the organized public mind, this principle inevitably leads the individual economy to the average organizational type as the most rational under the given conditions. A great example of this social power is the production system of migrants on virgin territories.

Sometimes in Siberia, there are new settlers from the Volyn Province, Kharkov steppes, Kostroma forests, and the black earth of the Kursk province. The resettled families keep the production skills of their homeland and, in the first years, try to apply them in the new place. A long series of failures and creative attempts eventually brings the natives of Volyn, Kharkiv, Kostroma, and Kursk to a new average type of production organization as the most appropriate for new conditions. After one or two decades, only minor details of the former production system remind them of the abandoned homeland.

If economic conditions do not change, the average type of enterprise and farm creatively fluctuates without fundamental changes around the objectively best forms. The situation changes when some condition of economic life undergoes a major modification and the previous, average, organizational type ceases to be the best possible one. The economies that are creatively deviating towards better forms secure these forms for themselves. Their success fosters imitations and slowly but surely makes other economies give up the old organizational forms in favor of the new ones. Thus, in a few decades, masters of the country will spontaneously find a new, average, organizational type that is the most appropriate to the new conditions around which their creative searches fluctuate.

This is the most general scheme of agricultural evolution. In this process, there is no socially organized will, no public consciousness, no commander, and no plan. It is almost as spontaneous as the natural selection of species in the animal kingdom.

Now we can consider the second questions: how can the organized public mind influence the described spontaneous process of agricultural evolution, and what are the forms of this influence? The public mind has two ways to influence the spontaneous evolution of agriculture. 1) It can change the economic conditions and allow the dark, spontaneous process to adapt organizational forms of the economy to the new, economic system. This mode of action has been consecrated by centuries of state practices. The state took control of agricultural evolution many times by changing the price system with customs rates, by destroying the power of space with improved means of transportation, by encouraging some production groups with tax rates, credit and tariff policies, and by authoritatively interfering in agricultural development with new land laws. Nobody doubts the power of this form of influence; it was and will always be a powerful instrument in the hands of the public mind.

2) On the other hand, it can influence agricultural evolution by affecting the will and mind of peasants, by directing their creative searches towards forms they consider rational, by preventing them from false paths of creative searching, by supporting successful undertakings by its authority, and by accelerating and rationalizing the process of evolution. Such an introduction of rationality into a spontaneous process is the essence of social agronomy.

Thus, the public mind faces two tasks: (a) A most in-depth analysis of the natural and economic conditions to identify technical and organizational forms that are most rationally adapted to them. Agronomic science, experimental institutions, and economic research are to solve this task. (b) Because agronomic thought can identify the required technical methods and organizational forms, it has to influence agricultural evolution and direct it towards the identified forms.

We can specify these tasks in the following three points. Social agronomy has to (1) introduce improved methods of farming and cat-

tle breeding; (2) change the economies' organizational plan towards greater compliance with the current conditions of the country's economic reality; and (3) organize the local population into unions and groups which, on the one hand, provide the smallest economy with all the advantages of the largest economy by cooperative generalization of individual aspects, and, on the other hand, take on consolidation and further deepening of new economic principles.

Thus, having identified the tasks of social-agronomic work, we should emphasize that they are not as important for social agronomy as methods for solving them.

Chapter 2. Methods of the social-agronomic work

If we admit that the task of social agronomy is to accelerate and rationalize the spontaneous evolution of agriculture towards greater compliance with changing conditions, then representatives of social agronomy can be called organizers of the ongoing agricultural reform. However, the word 'organizer' is not quite applicable to the term 'spontaneous process' and, thus, has an unusual meaning.

Let us consider a private economy with thousands of *desiatinas* of land, which unites hundreds of agricultural workers, uses outdated methods, and needs radical reorganization and organizational reform. The agronomist-organizer assigned to implement this reform studies both the economy and local conditions to develop new rational plans for organizing the economy and the transition from the old production system to the new one according to both the economy and local conditions. Then, by force of his will, the agronomist-organizer sets in motion capital from the economy and numerous land workers without taking their desires into consideration or even asking their opinions. By the force of his will and without considering the understanding and will of the reform participants, the agronomist-organizer implements a reform plan by combining production elements of the economy into a new system. The term 'agronomist-organizer' is usually associated with the type of activities described above.

The organizational activities of social agronomy consist of this type of action. Social agronomy considers the reform participants not as dumb beasts but as independent peasants who organize and run their economies by their own will and mind. Only they can manage their economies, and nobody has the right to order them anything.

Therefore, we have to admit that social agronomy does not run any economies, and it cannot implement any programs by its own will and desire. Its methods are limited to reviving the creative initiative of working people by influencing their minds and will and making this initiative the most rational one. In other words, the representative of social agronomy is more a social worker than a technical one. His activities are focused on people, their minds, will, conscious-

ness, and relationships rather than on fields, livestock, and household equipment.

If social agronomy wants to create a new agriculture, it has to create a new human culture and a new people's consciousness, so that this new human culture will create a new agriculture. Social agronomy as an institution is aimed at social activities, and this social nature of activities is the most important and essential distinguishing feature of social agronomy.

One may ask whether such an influence on evolving economies is the only right and possible one. Perhaps the public mind would be more successful if the organizational reform of agriculture were similar to the organizational work in the private economy. There it consists of adopting special laws that foster the restructuring of farms and training special agronomic administrators with ample strong powers. The Empress Catherine, Frederick the Great, and other representatives of enlightened absolutism introduced potatoes with canons and executions. However, we believe that such a task is beyond the powers of the public mind, even with the full power of the state.

The activities of the peasant are so local in nature and so much determined by the features of the cultivated patch of land that no external will can run this economy more or less intensively. We can say that the art of the peasant is his ability to use particulars. Only the peasant who has studied his economy for many years in practice can successfully run it and especially reform it. Therefore, the idea of replacing the creative work and intuition of the peasant with the organized public mind is hardly realizable, even by Laplace's 'universal mind'.

Even if this idea were feasible and the society had enough creative organizing forces to completely replace the will and thoughts of the peasant, such an unconsciously adopted reform would not be deep and sustainable. Moreover, wishing to take the place of all local peasants and manage production, the existing public-state bodies would not have sufficient financial means to solve this task. The reform would be too expensive compared to the usual methods of social-agronomic work.

Thus, we can argue that social agronomy should not replace national economic forces but rather should play the role of an enzyme that boosts them and directs their work. Social agronomy deals with a large number of 'managing people' who have skills and ideas about agriculture, to whom nothing can be ordered and who do everything based on their own free will and their own initiative.

We need to somehow draw the attention of peasants to the possibility of changing their usual working methods. We need to replace the old ideas of the local population with new ones, awaken this population to activity, and give it an emotional impulse by verbal and written persuasion. We need to do so by examples and visual evidence to convince them of the advantages and greater profitability of the new

techniques over the previously practiced ones. Without such an impulse, no evidence would be proof, all propaganda would turn into a curious story, and social agronomy would lose its meaning.

Agronomic workers have numerous means of influencing the mind and will of the population. Places for oral propaganda include conversations at peasant gatherings, in taverns, on market squares, at lectures with visual demonstrations, and short courses for the most active peasants. Wall posters vividly promoting the basic agronomic truths, popular brochures, leaflets, and local popular agricultural journals-newspapers use the power of the printed word. Agricultural exhibitions and demonstrations of the improved machinery at work, experiments on the peasants' fields, demonstrative feeding of livestock, machine rental offices, machines promoted for testing and the whole demonstration economies provide social agronomy with the persuasiveness of good examples.

Selecting the most active and conscious peasants from the local population — 'Sidorovs and Karpovs who want to improve their economy', organizing independent peasant groups from them, awakening local public life in the very depths of the village and teaching peasants the universal skills of social work — this is the field for the organizational art of social agronomy. If we add to this the organization of agricultural warehouses that supply the population with agricultural machinery, seeds, and fertilizers, the opening of breeding and seed-cleaning stations, consultations for individual economies, and other similar measures that play a special role in the social-agronomic work, we will outline its scope of activities. This scope is extensive in form and possible content. Therefore, agronomic thought has developed some guiding ideas that help find one's bearing in this scope and systematically organize social-agronomic work.

Chapter 3. The program of social-agronomic work

Social agronomy aims to influence the mass, spontaneous process of the agricultural evolution. Therefore it should use mass means, e.g., all rural population should be the object of its influence, and all its measures should affect all peasants and not only individual Sidors and Ivans.

Certainly, agronomic workers always deal with individuals, but social agronomy should consider individual economies not in their specificity but as representatives of the national economy. Therefore, when identifying the initial goals of its propaganda, social agronomy should focus on those aspects of the economy that are common to all peasants in the region. As a rule, the social-agronomic program identifies two or three pressing economic needs that are easy to meet with a deep, visual effort to solve the problems.

Such a focus and certainty of the program are of particular importance considering the low cultural level of the rural population in the countries with widely developed, social-agricultural work. Almost everywhere, before promoting agrarian reform, social agronomy had to promote itself and often conduct general cultural work. Therefore, the social-agronomic work has to be organized in such a way that it makes the brightest, most sensible, and strongest impression possible on individual minds and has a strong, mass impact on peasant psychology.

The pioneers of social agronomy were destined to stir up the sluggish minds of the inert peasantry and inspire peasants with the very possibility of new ideas. This is why in Russia, Italy, and Belgium these pioneers started with common and clear issues that affect and interest everyone. The success of one such case in the village of Elizavetino quickly became known, interesting, and understandable in the village of Sudislovo and many other villages.

According to this intensive model, first social-agronomic programs consisted of elementary, almost obvious, technical reforms. If the wooden plough rules in the *uyezd*, then the program contains a paragraph about the widespread use of plows; if the *uyezd* suffers from insect-pests, then the program introduces measures to fight them; if in the *uyezd* there is an extremely abnormal ratio of grain and forage areas, then the focus is on grass growing. In the same way, programs introduce bare fallow, fall-plowing, and so on.

According to the program, for years the pioneer agronomist destroys winter cutworm, introduces grass growing, and promotes bare fallow. His practice is limited to this; he is not interested in other details of the economy. Moreover, he cannot be interested in them in order not to disrupt the implementation of his main program. It is hardly worth mentioning how important and responsible the proper implementation of the main program is.

There can be neither general provisions nor standards, because in each region we must proceed from hundreds of particulars that cannot be foreseen by general considerations. Therefore, we will not be mistaken if we say that the most important task of social agronomy is the correct diagnosis of local needs and defects in the agricultural system. Certainly, methods and promoted techniques of the social-agronomic work are so elementary that their implementation does not cause great difficulties. However, it is important to direct this work correctly and to plan all measures according to the results of the scientific analysis of local conditions.

Another equally important task is to compare the forces and means of social agronomy with the tasks set in its program. As a rule, material and human resources are so limited that we have to ensure that the work gives the maximum social effect per unit of effort and means, i.e., the work is the most socially profitable.

These are the first steps in the general scheme of the social-agronomic work. We should note that its inherent limitation — a focus on

two or three paragraphs of the main program — does not mean a refusal to reform other aspects of the peasant economy, which is a single whole. In other words, if the reform affects its foundations, the reform determined by the creative initiative will easily affect other aspects of the economy.

Because of social-agronomic work development, the elementary tasks of the main program are gradually solved. After a few years of hard work in the thickness of village life, agronomy will become a part of the peasant economy. The practice raises a number of often unpredicted questions, and the population becomes accustomed to the activities of agronomic assistance. There are new tasks, which make us deepen our agronomy, and life itself often provides us with new fields of work.

Previously the program of social agronomy considered only those needs that were to be torn out of the context of regional economies. But today we return to this context and individualize our work so that it focuses on smaller areas and even groups of economies. According to such intensification of social-agronomic work, the very structure of social agronomy changes — the amount of work per unit of area significantly increases, the number of agronomic workers and amount of funds spent also increase, and there is a significant differentiation of work.

Russia passed this turning point in the first decade of this century, which resulted in the transition from the *uyezd* type of agronomy to the district one. In *uyezd* agronomy, one agronomist served the territory of the whole *uyezd*, whereas in district agronomy, the *uyezd* was divided into several small districts (two to three *volosts*), and their small area permitted the quite intensive use of the agronomist's efforts. Intensification of work significantly changed its character. The *uyezd*-agronomy work was not difficult and consisted of two to three usually clear and well developed paragraphs of the program.

This does not apply to the work of the local agronomist. When the program increased its content, it lost its general character. When the agronomist became district and plunged into the real economic life of specific economies, for the first time he faced a production organism in all its specificity. For the first time he not only could but also had to understand a private-economy position. He began to evaluate net and gross profitability and their importance for the general organizational plan of the economy; he began to consider economization, use of the labor of people and animals, and the ordering of the money economy. For the first time he carefully analyzed the organizational plan of the peasant economy and began to think about its radical reorganization.

District agronomy keeps elements of the program in the interest of regularity. However, the new district program generalized a smaller set of economies, which made it much more complex and diverse. As the social-agronomic work deepened, it lost more and more elements

of the program's nature. A typical example of this is the Belgian social agronomy before the German invasion.

Today, as a result of twenty-five years of agronomic organization efforts, Belgian farmers use rational methods in their fields and stables. The whole country is covered by a network of local communities that emerged from the thickness of the rural population. They aim to further improve the country's agriculture. The agronomist's role lost its initial features described above and gradually became quite different. Today the Belgian agronomist is no longer a propagandist of new ideas who strives to gain people's trust and convince them of the need to improve technologies. Trust was gained long ago; agronomy as a science was recognized long ago; the agronomist does not need to go to the people, but the people come to him.

Thus, we see that not only was the goal of the primary period achieved, but all three tasks set in the first chapter were solved. The social agronomist has increasingly turning into a case advisor, organizer of social agricultural life, observer and researcher of new ways.

In general, this is the peculiar nature of the new institution of economic policy, the main features of which are its temporariness and constant changes.

To conclude, it is necessary to consider one social question that is still of concern to agronomic workers: which layers of our peasantry is social agronomy to serve? Should it advocate to the whole peasantry or should it serve only a group of peasant economies in the most conducive position for agronomic progress? In other words, the question is what is the ultimate social goal of social agronomy — to help the local economy or to help the local population?

The most extreme supporters of the former, South-Russian agronomists, argue that, for the agronomist 'there is no population, there is only agriculture'. Their opponents, agronomists of the north, object that this is fair for individual members of the agronomic organization. But, as a whole, first comes the population and only then agriculture as one of the most important aspects of this population life. This contradiction has determined differences in social-agronomic work.

In recent years, the idea of a 'differential program' has become widespread. It claims that each group of the socially stratified peasantry has its own path to economic progress. This idea poses very difficult organizational questions about the fate of poor economies. It does not allow leaving to their own devices those economies that still do not understand the form of their economic progress.

Chapter 4. Developing an agronomic program

No branch of the national economy is more dependent on local time-space conditions in its techniques and organizational basis than agriculture. Sometimes, a barely noticeable topography or a railway

station fundamentally changes the organizational foundations of agricultural enterprises.

Therefore, general considerations and standards cannot determine the programs for the activities of social agronomy that aim to heal the ills of this branch of the national economy and organize agricultural production on a new basis. When developing an agronomic plan for the Voronezh or Chernihiv Province, one cannot rely on the social-agronomic program developed for the Moscow Province. Local workers need to consider local conditions creatively in their agronomic consciousness. They need to develop a program of activities each of which is determined by a deep and detailed analysis of the local economy.

In this creative work, careful studies are the most important element for the correct diagnosis of agricultural needs and a prerequisite for success. Social agronomy can work confidently only when based on such research results. Otherwise its activities would be misguided, and its success would be random.

On which elements of local life should social-agronomic research focus to gain necessary awareness? Let us identify them in a number of points.

I. First, social agronomy should study in detail the activities of the local area, as well as the borders of this area, the location of rivers, hills, and settlements to easily navigate in the spatial dimension of any observed phenomena.

II. To localize the object of our study in space, we need to localize it in time. To do so, we need to identify the main lines of the historical development of the region and its settlements and the most important stages of its economic development. Only after creating this historical perspective will we fully understand the phenomena of current life and the temporal stages of its agricultural evolution.

III. After localizing the object of our study in space and time, we can start a more detailed analysis. We have to begin with a natural-historical study of the region: its geological past, rock outcroppings, soils, topography, and orography, climatological and geo-botanical data and, finally, pests common in the area. The natural-historical study results in a museum that consists of an herbarium of local flora, mineralogical and soil collections, summary tables, diagrams, cartograms, etc., which we will consider in more detail in the chapter on agronomic equipment.

IV. After a study of the natural conditions of the region, we can proceed to a study of the local, agricultural technologies. We should surely start with experimental fields and plots and different collective experiments in the area of an agronomist's activities and surrounding territories. Despite the young age of Russian experimental work, it has managed to accumulate extensive, agricultural-cultural experience. However, it exceeds all reports. Therefore, it is absolutely necessary for every worker of social agronomy to study the work of these observatories of agricultural life through personal and repeated visits.

V. Even a comprehensive study of experimental fields and their results will not provide a complete picture of the local agricultural technologies, which makes us pay special attention to the experience of local peasants. The easiest way to study this experience is to visit local, large economies — state, *zemstvo*, or private — because their agricultural experience is the most systematized and studied. However, social agronomy working in the thick of peasant economies should focus on their centuries-old experience. It is very difficult to study because it is often insufficiently considered by the population. It has the form of custom or uncritically accepted tradition, but it is very valuable for agronomy because of its local origin.

Unfortunately, our agronomists are often mesmerized by “school” agronomy and sometimes fail to consider this peasant experience with due respect. This is a big mistake, because, for ages, technologies of the peasant economy have been selected purely spontaneously for the local conditions and have often turned out to be ideal for them. We can confidently say that any new technology can be mastered successfully only if social agronomy considers it through the local, peasant experience.

Therefore, no matter how difficult the study of the peasant agronomic experience is, it must be studied by observing individual techniques and how they are combined and by analyzing their agronomic essence. It must be studied by logically linking actions that are traditionally connected in the peasant mind, so that the peasant economy provides us with a whole system of extremely valuable agronomic knowledge. The study of the evolution of peasant, technical methods and the analysis of the causal dependence of this evolution on economic and technological factors are particularly instructive.

VI. Thus, we can summarize the results of natural-historical and agronomic studies of a region in a normal, agricultural calendar that would provide us with a picture of a usual agricultural year.

VII. After a study of farming and cattle-breeding technologies and their natural-historical basis, we should proceed to a study of managing peasants. This requires, first of all, an analysis of the ethnographic-demographic composition of the population. A study of the people living in the region, their beliefs, customs, legal and family traditions, and folklore gradually opens the everyday environment of the agricultural production process that interests us and inevitably affects the organization of the economy. The study of the age and gender composition and migrations together with labor forces and consumer units, and, finally, the study of the sanitary conditions and cultural level of the population provide us with a general basic understanding of the object of the future agronomic impact.

VIII. We have to consider in much more detail the economic mode of life in the region. We have to identify the need for material goods, study the nature of the consumer budget, and explain its sources in general terms. It seems absolutely necessary to study in detail the

existing types of the organization of the economy to learn the combination of production elements in all types of labor and capitalist economies, to calculate the costs of various goods production, the composition of the economies' capitals and forms of their turnover, depreciation rates, profitability, and so on. In other words, we have to describe clearly the existing agricultural enterprises in a private-economic perspective.

IX. After the study of the agricultural production in the region in a private-economic perspective, we have to consider those social-economic relations that are based on the production process. When studying land relations, we have to consider the statistics and evolution of land ownership and land use to identify the foundations of the existing forms of community and household ownership, the economic nature of land rent, types of land mobilization, strip holdings of land, etc.

We should conduct the same detailed analysis of labor relations in the region, its seasonal and local crafts, the processes of differentiation in peasant economies or their leveling-off, capitalization and other evolutionary processes. It is unnecessary to emphasize that the social-economic relations mentioned above should be considered in an evolutionary perspective. We have to pay special attention to the trends that the economic evolution currently implies and to its factors.

X. It is especially important to focus on a detailed analysis of market relations. We have to study the development of monetary elements in the peasant budget in the region of social-agronomic work; we must consider the local market organization and trace how agricultural products alienated by local economies get to a wider market and how local economies get the purchased products that they consume. The study of all market conditions is absolutely necessary for organizing agricultural progress, because its opportunities and paths are determined primarily by the market.

XI. Within market research, it is important to study the local cooperative movement by focusing on the organization and internal order of cooperative life. At the same time, it is necessary to pay particular attention to the importance of cooperation in the economic life of the region. This requires, on the one hand, studying the relationships of the cooperative economy with member households and, on the other hand, the role of cooperation in local commodity and monetary markets.

XII. Other forms of local-community work should not be ignored: public education, public sanitation, all activities of the state, and *zemstvo* and public organizations in economic life. It goes without saying that exceptional attention should be paid to social agronomy and its history.

XIII. Finally, we should make an inventory and study the composition of all cultural strata of the rural population in the region. Like any social work, social agronomy relies on people and can influence agriculture only through people. Therefore, social agronomy has to

register and establish close ties with all those living forces in the region who can become pioneers of a new culture. Outstanding peasants, students of agricultural and cooperative courses, leaders of local cooperatives, and rural intellectuals are the first and most important actors of the agronomic influence and major allies of social agronomy. They should be registered, and their possibilities should be used fully. The organization of social ties in the area of the agronomic work is one of its most complex and crucial tasks.

This organization is an outline of the elements that have to be considered when developing the agronomic work programs. One might say that a detailed and comprehensive study of them requires many years of hard work, numerous scientific institutions, and completely back-breaking social agronomy. Although this is true, we do not propose to put all research work on the shoulders of the agronomic organization. In many cases, it can use the work of statistical offices, soil and geo-botanical expeditions, and the reports of meteorological stations and experimental fields. However, a considerable part of the research is to be conducted only by the agronomic organization. All or nearly all social-agronomic organizations do perform all the tasks mentioned above, because otherwise social-agronomic activities are unthinkable.

Although some data can be found in literature about the above-discussed issues, the remaining data must to be collected through the personal research and observations of social-agronomic workers, especially data to diagnose the local agricultural needs and find ways to meet them.

Unfortunately, our social agronomy has not yet developed a methodology of this diagnostic, and the very nature of agronomic work does not suggest any prescriptions or standards. The only thing that we can describe here is a general outline of the stages through which agronomic thought must pass to develop a program of activities.

The first task of this analytical work is to reveal the discrepancies between the local conditions of economic life and the existing organizational forms of peasant economies. Then, by studying the existing market conditions, taking into account the available and possible productive forces of economies, and analyzing the forms and trends of their development, we have been able to identify both the content and direction of the progressive evolution of the local economy.

Without such a projection, any agricultural production is unthinkable; moreover, without predicting a further course for the natural evolution of agriculture, we cannot develop its reform. This work is to provide at least a schematic definition of those organizational forms that represent a kind of economic ideal. After creating such 'ideal' organizational plans, we have to develop forms for their technical implementation in the given soil and climatic conditions.

Having set a goal, we have to develop forms very carefully for the transition from the existing system to the intended ideal. The neces-

sary organic, gradual, and painless restructuring of economies and funding have to be thought out especially carefully and deeply.

Thus, we have fully outlined the reform that economies of the region under study should implement. Let us consider an illustrative example — one of the Moscow-region *uyezds* in a three-field, flax area. The gradually expanding density of the population has made the three-field economy expand cultivated land by plowing forage land. At the same time, the excess labor force and budget have gradually developed a monetary and labor-intensive flax crop on spring-sown fields at the expense of oats and barley. The reduction of the forage reserve and destruction of the spring straw stocks have undermined the basis of the peasant fodder production and forced peasants to significantly reduce cattle breeding, which has harmed field crop cultivation because it lost the necessary manure fertilizer. All this resulted in economic collapse, and flax that exhausted the soil is gradually reducing its yields.

Market conditions allow the development of flax cultivation and require its economic efficiency. On the other hand, the proximity of Moscow allows the development of dairy production and other forms of productive cattle breeding unknown to the local population in its commercial form. Even the shallowest analysis of the situation proves the need for grass cultivation, which, on the one hand, would compensate for the exhausting effect of flax and strengthen its position in crop rotation. On the other hand, it would provide the necessary forage basis for productive cattle breeding, which requires an improved breed of livestock and the introduction of dairy *artels* and control unions. Dairy factories would provide the economy with skim milk just as the local production of linseed oil provides it with cake. Together, skim milk and linseed cake allow the fattening of calves or pigs.

This is how an organizational ideal is created: flax cultivation is based on proper fodder grass cultivation; grass cultivation is the basis for linseed-oil production; skim milk and linseed cake determine the development of swine breeding; sales of flax and linseed-oil production can be combined with some other aspects of production. It goes without saying that this ‘ideal’ can be achieved gradually by the peasant economy by developing grass cultivation and, on this basis, implementing the rest of the reform.

When striving to achieve what is desired, it is necessary to not be carried away by technical effects. This is quite understandable for the agronomist who is passionate about his art, because results that are technically effective often turn out to be of low-profit. For instance, it would be a mistake for northern Russia to strive to increase meat-dairy breeds in order to evolve towards breeding dairy cattle.

After developing a plan of economic reform in detail, we have to begin taking those agronomic measures that support the reform, accelerate, and guide it. The first step is to develop an agronomic propaganda program. Based on the data about the peasant economy and

the directions we set for its progressive evolution, we have to identify those elements in the organizational plan of the peasant economy from which its reorganization would start and also the crucial elements for applying the power of agronomic influence.

From the previous chapters, we know that this program has to be laconic. It has to consist of only those elements that, first, allow the meeting of the general needs of the entire region, and, second, ensure the quickest and most powerful economic-social effect.

Paragraphs of the program are to be completely technically specified. We should not only promote grass cultivation but also set the recommended crop rotation, the composition of grass mixtures, and the methods of tillage and sowing. In the paragraph about plows, we have to name the promoted companies and brands according to the soil and other features of the economy and take into account the type of propulsive force. To improve the livestock production, we have to develop a detailed program for crossbreeding or breeding depending on the local livestock and economic tasks, etc.

Having set the content of the social-agronomic program, we have to develop forms of its educational implementation, i.e., to identify by what methods its paragraphs can be implemented. We need to determine in which cases we should use oral propaganda, in which cases we should use demonstrations and experiments, when training courses can be very useful, and where the help of cooperatives is especially needed. Such specification determines the whole set of necessary social-agronomic actions; without such specification we cannot proceed to designing a social-agronomic organization capable of solving all the tasks.

Chapter 5. Agronomic organization

In the previous chapters, we intentionally did not mention the words ‘social agronomist’ and used the term ‘social agronomy’ to emphasize that we talk not about individual agronomic workers of the *zemstvo*, state, or cooperative offices, but about the whole public-state institution formed by the unity of actions and the guiding will. This unity of social-agronomic actions is primarily determined by the unity of the organizational plan of the agricultural enterprise. Because it is impossible to consider any branch of agriculture separately from all others, measures for changing any branch of the economy should not be implemented without careful coordination with measures affecting other branches of this economy. Therefore, the whole institution of social agronomy rather than individual specialists has to diagnose local agricultural needs, develop programs of social-agronomic work, and control their implementation.

As we already know, forms of social-agronomic work are extremely diverse. They range from oral presentations, visual presentations

that vary from wall posters to demonstrations of machinery, to a model experiment or a whole model plot. They also include popular literature and agricultural periodicals, organizations of all kinds of *zemstvo* enterprises, participation in cooperatives, special technical consultations for peasants, and other forms. If we admit that social agronomy constantly needs tireless research as the only basis for its productive activities, then the scope of the social-agronomic actions becomes extremely large and diverse and requires a great variety of knowledge and practical skills. It is obvious that to implement all the above-mentioned measures, we need a large staff of different specialists who would organize their work on the principle of complex cooperation and more or less follow the principle of the division of labor. In other words, gathering staff for social agronomy is a serious and complex organizational challenge.

The art of the organizer of large-scale activities implies the successful achievement of three main goals.

I. It is necessary to divide a complex action into a series of elementary processes — simple to perform and accessible to the average performer.

II. It is necessary to coordinate the whole mass of individual elementary processes in time and space to ensure an overall result of their coordinated action.

III. When setting goals and dividing complex actions, it is necessary to rely strictly on the means at the disposal of the organizer and to pay special attention to the correct account of forces and abilities. On the one hand, it is unacceptable to put difficult and hard work on the shoulders of people who cannot cope because of personal qualities; on the other hand, it is economically and socially not profitable to involve qualified employees in the tasks that can be solved by less gifted and trained people.

A good illustration are usual statistical censuses; their technique has been perfectly developed in recent decades. According to the statistical tasks, one day the census institution is to talk with millions of the country's residents and ask them personally about the gender and age composition of their families, employment, literacy, etc. These data are to be calculated and studied in detail in different perspectives in the shortest possible time, which is an extremely difficult and hard task.

However, a well-developed method makes it easy to solve. The country is divided into census areas and smaller regions that are divided into census divisions — small territories administered by experienced statisticians; the census division is divided into a few dozen enumeration districts to which census takers are assigned.

Before the census day, the special staff prepares lists of villages and, for cities, lists of householders based on old data and preliminary surveys. In each enumeration district, a sufficient number of questionnaires is prepared (one per resident), in which the census ques-

tions are specified and printed together with columns for answers. The questionnaires are given to every census taker.

A few days before the census, the census taker goes around his district, informs the population about the future census, collects preliminary data and sometimes distributes census forms for self-reporting. On the census day, the census taker visits all residents, collects the completed forms or fills them in himself. All this work is monitored by the head of the enumeration district and his assistant. The collected data are checked and criticized by inspectors who pass the data to the special staff preparing questionnaires for counting. Workers in the statistical office group the questionnaires according to various criteria and then count them. The results are grouped in special tables and counted by other workers. The final results are analyzed by scientists who write and publish the census report.

Thus, we see how a complex task is divided into a number of elementary ones, how elementary actions aimed at solving elementary tasks are coordinated in time and space, and how coordination of elementary actions ensures a general complex result. Something similar should be done with any complex task, including the social-agronomic work.

When solving separate tasks given to him, every agronomic worker can devote all his attention and energy to only the technical aspects of solving tasks. However, the will of the entire social agronomy institution that guides him has to combine the individual actions of agronomic workers to ensure a unified impact on agriculture as a whole, taking into account its social-economic complexity.

When describing specific forms that allow solutions to organizational problems, first we have to emphasize that the existing types of agronomic organizations are determined not so much by the logical development of some organizational idea as by the historical evolution that depends on and adapts to a variety of temporal-spatial conditions. Therefore, in different countries and even different regions of the same country, we see various organizational types of social-agronomic work that are determined by differences in the structure of the state and society. They are also determined by the struggle of social groups and classes and, finally, by the structure of those organizations that were founders and developers of social agronomy.

Often we see pathological forms and even competing agronomic organizations that are hostile to each other. Moreover, forms of agronomic organizations are never ossified. They constantly move from one phase of evolutionary development to another and change under the pressure of changes in the content of agronomic work and even under the influence of the social-political conditions of the time.

In Russia, this evolution has already completed three stages in the development of the organizational forms of social agronomy. Those

stages are: 1) when there was one agronomist per *uyezd* — the extensive stage; 2) the district agronomy development — when intensification of agronomic work determined an increase in the number of agronomic workers in proportion to the territory and limited the area of each agronomist's activities to a relatively small one; and 3) the current period, which combines the work of district agronomists with the work of specialists in different sectors of the economy. This marks the further intensification of agronomic work. Each stage produced its own relevant organizational forms.

Our tasks do not include an ideographic description of the history of agronomic organizations. Therefore, we will focus on the study of the main organizational issues. To understand clearly the organizational features of any agronomic organization, we have to answer the following questions:

- 1) Of what people and bodies does the agronomic organization consist?
- 2) Which bodies set tasks and questions of the social-agronomic work?
- 3) Which bodies make decisions and, according to them, develop programs of the social-agronomic actions?
- 4) Which departments authorize these decisions and approve the developed measures?
- 5) How is the executive apparatus organized?
- 6) How is the unity of the social-agronomic will ensured?
- 7) How are accounting and control over the social-agronomic work ensured?
- 8) How is the system of the social-agronomic measures funded?

When using these questions to consider the existing agronomic organizations of Russia, Western Europe, and America, we first have to admit that agronomic organizations are very rarely established as free enterprises of people who unite in education societies, labor *artels* of agronomists, or special consulting agronomic bureaus for ideas or earnings. In most cases, agronomic organizations are created by the rural population, represented by the state, local self-governments, or cooperatives to meet their agricultural needs.

This fact affects the nature of agronomic organizations by creating them from two elements: first, elected representatives of the local population (*zemstvo* administrations or boards of cooperatives); and second, invited specialists-agronomists doing the work. This dualism in the organizational structure extremely complicates the issues of the governing will, initiative, control, and so on.

On the one hand, certainly, representatives of the most organized population have to play a guiding role, because this population will 'acquire' an agronomic organization to serve its needs. Therefore, it has to set tasks, lead in their development and solution according to local needs and conditions, control all works, and request reports. On the other hand, it is equally certain that the social agronomist

should not be a soulless executor of someone's orders. Slave psychology is unacceptable in the creative work of the agronomist, where sometimes enthusiastic inspiration means much more than methodological diligence.

Because of its importance, the work of social agronomy goes beyond *uyezds* and provinces. The rise of the country's agricultural life is a common civil concern, and the agronomist who dedicates his life to this great concern is the same public figure as an elected representative of the population. He certainly serves not so much the population of a certain patch of land as the task of the general, agricultural revival of his homeland.

Therefore, because councils and boards of cooperatives represent the local population, agronomists of agronomic organizations represent social agronomy. Some social agronomists even argue that the population representatives are only to set tasks and the general direction of work and to approve reports, whereas the rest — specification of tasks, development of relevant measures, their implementation and control — should be provided only by practical workers, i.e., the third element.

We do not agree with this extreme point of view and believe instead that the whole scope of work should be performed by a board consisting of representatives of both local population and the agronomic community. On issues of a general and fundamental nature, representatives of the local population should have some dominance, and on technical-organizational issues, representatives of the agronomic work should.

According to this rule, the Russian *zemstvo* agronomy developed two types of collegiate bodies governing the work of social agronomy: the economic council and the agronomic council. The former consists mainly of elected representatives of the population, is in charge of all fundamental issues of the region's economic life, and is responsible to the *zemstvo* assembly of heads of social-agronomic work and other economic activities. In contrast, the agronomic council consists mainly of representatives of the agronomic community, i.e., the third element. The agronomic council directs the work of agronomists within the domains set by the economic council and has to pre-develop all issues submitted to the economic council.

These are the bodies that represent the organized social-agronomic mind and will, directing and governing agronomic work under the supreme supervision and sanction of the population represented by the *zemstvo* assembly.

Let us now proceed to the analysis of the executive staff. When comparing Italian and Russian social agronomies, we can distinguish two types of executive staff: in Italy, the area served by the agronomic organization (*cattedra ambulanta*) is not divided, and all members of the organization serve it together, sometimes specializing in a particular sector of the economy, i.e., the division of labor is ob-

ject-oriented. In Russia, after the introduction of district agronomy, the agronomic organization is based on the principle of the territorial division of labor, and the majority of work is performed by district agronomists serving a certain small territory in all sectors of agriculture. This organizational type is based on the unity of the organizational plan of the peasant economy and on the fact that all its sectors are so closely connected that any separation is undesirable.

However, this principle does not contradict the availability of specialists who serve certain sectors of the economy: they specialize in animal husbandry, dairy husbandry, gardening and horticulture, beekeeping, flax cultivation, and cooperation. They all collaborate with district agronomists in the technical consulting of the population in different sectors of the economy and do not influence the work of district agronomists on changing the organization of economies in general. Thus, even with the assistance of technical specialists, agronomic reform and its management are entirely the duty and responsibility of district agronomists.

The object-oriented division of labor in agronomic organizations is not limited to the division of the staff into district agronomists and specialists. It goes further and introduces the position of the *uyezd* agronomist. His duties include representing the agronomic organization, bookkeeping and reports, counselling *zemstvo* administrations on agricultural issues, and supervising all-*uyezd* agronomic institutions and undertakings, such as agricultural warehouses, courses for peasants, exhibitions, etc. The duties of the district agronomist are sometimes performed in turn by all district agronomists. They are performed more often by the district agronomist of a suburban area and are significantly reduced to make his work easier. However, as a rule, the all-*uyezd* special duties are so numerous that a special person with a special assistant clerk is needed to perform them,

The special *uyezd* agronomist sometimes does not have a special position on the agronomic board. Because of his personal authority, he becomes a spiritual leader for the entire agronomic family. Sometimes he becomes the formal head of the agronomic organization and personifies its will, ensures its unity, and possesses the right to control and inspect the work of other members of the board.

Besides the already mentioned positions, the agronomic staff includes 'support personnel' who are not a part of the agronomic board and perform only executive functions. They include all kinds of agricultural headmen, master-hands, junior instructors, and so on. 'Trainees' hold an intermediate position between agronomists and support personnel. These future agronomists are mainly students who do their practical training as agronomic support staff.

This is, in short, the system of the *uyezd* social-agronomic organization practically developed by the Russian *zemstvo* agronomy <...> The *uyezd* social-agronomic organization is a complete, working organism and a part of the provincial agronomic organization. The re-

relationships of the *uyezd* organization with the provincial organization are still to be established by agronomic practice.

Uyezd zemstvos and provincial *zemstvos* are not subordinate, and the division of their work in most branches is based on cooperation that should not limit the independence, equality, and freedom of *zemstvos*' initiatives. According to the Russian agronomic congresses, the local practical work is to be done by *uyezd* agronomic organizations, whereas the provincial *zemstvo* is to unite the activities of *uyezd zemstvos*, to develop common provincial activities initiated by provincial or *uyezd zemstvos*, and to support financially the weakest *uyezd zemstvos*. Moreover, the provincial *zemstvo* can take independent social-agronomic measures that are of general importance or impossible for individual *uyezd zemstvos*: research, courses, experiments, zoo-technical measures, etc.

In its structure, the provincial agronomic organization is similar to the collegiate bodies of the *uyezd* organization. Its distinctive feature is that a significant part of the provincial agronomic council or congress and almost the entire executive staff are representatives of *uyezds* and are not in the service of the provincial *zemstvo*. Therefore, the unity of the agronomic will and its working discipline are maintained only by the authority of the provincial organization and indirectly by the financial dependence of some *uyezd zemstvos* on the provincial *zemstvo*.

This is the scheme of the extremely complex Russian agronomic organization. Because of the introduction of the *volost zemstvo*, this scheme will change significantly, but this is a matter for the future, which we have no data to predict.

To conclude our essay, we will consider one extremely important and pressing issue of agronomic development. As we have already shown, the governing will in social-agronomic work belongs to collegiate bodies, but the practical work remains individual. It is very important to find out for what cases the collegiality of decisions is absolutely necessary and for what cases the right to decide can be granted to executors.

A lack of collegiality destroys the unity of agronomic work and weakens its unanimity and strength. On the other hand, the application of a collegial form of discussions and solutions to a very wide range of everyday agronomic issues leads to 'collegiality hypertrophy', which makes us spend more time on endless meetings than on work. There are cases in which agronomists have spent more than a hundred days at meetings in a year. Certainly, this situation is undesirable. We believe that only issues of fundamental importance, guiding activities of local workers, or of a general nature are subject to collegial decisions. The unity of the agronomic will can be ensured by cooperation of *uyezd* and provincial agronomists responsible in every action to the collegiate bodies and acting on their behalf and by their authority.

А.В. Чаянов

Москва: Московское товарищеское книгоиздательство по вопросам сельскохозяйственной экономики и политики, 1918.

Составитель: *Александр Михайлович Никулин*, кандидат экономических наук, директор Центра аграрных исследований РАНХиГС при Президенте Российской Федерации; директор Чаяновского исследовательского центра МВШСЭН. 119571, Москва, пр-т Вернадского, 82. E-mail: harmina@yandex.ru

Перевод на английский язык: *Ирина Владимировна Троцук*, доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник Центра аграрных исследований РАНХиГС при Президенте Российской Федерации; сотрудник Чаяновского исследовательского центра МВШСЭН. 119571, Москва, пр-т Вернадского, 82. E-mail: irina.trotsuk@yandex.ru

Книга Александра Чаянова «Основные идеи и методы работы Общественной Агрономии», написанная и опубликованная в начале Русской революции и Гражданской войны является одним из его главных междисциплинарных социальных трудов. Здесь экономист Чаянов проявляет себя прежде всего как социальный философ, размышляющий о влиянии на стихию сельской эволюции не только рынка и государства, но прежде всего воли и знаний отдельных сельских домохозяйств, которых по пути устойчивого сельского развития может повести организованный Общественный Разум. Общественный Разум, в интерпретации Чаянова, является своеобразным синонимом гражданского общества. А важнейшим ключевым социальным институтом такого гражданского общества в сельской сфере, по мысли Чаянова, является институт Общественной Агрономии. Чаянов подчеркивает, что это один из самых молодых социальных институтов, возникший в конце XIX века в Европе и Северной Америке, который за три десятилетия своего существования во всем мире превратился во влиятельное социальное движение, объединяющее в своих рядах ученых-аграрников и агроном-активистов с огромным количеством крестьян, все больше стремящихся к усвоению аграрных знаний для более производительного и культурного развития своих домохозяйств.

В своей книге Чаянов проявляет себя не только как социальный философ, но также как социальный активист и организатор, педагог и психолог. Ведь в основу книги он положил свой учебный курс «Общественная Агрономия и Сельскохозяйственная Кооперация», вобравший в себя его многолетний личный опыт общения с крестьянами, агрономами, учеными-аграрниками по поводу распространения, усвоения, применения аграрного знания среди крестьян.

В этой публикации мы приводим первые пять глав чаяновской книги, посвященные задачам и методам общественно-агрономической работы, созданию программы общественно агрономических работ и собственно самой агрономической организации.

Для современного читателя эта публикация представляет собой не только исторический интерес, чаяновские идеи и в наше время по-прежнему остаются чрезвычайно актуальными для эффективного взаимодействия профессиональных

2. Статья подготовлена с использованием гранта Президента Российской Федерации, предоставленного Фондом президентских грантов. Проект «Школа А.В. Чаянова и современное сельское развитие: увековечивая деяния ученых через актуализацию их наследия».

аграрников с сельским населением, крестьянами и фермерами в организации школ аграрного знания, сельскохозяйственных кооперативов, институтов агроконсалтинга.

Ключевые слова: общественная агрономия, сельскохозяйственная эволюция, крестьяне, государство, аграрные реформы, аграрное знание, сельскохозяйственная кооперация

Этнография медленного насилия: исследование последствий разрушения сельской инфраструктуры

А. Форбруг

Александр Форбруг, кандидат географических наук, научный сотрудник Института географии Университета Берна (Швейцария). Галлерштрассе 12, 3012, Берн, Швейцария. E-mail: alexander.vorbrugg@giub.unibe.ch

Понятие «медленное насилие» рассмотрено в статье с точки зрения соотношения в нем, с одной стороны, концептуального содержания и исследовательской проблематики, с другой стороны — практик этнографической полевой работы и описаний. Акцент в статье сделан на двух аспектах проблематики: во-первых, автор рассматривает эпистемологическое взаимодействие исследователей и информантов, которые сталкиваются с теми формами насилия. Во-вторых, автор утверждает необходимость этнографического изучения множественной темпоральности в силу протяженных и сложных временных ландшафтов насилия, которые можно отследить через их темпоральные пересечения. Полевая работа все еще рассматривается преимущественно в пространственных категориях, поэтому проблема медленного насилия выступает важным напоминанием не упускать из внимания темпоральное измерение этнографического исследования. Свою аргументацию автор выстраивает на данных этнографической работы в сельских регионах России, которая подтверждает способность понятия «медленное насилие» сделать видимыми те формы утраты и лишения прав, что часто игнорируются в научных и публичных репрезентациях российского села.

Ключевые слова: медленное насилие, множественная темпоральность этнографии, политика репрезентации, полевая работа, сельская Россия

DOI: 10.22394/2500-1809-2020-5-1-31-52

Неуловимое насилие

Будучи в деревне российского центрального Черноземья, я оказался вовлечен в разговор двух пожилых женщин, сидевших на лавочке перед их домами, и разговор завязался легко и дружелюбно. Это был один из первых солнечных теплых дней после холодной зимы, поэтому было вполне естественным выйти на улицу и насладиться солнцем и легким разговором со случайным прохожим. Женщины обсуждали события в деревне, что Путин сказал по телевизору, семейные дела. И тут их разговор принял печальный оборот: три недели назад сын одной собеседницы умер в Москве, куда переехал в поисках работы. Она полагала, что это мог быть и несчастный случай, и убийство. Ее дочь уехала в Австрию десять лет назад, и с тех

пор она с ней не виделась. Сын второй собеседницы умер в Москве двенадцать лет назад, но и она не знала подробностей его гибели. Ее младший сын остался в деревне и, по ее словам, проводил дни в безделье, сильно выпивая. Ее дочь, получив высшее образование, работала в местном отделении банка уже восемь лет, зарабатывая семь тысяч рублей в месяц. Тут к разговору присоединилась третья женщина, отметив, что ее сын погиб в автоаварии некоторое время назад, видимо, будучи пьяным. Три собеседницы продолжили разговор о сыновьях и внуках, которые работали охранниками в городах. Многие собирались оставить эту работу, поскольку заработка была едва достаточно, чтобы оплачивать проезд и жилье в городе, и хотели вернуться к нерегулярным подработкам и, видимо, пьянству в деревне. Судя по разговору, собеседницы не винили молодых мужчин в «растрачивании» жизни, хотя очень переживали за них, — скорее они злились на те насильственные условия, которые лишили их детей и внуков возможности вести достойную и безопасную жизнь. Поразительно, что собеседницы явно воспринимали их выбор пропить свою жизнь как не менее легитимный и достойный, чем опасная, низкооплачиваемая и унижительная работа ради чужого обогащения.

В нарративах пожилых сельских женщин все это не звучало как нечто примечательное или необычное — напротив, как нормальное положение дел. Впрочем, и я не был удивлен: их рассказы напомнили мне о многих других преждевременных смертях и скорби тех (преимущественно женщин), кто пережил своих (в основном мужчин) детей и супругов, с которыми я сталкивался в своих полевых исследованиях. Эти рассказы напомнили мне и о недоеденной картофелине, которую я увидел на столе на строительной площадке несколько дней назад. Мой друг показывал мне это место и объяснил, что мужчина, оставивший картофелину на столе, неожиданно умер в возрасте 24 лет. Недоеденная картофелина лежала на столе еще две недели после его смерти, что, в отличие от многих других ситуаций, не показалось мне чем-то неуместным (Но почему молодой человек умер так внезапно? Почему картошка, которую он начал есть, пережила его, оставшись лежать на столе?)

Р. Никсон (Nixon, 2011: 3) определяет медленное насилие как «распространенное, но неуловимое насилие с отсроченными последствиями», «рассредоточенными во времени и пространстве» (Nixon, 2011: 10). Первоначально я не планировал проводить этнографическое исследование медленного насилия, однако это понятие помогло мне понять особый тип неожиданных событий в этнографической работе (Beban, Schoenberger, 2019; Faier, Rofel, 2014). Медленное насилие — это не нечто исключительное, ограниченное предустановленными группами и местоположениями, напротив, это сквозная проблема целого ряда контекстов и социальных положений, проявляющаяся самым разным образом. Это одна из причин, почему необходимо и полезно

с исследовательской точки зрения воспринимать медленное насилие серьезно — это методологический, аналитический, репрезентационный и политический вызов для этнографии в широком смысле слова: он заставляет и помогает изучать проблемы, рассредоточенные в пространстве и времени.

Каковы методологические основания географического анализа этого вызова? Географы опираются на долгую и устойчивую традицию изучения пространственно рассредоточенных феноменов не только в географии, но и в сопредельных дисциплинах. Понятие медленного насилия буквально заставляет нас выстраивать явные методологические связи с временным измерением, множественной темпоральностью, незаметными переменами и затяжными бедствиями. Я полагаю, что в этом заключается основной методологический вызов и потенциал этнографий медленного насилия, а постсоветская периферия предлагает показательные примеры для подтверждения возможностей данного понятия, которое помогает нам лучше понять, почему в заданных контекстах рассредоточенные в пространстве и времени страдания и лишения прав привлекают столь мало внимания или же неверно интерпретируются. Проработка сложных и запутанных темпоральностей, характерных для советских и постсоветских кризисов и объясняющих их, позволяет показать, как этнография может лучше описать временные ландшафты, выходящие за пределы этнографического настоящего. Я опираюсь на данные девяти месяцев полевой работы (2012–2014) по изучению сельских трансформаций и лишения прав (Vorbrugg, 2019a) в четырех западных регионах России.

Ниже я сначала обосную необходимость рассмотрения медленного насилия как в первую очередь исследовательской проблемы, а не чего-то, что мы «обнаруживаем» в действительности, просто используя данное понятие. Затем я опишу два типа задач: во-первых, репрезентационную задачу — вмешательства в те дискурсивные правила, которые либо нормализуют медленное насилие, либо усугубляют его зрелищность; во-вторых, задачу разработки адекватной модели полевой работы в условиях медленного насилия, которое порождает особые формы медленной политики. Последняя задача заставляет серьезно задуматься о политическом и концептуальном взаимодействии с акторами, которые обычно не высказывают свои критические оценки публично и не создают политические движения. В заданных контекстуальных рамках я рассмотрю возможности эпистемологического сотрудничества исследователей и информантов перед лицом насилия, которое ускользает от непосредственного понимания обеих групп. В заключительной части статьи я детально рассмотрю темпоральные вызовы медленного насилия, описав, как участники исследования концептуализируют его запутанные и сложные темпоральности в нарративах о руинах (используя повествования как эвристический

инструмент), и обозначу те вербальные конструкции, что помогают им лучше понимать общие механизмы медленного насилия.

Исследовательская проблема

Я не планировал этнографическое исследование медленного насилия — скорее изучение земельных захватов. Однако большинство собранных мной нарративов об утрате и лишении прав упоминали формы насилия, которые имели пространственно отдаленный, затяжной и бессобытийный характер: принятые где-то еще решения, постепенное разрушение мест жизни и ее течения, успешные и запутанные кризисы советского и постсоветского периодов. Я ожидал обнаружить захватывающие примеры лишения прав, но вместо этого наталкивался на *рассеянные* его виды (Vorbrugg, 2019b), включая формы насилия и лишений, которые зачастую не были для меня очевидны, поскольку я не воспринимал их как часть наблюдаемой ситуации — они не были для меня «этнографически видимыми» (Farmer, 2004: 305). Друг обратил мое внимание на историю с картошкой — иначе я бы просто не заметил ее. Для меня ситуация с тремя пожилыми женщинами осталась бы нормальной (весенние посиделки в солнечный день), если бы наш разговор не переключился на «нормальность» преждевременной гибели их сыновей. Понятие медленного насилия, с одной стороны, помогло мне понять одновременность конкретной потери и страданий, а с другой стороны, позволило осознать сложность изучения таких ситуаций вследствие переплетения в них обыденности и непостижимости, т. е. речь идет о «бессобытийном» насилии (Nixon, 2011: 8) и взаимном поглощении насильственного и обыденного (Das, 2007: 7). Понятие медленного насилия помогло мне признать, что такое насилие — не просто факт или реальность, требующие своего обнаружения, но, что более важно, эпистемологическая, репрезентационная и аналитическая проблема.

Медленное насилие влечет за собой совершенно определенные формы страданий. В то же время между переживанием насилия и обусловившим его действием, событием или виновником не всегда прослеживается темпоральная или пространственная согласованность. Это не означает, что медленное насилие отделено от своих причин или зоны ответственности, однако речь идет об относительно неуловимом «насилии, которое проявляется постепенно и вне поля нашего зрения, о насилии с отсроченной разрушительной силой, рассеянной в пространстве и времени, об изматывающем насилии, которое обычно вообще не воспринимается как насилие» (Nixon, 2011: 2). Поэтому «нам необходимо учитывать репрезентационные, нарративные и стратегические вызовы относительной невидимости медленного насилия» (Nixon, 2011: 2). Эти вызовы имеют критически

важный характер, но редко рассматриваются в этнографических исследованиях.

Недостаточное внимание уделяется и последствиям медленного насилия в рамках качественного подхода, включая методы этнографии. Одна из причин подобного игнорирования состоит в том, что не полевые исследования стали основой соответствующей концепции. Так, книга Никсона базируется на литературных текстах и теории структурного насилия, которая в значительной степени повлияла на концепцию медленного насилия, но не основывалась на полевых данных (Nixon, 2011: 11; см. также: Galtung, 1969; Galtung, Høivik, 1971). Понятие структурного насилия породило широкий спектр исследований, в том числе полевых, но они редко фокусируются на методологических вопросах (см., напр.: Farmer, 2004; Gupta, 2012; Holmes, 2013). Географы и антропологи показывают, как сочетание концепции медленного насилия с этнографическими методами позволяет по-новому и критически взглянуть на ряд тематик, таких как вытеснение и травма в городах (Kern, 2016; Pain, 2019), скрытый расизм в интимных отношениях (Leeuw, 2016), экологический расизм и токсичные географии (Ahmann, 2018; Davies, 2018, 2019), последствия войн (Touhouliotis, 2018) и насильственный отъем земли (Holterman, 2014). Подобное сочетание эмпирически подтверждает, что медленное насилие стало неотъемлемой частью жизни во многих регионах мира, что оно связано с разными условиями, районами и процессами и что его последствия неравномерно распределены по социальным позициям и территориям. Последние исследования медленного насилия подтверждают и методологический потенциал данного понятия: в сочетании с концепцией деколонизации оно позволяет обнаруживать в нарративах представительниц коренного населения описания форм сексуального колониального насилия (Leeuw, 2016); «медленные наблюдения» тех, кто подвергается формам медленного насилия, лежат в основе нарративов и образов, характерных для соответствующих сообществ (Davies, 2018); исследования совместных действий показывают, что в изучении городской среды возможно сочетание понятий медленного насилия и хронической травмы (Pain, 2019).

Однако ряд важных вопросов остается нераскрыт в большинстве кейс-стади. Как именно исследователь фиксирует медленное насилие «в поле»? Как полевые исследования и этнографические описания помогают сделать видимыми формы медленного насилия? Как это влияет на отношения исследователя с информантами? Чем отличаются этнографии медленного насилия от этнографий, которые рассматривают ускользающие формы насилия с помощью иных понятий? Я полагаю, что серьезный анализ методологических, репрезентационных и политических вызовов этнографий медленного насилия — инструмент получения ответов на эти вопросы. Акцент на этих вызовах позволяет провести убедительные различия между

А. Форбруг

Этнографии медленного насилия: исследование последствий разрушения сельской инфраструктуры

медленным насилием и связанными с ним понятиями: «тихое насилие» (Watts, 1983), «структурное» (Farmer, 2004; Galtung, 1969), «обычное» (Das, 2007), «обыденное» (Scheper-Hughes, 1996), «инфраструктурное» (Li, 2018; Rodgers, O'Neill, 2012), «интимное» (Leeuw, 2016; Pain, 2014) и т. д. Все эти понятия указывают на ненаблюдаемые, отчасти неуловимые и часто непрямые формы насилия, т. е. напоминают, что этнографии медленного насилия не задают некие беспрецедентные вопросы, а заставляют отказаться от перечисленных обозначений ненаблюдаемых форм насилия как метафорических номинаций одного и того же феномена ради экспликации лежащих в их основе проблем и вызовов. Как подчеркивает Никсон (Nixon, 2011: 11), «явный темпоральный акцент медленного насилия позволяет нам выдвигать на первый план и фокусироваться на репрезентационных проблемах и образных дилеммах, порождаемых не только неуловимым насилием, но и неуловимыми изменениями, посредством которых это насилие отделено от своих изначальных причин течением времени». Далее я рассмотрю последствия такой фокусировки, обозначив репрезентационные и политические вызовы медленного насилия, варианты эпистемологических заимствований и способы изучения сложных темпоральностей в ходе полевых исследований.

Пределы нормализации и зрелищности

«В эпоху, когда средства массовой информации почитают только зрелищность, а публичная политика вращается преимущественно вокруг очевидных насущных потребностей, главной задачей становится стратегия репрезентации: как мы можем воплощать в образах и нарративах те бедствия, что медленно и долго формируются, бедствия, что анонимны и никого не делают звездой, бедствия, что изнуряюще заурядны для тех технологий охоты за сенсациями, на которых построен наш образный мир?» (Nixon, 2011: 3).

Не только репрезентация составляет суть медленного насилия, но и весь ее «ландшафт». Когда мы обращаемся к проблеме медленного насилия, нам приходится не только предлагать способы его репрезентации, но и стратегически покушаться на сложившуюся дискурсивную модель: описания медленного насилия подразумевают протест *против* определенных форм его репрезентации. Как исследователи мы вторгаемся в «дискурсивную проекцию местности», которую сконструировали средства массовой информации (Kobayashi, Peake, 2007: 172) и одобрил академический дискурс (Coddington, 2017), но которая на деле оказывается ошибочной. Например, дискурсивный ландшафт сельской России выстроен на противопоставлении нормализации и зрелищности, а понятие медленного насилия помогает осмыслить эту

амбивалентность: согласно Никсону (Nixon, 2011: 52), репрезентации медленного насилия часто «страдают недостатком драматизма» и потому сводятся к проблематичным «заменам захватывающей зрелищности и повествовательной напряженности». Репрезентации упадка сельской России — яркий пример этой тенденции.

Население сельской России пережило долгий и затяжной кризис, который стал постоянным. Исследователи говорят о «рурализации» бедности в постсоветской России (Gerry et al., 2008), ссылаясь на статистические данные. В целом вклад сельского хозяйства в экономику снижается, в 1990-е годы его доля в национальном ВВП сократилась в два раза (Wegren, 2014: 83). В сельских районах ожидаемая продолжительность жизни снизилась почти на шесть лет с 1986 по 1994 год (Eberstadt, 2010: 72-74). Число безработных в сельских регионах выросло в три раза с 1992 по 2009 год и до сих пор превышает средние показатели по стране (Kalugina, 2014: 125). Значительная доля сельских домохозяйств живет ниже черты бедности, и распад сетей взаимной поддержки вследствие экономического спада в стране усугубил показатели бедности (Wegren, 2014: 83). Согласно данным государственной статистики, в сельском хозяйстве доля работников с доходами ниже официального прожиточного минимума превышает аналогичный показатель в остальных секторах экономики (Wegren, 2014: 78), причем надежность официальной статистики ставится под сомнение, и реальные цифры могут быть выше. Кроме того, приведенные данные показывают абстрактную и «унылую» картину нормализованной бедности в мире, где бедные — это в основном сельские жители и занятые в сельском хозяйстве (см.: World Bank, 2016). Иными словами, ограничения сельской жизни воспринимаются как нечто само собой разумеющееся и нормализовавшееся, поэтому привлекают внимание, только если речь идет о ярких образах и зрелищных эпизодах.

На этом фоне неудивительно, что приращение лишениям и бедам сельской России оттенка зрелищности — одна из возможных репрезентационных стратегий, призванная привлечь внимание к ее проблемам. Я хочу подчеркнуть две особенности этих стратегий. Во-первых, значительная часть медийных сообщений о жизни в российском селе (в российских и зарубежных средствах массовой информации) склонны изображать свойственные ему лишения в зрелищном формате. Множество таких репортажей изображают российские деревни как зоны беспросветного упадка и отчаяния: «водка и изоляция: добро пожаловать в сельскую Россию» (Kilner, 2007) и «борьба за выживание начинается от знака с названием поселения» (Schepp, 2010: 105) — лишь два примера того, как медийные материалы представляют деревни читателям. Многие репортажи создают впечатление, что их авторы хотели рассказать только о пьянстве и вымирании сельских жителей, о том, как «жизненная сила обширной и плодородной сельской России явно и окончательно истощается» (Shapovalova, 2011). Целые сельские

районы «медленно вымирают» почти без «надежды на возрождение» (Nemtsova, 2015), остаются лишь «осиротевшие деревни» (Strelnikova, 2011) и «деревни-призраки» (Shapovalova, 2011), «неспешно доживающие свой век в российской провинции» (Khazov-Cassia, 2015). Такие репрезентации сводят жизнь в деревне к упадку и опустошению, а их жителей — к пассивным жертвам обстоятельств, не способным или не желающим улучшить ситуацию активными действиями, т. е. смешивают стереотипы о сельской «периферии» с печально известной моделью «человека советского» и тем самым конструируют репрезентацию «российского сельского жителя» как жертвы запустения, алкоголя и смерти.

Вторая черта драматизированных репрезентаций российского села характерна для критического научного дискурса, когда исследователи описывают происходящие в России широко масштабные «захваты земли» (Sassen, 2010; Visser, Spoor, 2011). Благодаря подобным статьям широкой международной аудитории стала известна проблема лишения прав в сельской России. Однако акцент публикаций на драматических захватах собственности не позволяет им отразить начавшийся намного раньше затяжной, медленно, но постоянно разворачивающийся кризис, который лишил сельских жителей средств к существованию и будущего задолго до того, как капитал заинтересовался сельскохозяйственным производством, а потому сельские информанты подчеркивают роль этого кризиса (Vorbrugg, 2019b). Акцент на «драматичном периоде» (Nixon, 2011: 6), который заключен в самом тропе «захват», препятствует пониманию медленно накапливающихся бедствий и форм насилия. Именно с ними я сталкивался постоянно и не могу припомнить ни одного сельского собеседника за девять месяцев полевой работы, который бы не описывал нынешние лишения как обусловленные прежними кризисами, порожденными советской эпохой и рыночными реформами.

Таким образом, мы находимся в репрезентационном ландшафте, где бедность и лишения нормализуются и почти неинтересны общественности, но могут привлечь ее внимание посредством драматизации, т. е. репрезентационной стратегии, добавляющей зрелищности и остроты той бессобытийной ситуации и затяжным бедствиям, что ускользают от событийно-ориентированных моделей репрезентации и восприятия. Соответственно, наша задача — разработать репрезентационные стратегии, которые сделают неувидимое насилие видимым, избежав стереотипизации и виктимизации инструментов конструирования зрелищности.

Медленное насилие и логика полевой работы

Множество ситуаций и условий, с которыми я сталкивался в полевых исследованиях, оказывались поразительно обыденными

и совершенно нескандальными, по крайней мере, по сравнению с моими ожиданиями относительно крупных земельных сделок, печально известных громкими и скандальными последствиями. В основном компании скупали большие обанкротившиеся хозяйства и часто инвестировали средства в земли, которые буквально стояли под паром, а не лишали мелких собственников прав напрямую. Я был удивлен тем, что руководство компаний совершенно не беспокоило мои наблюдения за их переговорами о земельных сделках на тысячи гектаров. Разве не такие переговоры составляли суть скандалов по поводу земельных захватов? С другой стороны, а почему моя осведомленность должна была их беспокоить? Местные жители крайне редко критиковали инвестиции в землю, чаще выражая обеспокоенность размытыми и опустошающими последствиями системной дезинтеграции и структурных ограничений последних десятилетий (Lindner, 2007; Kalugina, 2014). В этом смысле различия зрелищных и неуловимых форм лишения прав составляют фундаментальное отличие низового политического действия от идеологии полевой работы.

В поле я не сталкивался с ситуациями, когда сетевые отношения власти «прекращали» мою работу (Beban, Schoenberg, 2019). Субъекты власти из бизнес-структур и политических институций, видимо, не считали, что наши исследования (иногда я сотрудничал с российскими и зарубежными коллегами) могли повлиять на их деятельность, а потому обычно были к ним поразительно индифферентны. Многие знали, что мы критически относимся к крупному агробизнесу, но не видели в нас потенциальных нарушителей своего спокойствия. Как правило, они не сталкивались с организованными сельскими движениями и партийно-политической оппозицией и не воспринимали нас, исследователей, как часть союзов, способных оказать на них критически серьезное воздействие. Понятие медленного насилия может стать значимой альтернативой обвинениям в апатии тех, кто в сложной ситуации не протестует (что характерно для сельской России), и поможет ответить на вызовы, связанные с практиками полевой работы, с которыми мы сталкивались в данных конкретных, но распространенных обстоятельствах.

Помимо аналитических задач рассредоточенное в пространстве и времени насилие задает и условия политической мобилизации. В тех случаях, когда «отсутствует драматическое событие или злодей, которого можно обвинить» (Li, 2014: 16), политическое действие не выражается открыто или как организованное оппозиционное движение (см., напр.: Mahmood, 2001; Povinelli, 2011). Это не значит, что политическая активность и открытое сопротивление невозможны или нехарактерны для контекстов медленного насилия (Ahmann, 2018), но они обретают форматы *медленной политики*, которые не соответствуют образу открытого протеста. В нашем исследовании медленная политика включает

в себя усилия сельских жителей по сохранению или перезаключению социальных контрактов, гарантирующих им институциональную поддержку, например, обеспечение местным предприятием ежедневного транспортного сообщения и способности домохозяйств вести сельское хозяйство, а также помощь в случае болезни. Сельские жители маневрируют и изменяют сложные условия жизни, используя стратегии, которые снижают их зависимость от властей, однако идеология этих стратегий часто не подразумевает разрушений и протеста. Это не значит, что сельские жители изо всех сил пытаются сохранить сложившуюся ситуацию — они ведут переговоры об изменении ее условий, вследствие чего и она не останется неизменной. В этом смысле медленная политика реагирует на затяжные, безличностные и разрушительные измерения медленного насилия (Vorbrugg, 2019a)¹. Однако это не те типы политической активности, на которых сосредоточено внимание активистски-ориентированных ученых, средств массовой информации, международных общественных движений и НКО (см.: Li, 2014). Фокусировка на открытом протесте и организованных социальных движениях противоречит сути медленной политики, поскольку в таком случае она не может привлечь исследовательское внимание. Кроме того, смещение академического интереса в сторону организованных и видимых форм протеста чревато тем, что мы рискуем оставить без внимания тихие и рассредоточенные формы насилия и лишения прав, тем самым способствуя их «невидимости».

Для меня как исследователя, стремящегося участвовать в социальных изменениях, медленная политика оказалась источником историй быстрого успеха, повествующих о значимом вкладе в местные формы протеста. Я участвовал в более насыщенных событиях битвах за ресурсы, которые жаждали медийного освещения, но здесь проблемы были краткосрочными и очень фрагментарными. Обычно относительная незаинтересованность управленцев в моем критическом анализе сочеталась с аналогичной незаинтересованностью сельских жителей, хотя вряд ли по тем же причинам. Я не мог рассчитывать на сотрудничество с политическими группами и движениями или собственный вклад в политическую повестку. Моя позиция, не предполагавшая организованной и устойчивой политической вовлеченности, породила реальные противоречия и трения в ходе полевой работы. Я быстро перемещался между сосредоточиями затяжных бедствий и, в отличие от большинства информантов, не был к ним привязан. Я оставался в поселениях по несколько дней или недель, возвращался в них на протяжении трех лет, с кем-то сдружился, кому-то помогал, с кем-то поддерживал контакты после завершения проекта. Иными словами, моя способность покидать места, к которым информанты,

1. Неопозиционный характер отличает подобную тактику от нелегальной классовой политики, описанной Дж. Скоттом (Scott, 1985).

«перемещенные, но не сдвинувшиеся с места», были привязаны, была одновременно и признаваемой мной привилегией, и возможностью, о которой мне напоминали сельские жители, и препятствием для реальной политической вовлеченности. Я часто осознавал, что не соответствовал собственным исследовательским стандартам вовлечения в социальные изменения (см. также: Klocker, 2015), а те люди и нарративы, с которыми я имел дело, как правило, мало чем могли мне помочь. В основном они ссылались на исторический распад и системные недостатки, на затяжные и не прямые формы насилия, которые обусловили их беспомощность с точки зрения открытого политического выражения и заставили использовать формы медленной политики для подтверждения своей политической вовлеченности и способности к действию.

Понятие медленного насилия выступает важным напоминанием о пределах устойчивых моделей политического анализа и стратегий, вынуждая нас разрабатывать их дальше, чтобы расширить предполагаемый ими спектр задач и потенциальные точки соприкосновения для заключения политических союзов. Это понятие помогло мне лучше понять политический ландшафт, осознать изначально неверные интерпретации проблем и признать границы аналитических и политических стратегий поиска способов их решения. В период полевых исследований я был плохо подготовлен к тому, чтобы сделать следующий шаг и изложить свои выводы и отношения в формате понятных политических идей. Я полагаю, что этнографы, которые *начинают* с изучения особенностей медленного насилия, будут быстро выходить за пределы индивидуальных исследовательских проектов, заключать соглашения с активными средствами массовой информации, кинорежиссерами или художниками, чтобы совместно работать над творческими форматами репрезентации и оценивать возможности новых союзов с политическими группами, помимо выстраивания взаимоотношений с другими исследователями и информантами. Сейчас я рассмотрю подобные взаимодействия как эпистемологический фундамент для определения и концептуализации контекстуально-специфичных номинаций медленного насилия в полевых исследованиях.

Эпистемологические союзы

Как репрезентационные проблемы, связанные с понятием медленного насилия, влияют на взаимоотношения академических исследователей и информантов? Я исхожу из предположения, что медленное насилие не является абсолютно очевидным для тех, кто сталкивается с ним как исследователь, и может быть столь же «невидимым» для тех, кто в него непосредственно вовлечен. Это утверждение содержит в себе некоторое противоречие: согласно Т. Дэвису (Davies, 2019), важно задаваться вопросом,

«для кого» медленное насилие действительно остается невидимым, и не путать его провозглашенную невидимость с замалчивающими его нарративами, которые просто не *принимаются в расчет* (см. также: McKittrick, 2014; Spivak, 1988). Я согласен, что серьезный анализ нарративов тех, кто сталкивался с медленным насилием, — необходимое условие его этнографического изучения. Впрочем, это условие может быть недостаточным для проработки связанных с медленным насилием проблем.

Во-первых, относительная невидимость медленного насилия составляет суть данного понятия (см. также: Pain, 2019: 387). Медленное насилие по определению неочевидно, но конституирует проблему, требующую решения, поэтому, если мы хотим использовать это понятие, нам придется признать и рассмотреть порождаемые им эпистемологические трудности. Когда личный опыт столкновения с насилием можно легко выразить способами, не порождающими фундаментальные эпистемологические и репрезентационные проблемы, лучше не использовать понятие медленного насилия. Вторых, этнографы не должны исходить из посылки, что информанты не способны сказать ничего значимого о том медленном насилии, которому подвержены. Подобная патерналистская позиция легко превращается в эпистемологическое насилие (Spivak, 1988) и противоречит базовой трактовке субъектов этнографии, согласно которой в нарративах они теоретически описывают обстоятельства своей жизни, действуют, исходя из них, и формулируют желания (Biehl, 2014). Однако пределы видимости и репрезентации обусловлены не только опытом переживания медленного насилия: его понимание задано общими эпистемологическими ограничениями восприятия и осознания себя и условий собственной жизни (Butler, 2005). Эпистемологические пределы познания также обусловлены границами рефлексивности в полевой работе (Rose, 1997). Согласно исследовательским данным, контексты неуловимого насилия, насыщенных им историй и социальной заброшенности усугубляют трудности преодоления эпистемологических проблем (Biehl, 2013; Das, 2007; Povinelli, 2011) — то же самое можно сказать о медленном насилии. Причем это понятие помогает четче обозначить перечисленные трудности (не ограничиваясь общеизвестным признанием, что социальный мир предельно сложен) и рассмотреть их по-новому.

Каковы последствия этих возможностей понятия медленного насилия для полевой работы и взаимоотношений исследователей с информантами? В книге Никсона большая часть аналитической и репрезентационной работы проведена писателями-активистами, которые благодаря «проворному воображению и жизненному азарту» (Nixon, 2011: 5) превращают наблюдения в реалистичные нарративы: «творческое описание помогает сделать неочевидное очевидным, доступным и осязаемым за счет гуманизации затяжных угроз, недоступных непосредственному ощущению... Тем самым

нарративное воображение писателей-активистов предлагает нам иной тип свидетельств — обозрения невидимого» (Nixon, 2011: 15).

Наррация играет решающую роль в придании медленному насилию видимости, и писатели-активисты играют здесь двойную роль: они являются одновременно носителями определенного непосредственного опыта насилия и создателями нарративов, которые описывают обстоятельства этого опыта. С помощью нарративов они решают задачу репрезентации и несут ответственность за подбор используемых понятий, тогда как академические ученые сосредоточены на собственных текстах. Однако условия разделения репрезентационного труда и необходимое для него эпистемологическое сотрудничество меняются, когда академические ученые фокусируются на голосах тех, с кем мы разговариваем и кого интервьюируем в ходе полевых исследований, а не на текстах.

Каким образом этнографическое сотрудничество может снять эпистемологические проблемы, связанные с понятием медленного насилия? Этнографы могут прислушиваться к собеседникам в поле не в меньшей степени, чем к коллегам, и такой подход будет плодотворным для изучения медленного насилия (Mol, 2002: 15). Он отличается от воспроизводства подлинных голосов, которые выражают ситуативно обусловленное знание, поскольку предполагает анализ, конструирование, воображение и творчество как неотъемлемые элементы устных рассказов о медленном насилии. Информанты используют «нарративное воображение» (Nixon, 2011: 15), чтобы преодолевать репрезентационные сложности и делать невидимое очевидным. Люди не вовлечены в опыт медленного насилия как молчаливые страдальцы, что, впрочем, не отменяет сохраняющихся здесь репрезентационных проблем. Исследования медленного насилия могут отталкиваться от этого утверждения как отправной точки в поисках способов сотрудничества для преодоления проблем и совместной разработки средств их выражения. Эта работа принципиально отличается от «предоставления права голоса» (Biehl, 2013: 10), но начинается с *обеспокоенности* условиями и лишениями, помимо непосредственного понимания исследователя и информанта (Biehl, 2013: 11).

Работы по феминизму и деколониализму напоминают, что взаимодействие в поле всегда рискованно и не предполагает равенства позиций, поэтому используют такие понятия, как «частичное знание», «промежуточность», «перевод», «совместное конструирование множественного знания» и т. д., чтобы ориентироваться в возникающих в поле сложностях (England, 1994; Gibson-Graham, 1994; Niemstra, 2017; Katz, 1994; Nagar, 2014). Соответственно, рассматриваемый тип эпистемологических взаимодействий должен признавать необходимость по крайней мере обсуждения репрезентационной власти и ответственности. Относительная неуловимость медленного насилия не должна

стимулировать или легитимировать возврат того эпистемологически привилегированного академического субъекта, что изучает и дает право голоса покоренному «другому», поскольку это эпистемологически неадекватно (Naraway, 1988) и воспроизводит патернализацию, виктимизацию и лишение голоса информантов (Nagar, 2014; Rain, 2004). Работы по феминизму и деколонизализму предлагают исследовательские стратегии, которые применимы в этнографическом изучении медленного насилия, но не в полной мере раскрывают его особенности. Нам скорее нужны формы отзывчивого и ответственного соучастия, которые противостоят и одновременно обусловлены опасениями оказаться втянутыми в условия и лишения за пределами осознания и понимания *всех* участников исследования, включая ученых (Marcus, 1997). Серьезное отношение к таким опасениям и их перевод в «политику без гарантий» (Nagar, 2014: 14) помогает избежать и «божьей шутки» обретения универсального знания (Naraway, 1988), и восприятия информантов как источника «подлинного» знания (Abu-Lughod, 1991; Clifford, 1986).

Отслеживание транс-темпоральных связей через нарративы о руинах

«Нужно всегда помнить изречение У. Фолкнера “прошлое не мертво, это даже не прошлое”. Эти слова, по сути, описывают особую силу ландшафтов, пронизанных медленными насилием, ландшафтов темпоральной множественности, которая ускользает от операций риторической очистки с их «санитарными» началами и окончаниями» (Nixon, 2011: 8).

Если мы говорим о «насилии отсроченного разрушения, рассредоточенном в пространстве и времени» (Nixon, 2011: 2), то с каких методологических позиций подобную размытость насилия должны изучать географы? Они очень долго исследовали и внесли важный вклад в анализ феноменов, рассеянных в пространстве, проводя глобальные (Burawoy, 2000) и многообъектные (Marcus, 1995) этнографические исследования и разрабатывая их методики (Jokela-Pansini, 2018; Roy, 2012; Thieme, 2008; Verne, 2012). Феномены, размытые во времени, намного реже встречаются в этнографической литературе, причем как в дисциплинарных границах географии, так и за ее пределами. Лишь некоторые этнографии настойчиво подчеркивают и конкретизируют аспекты темпоральности (см., напр.: Das, 2007; Gordillo 2014; Watts, 1983). До сих пор на концептуальном уровне и в исследовательских стратегиях не сложились устойчивые трактовки транс- и мультитемпоральных этнографий, эквивалентные их пространственным аналогам: «определения и разграничения в “поле” фундаментально закреплены пространственными тропами» (Dalsgaard, Nielsen, 2013: 1), как

и соответствующие концепции и методы. Как понятие, описывающее пространственно-временное рассредоточение, «медленное насилие» напоминает о необходимости методологической фокусировки на транстемпоральности — в этом главная методологическая сложность и одновременно потенциал этнографических описаний медленного насилия.

Безусловно, из факта, что медленное насилие размыто в пространстве и времени, не следует, что оно ускользает от анализа. По аналогии с мультипространственным транслокальным исследованием анализ транстемпоральных феноменов требует отслеживания взаимосвязей этнографического настоящего с иными временными контекстами. В моем исследовании сельские жители часто указывали на развалины зданий и остатки инфраструктуры, чтобы объяснить сложные темпоральности медленного распада и потерь. Они апеллировали к руинам как «транстемпоральным связующим звеньям» (Pedersen, Nielsen, 2013) и эвристическим инструментам, которые позволяют соединить феномены во времени, установить связи с исчезнувшим прошлым, не теряющим актуальность, и картографировать сложные временные ландшафты (Beasley-Murray, 2010). Развалины помогают осмыслить тот особый тип «перемещений-не-сдвинувшись-с-места» (скорее темпоральных, чем пространственных), что «заставляет сообщества застревать в местах, которые лишились характеристик, что когда-то сделали их пригодными для жизни» (Nixon, 2011: 19). Можно сказать, что сельские жители используют «множественную темпоральность руин» (DeSilvey, Edensor, 2013: 471), потому что она помогает им противостоять множественной темпоральности медленного насилия.

Во всех деревнях, которые я посетил, я видел разрушенные здания заброшенных производственных баз, хлевов, администраций, систем орошения, общежитий и столовых. Они представляют собой «быстрые» и «медленные руины» (Lucas, 2013): некоторые здания и хозяйственные постройки были мгновенно разобраны и распроданы как строительные материалы, другие медленно разрушались после банкротства сельскохозяйственных предприятий. Сельские жители часто упоминают разрушенные здания для подтверждения изменений, неоднозначности и утрат, о которых им сложно говорить абстрактно: «Вы видели там развалины здания? Это был хлев на пять тысяч коз. Видели, какими прочными были стены? Они еще десятилетия могли прослужить». Подобные отсылки связывают прошлое, в котором здания и хозяйственные постройки стабильно обеспечивали сельским жителям занятость и заработок, с возможным на тот момент будущим, которое было уничтожено, и с настоящим, обусловленным этим уничтожением и его потерями. Выраженная в приведенном высказывании трагедия связана не столько с заброшенными деревнями-призраками (доминирующими в медийных репрезентациях), сколько с людьми, которые живут рядом и между руин своей прежней жизни.

Развалины выступают символами совершенно определенных утрат. Меня часто поражали удивительно яркие и детальные описания разрушений систем орошения, хлевов и зданий, составлявших жизненную инфраструктуру деревни и фундамент целого ряда производственных и воспроизводственных задач, уничтожение которого обесценивало сельских жителей как граждан, работников и социальных акторов. Как выразился бывший мэр, «они разрушили колхозы и одновременно систему занятости... Это совершенно иная история, нежели разобрать завод [в городе]... когда ничего вокруг реально не изменится. В течение года где-то еще построят другой завод. Но здесь мы, крестьяне, должны как-то жить, для нас это принципиально [поддерживающее жизнь всей деревни предприятие], нам нужно как-то существовать. Поэтому здесь они все мгновенно уничтожили» (Пермский край, 2013 год).

И сегодня распад «градообразующих» предприятий в деревнях, которые были спроектированы в советское время как «монофункциональные» поселения, воспринимается жителями как угроза не только с точки зрения сокращения рабочих мест, но и в плане исчезновения сельского хозяйства — сферы занятости и социальной ткани сельской жизни. Поэтому для сельчан разрушенные хозяйственные постройки — это символ трагического несоответствия местного потенциала и реализованных возможностей. Помимо разрушения производственной инфраструктуры речь идет о заброшенных полях и лугах, исчезновении скота и безработице людей, обладавших силой и навыками для эффективной реализации местного потенциала. Руины означают разрушение производственных мощностей и утрату шанса получать доход в будущем. Как напоминание об утраченных возможностях руины связывают прошлое, настоящее и будущее: их дисфункциональность не сделала их бессмысленными.

Многие сельские жители признаются, что им до сих пор сложно понять и описать, почему ситуация кардинально изменилась за прошедшие годы: как распад и реорганизация политико-экономической системы, выраженные в сложных и глубоких трансформациях на местах, полностью изменили целые деревни и как они жили в меняющемся окружении. Некоторые информанты сравнивали этот исторический опыт с войной, другие утверждали, что военные действия на востоке Украины напомнили им опыт выживания в постсоветские кризисные годы, когда они тоже потеряли членов семьи, накопления, работу, перспективы и жилье. Отдельные информанты вспоминали войну с нацистской Германией и сравнивали разрушение производственной инфраструктуры в годы постсоветского распада с мародерством немецких войск².

2. Переплетения истории сыграли для меня и моего исследования определенную роль. Будучи сотрудником Франкфуртского университета,

В таких сложных с репрезентационной точки зрения условиях руины помогают сельским жителям рассказывать контекстуально обусловленные истории, «возникающие в пространстве между личной и коллективной памятью, и материальные остатки выступают посредником между историей и индивидуальным жизненным опытом» (DeSilvey, Edensor, 2013: 472). Нарративы помогают людям связывать системные и исторические изменения с ситуативным личным опытом, пронизанным локальными непредвиденными обстоятельствами, собственной судьбой и памятью. Нарративы также подчеркивают противоречивость истории. Использование руин в качестве эвристического инструмента позволяет сельским жителям описывать советское прошлое без романтизации, маркируя совершенно определенные пустоты и потери последних десятилетий, а также конкретные изменения и ограничения. Когда мои собеседники вспоминали места, где люди раньше работали и собирались, производственную инфраструктуру предприятий, обеспечивавшие ее государственные программы, банкротства предприятий и массовые увольнения, они описывали конкретные потери конкретных людей, а не высказывали общие суждения об историческом периоде.

Таким образом, в моем исследовании сельские жители воспринимали руины не только как остатки былого, но и как символы взаимосвязи с нарративами, которые «имеют отношение к настоящему, [но] могут избежать проверки» (Stoler, 2016: 5). Сельчане обращали внимание на то, как исторические процессы продолжают ограничивать их нынешние средства существования, потенциал и способность к действию. Преодолевая и разрушая разные оппозиции (DeSilvey, Edensor, 2013: 479), руины ускользают от логики схематичной репрезентации и указывают на то, что исчезло и что сохранилось, на преемственность и разрыв, на заброшенность и потенциал. Обращаясь к руинам, сельские жители концептуализируют обстоятельства собственной жизни. Они создают нарративы, от которых должны отталкиваться этнографы медленного насилия, чтобы понимать сложные темпоральности, затяжные бедствия и наследие, с которыми людям сложно расстаться.

в ряде деревень я оказался первым представителем немецкой институции со времен отступления вермахта. Часто это были поселения вблизи линий фронта Второй мировой войны, где люди помнили, а мемориалы увековечили гибель сотен их односельчан. Моя семейная история, истоки которой ведут в Восточную Европу и которая содержит свидетельства смертельного насилия со стороны как нацистов, так и советского режима, усложнила мое самопозиционирование в полевых условиях, подчеркивая обуславливающие эти сложности противоречия.

ТЕОРИЯ

Медленное насилие не «обнаруживается» просто благодаря правильной аналитической оптике, а требует тщательного изучения. Признание связанных с этим понятием методологических, аналитических и репрезентационных сложностей позволяет понять, как *этнографии* могут способствовать исследованиям медленного насилия и как *исследования медленного насилия* могут способствовать этнографическим дискуссиям. Этнографии медленного насилия должны искать способы репрезентировать те вопросы, что кажутся менее значимыми, актуальными или релевантными, чем их «коллеги, оттягивающие на себя все внимание» (Stoler, 2016: 343).

Информанты и находки этнографических исследований могут бросить вызов привычным форматам репрезентации, но могут и поддержать академические дискуссии о медленном насилии, открытые для концептуальных изменений. Этнографы должны подчеркивать, что информанты не становятся лишними в описаниях медленного насилия, как только мы четко определяем данное понятие. Снижая предопределенность и ограничения абстрактных теоретических споров, этнографии способны обеспечить незаконченность историй медленного насилия. Как субъекты этнографии оживляют любое этнографическое описание, так и множество этнографий может и должно бросать вызов и оживлять широкий спектр дискуссий о медленном насилии, связывая их с новыми районами и задачами, насыщая их новым и актуальным политическим содержанием. Это предполагает признание информантов этнографического исследования не только носителями конкретного опыта, но и создателями иных типов знания, поскольку их теоретизирование порождает «альтернативные фигуры мысли», которые могут оживить и бросить вызов любым режимам репрезентации и подтверждения знания (Biehl, 2014: 96).

В качестве иллюстрации я показал, как сельские жители теоретически описывают условия своей жизни, используя руины как эвристический инструмент отражения сложных темпоральностей. Этнографы могут и должны учиться мыслить с помощью таких символов и теорий, чтобы понимать сложные темпоральности медленного насилия. То же самое можно сказать и об общей задаче развития методов мультитемпоральной этнографии, которые позволяют выходить за пределы текущих темпоральных фреймов этнографических ситуаций и проследживать транс темпоральные взаимосвязи.

Благодарность

Я выражаю благодарность за ценные комментарии к тексту и постоянное взаимодействие Тиму Брукману, Ирису Дзудзеку,

Петеру Линднеру, Нанье Нагорны-Коринг, Стефану Оума и Ванессе Томпсон. Я многим обязан всем тем, кто поддерживал проект в России, особенно Вере Болотовой, Александру Никулину и Марии Савоскул. Немецкий научный фонд щедро поддерживал проект. Я очень благодарен Рейчел Пейн и Кейтлин Кэхил за организацию научного обсуждения проблематики проекта.

Пер. с англ. И.В. Троцук

Библиография

- Abu-Lughod L. (1991) Writing against culture. *Recapturing Anthropology: Working in the Present* (ed. R.G. Fox), Santa Fe: School of American Research Press, pp.137–162.
- Ahmann C. (2018) “It’s exhausting to create an event out of nothing”: Slow violence and the manipulation of time. *Cultural Anthropology*, vol. 33, no 1, pp. 142–171.
- Beban A., Schoenberger L. (2019) Fieldwork undone: Knowing Cambodia’s land grab through affective encounters. *ACME*, vol. 18, no 1, pp. 77–103.
- Biehl J. (2013) *Vita: Life in a Zone of Social Abandonment*, Berkeley: University of California Press.
- Biehl J. (2014) Ethnography in the way of theory. *The Ground Between: Anthropologists Engage Philosophy* (eds. V. Das, M.Jackson, A.Kleinman, B.Singh), Durham: Duke University Press, pp.94–118.
- Beasley-Murray J. (2010) Vilcashuamán: Telling stories in ruins. *Ruins of Modernity* (eds. J. Hell, A. Schönle), Durham: Duke University Press, pp. 212–231.
- Burawoy M. (2000) Introduction: Reaching for the global. *Global Ethnography: Forces, Connections, and Imaginations in a Postmodern World* (ed. M.Burawoy), Berkeley: University of California Press, pp.1–40.
- Butler J. (2005) *Giving an Account of Oneself*, New York: Fordham University Press.
- Clifford J. (1986) Introduction: Partial truths. *Writing Culture: The Poetics and Politics of Ethnography* (eds. J. Clifford, G.E. Marcus), Berkeley: University of California Press, pp. 1–26.
- Coddington K. (2017) Voice under scrutiny: Feminist methods, anticolonial responses, and new methodological tools. *The Professional Geographer*, vol. 69, no 2, pp. 314–320.
- Dalsgaard S., Nielsen M. (2013) Time and the field. *Social Analysis*, vol. 57, no 1, pp. 1–19.
- Das V. (2007) *Life and Words: Violence and the Descent into the Ordinary*, Berkeley: University of California Press.
- Davies T. (2018) Toxic space and time: Slow violence, necropolitics, and petrochemical pollution. *Annals of the American Association of Geographers*, vol. 108, no 6, pp. 1537–1553.
- Davies T. (2019) Slow violence and toxic geographies: “Out of sight” to whom? *Environment and Planning C: Politics and Space*, vol. 11, no 9.
- DeSilvey C., Edensor T. (2013) Reckoning with ruins. *Progress in Human Geography*, vol. 37, no 4, pp. 465–485.
- Eberstadt N. (2010) *Russia’s Peacetime Demographic Crisis: Dimensions, Causes, Implications*.
- England K.V.L. (1994) Getting personal: Reflexivity, positionality, and feminist research. *The Professional Geographer*, vol. 46, no 1, pp. 80–89.
- Faier L., Rofel L. (2014) Ethnographies of encounter. *Annual Review of Anthropology*, vol. 43, no 1, pp. 363–377.
- Farmer P. (2004) An anthropology of structural violence. *Current Anthropology*, vol. 45, no 3, pp. 305–325.
- Galtung J. (1969) Violence, peace, and peace research. *Journal of Peace Research*, vol. 6, no 3, pp. 167–191.
- Galtung J., Höivik T. (1971) Structural and direct violence: A note on operationalization. *Journal of Peace Research*, vol. 8, no 1, pp. 73–76.

- Gerry C.J., Nivorozhkin E., Rigg J.A. (2008) The great divide: "Ruralisation" of poverty in Russia. *Cambridge Journal of Economics*, vol. 32, no 4, pp. 593–607.
- Gibson-Graham J.K. (1994) "Stuffed if I know!": Reflections on post-modern feminist social research. *Gender, Place & Culture*, vol. 1, no 2, pp. 205–224.
- Gordillo G. (2014) *Rubble. The Afterlife of Destruction*, Durham: Duke University Press.
- Gupta A. (2012) *Red Tape: Bureaucracy Structural Violence and Poverty in India*, Durham: Duke University Press.
- Haraway D. (1988) Situated knowledges: The science question in feminism and the privilege of partial perspective. *Feminist Studies*, vol. 14, no 3, pp. 575–599.
- Hiemstra N. (2017) Periscoping as a feminist methodological approach for researching the seemingly hidden. *The Professional Geographer*, vol. 69, no 2, pp. 329–336.
- Holmes S.M. (2013) *Fresh Fruit, Broken Bodies: Migrant Farmworkers in the United States*, Berkeley: University of California Press.
- Holterman D. (2014) Slow violence, extraction and human rights defense in Tanzania: Notes from the field. *Resources Policy*, vol. 40, pp. 59–65.
- Jokela-Pansini M. (2018) Multi-sited research methodology: Improving understanding of transnational concepts. *Area*, pp. 1–8.
- Kalugina Z.I. (2014) Agricultural policy in Russia: Global challenges and the viability of rural communities. *International Journal of Sociology of Agriculture and Food*, vol. 21, no 1, pp. 115–131.
- Katz C. (1994) Playing the field: Questions of fieldwork in geography. *The Professional Geographer*, vol. 46, no 1, pp. 67–72.
- Kern L. (2016) Rhythms of gentrification: Eventfulness and slow violence in a happening neighborhood. *Cultural Geographies*, vol. 23, no 3, pp. 441–457.
- Khazov-Cassia S. (2015) In forgotten Karelian village, frustration with Moscow runs high // www.rferl.org/content/russia-karelia-frustration-putin/27437400.html.
- Kilner J. (2007) Vodka and isolation: Welcome to rural Russia // www.reuters.com/article/us-russia-peasants-idUSL0755905620070314.
- Klocker N. (2015) Participatory action research: The distress of (not) making a difference. *Emotion, Space and Society*, vol. 17, pp. 37–44.
- Kobayashi A., Peake L. (2007) Racism in place: Another look at shock, horror, and racialization. *Feminisms in Geography: Rethinking Space, Place, and Knowledges*. (eds. P. Moss, K.F. Al-Hindi), Lanham: Rowman & Littlefield, pp. 171–178.
- Leeuw S. de (2016) Tender grounds: Intimate visceral violence and British Columbia's colonial geographies. *Political Geography*, vol. 52, pp. 14–23.
- Li T.M. (2014) *Land's End: Capitalist Relations on an Indigenous Frontier*, Durham: Duke University Press.
- Li T.M. (2018) After the land grab: Infrastructural violence and the "Mafia system" in Indonesia's oil palm plantation zones. *Geoforum*, vol. 96, pp. 328–337.
- Lindner P. (2007) Localizing privatization, disconnecting locales: Mechanisms of disintegration in post-socialist rural Russia. *Geoforum*, vol. 38, no 3, pp. 494–504.
- Lucas G. (2013) Ruins. *The Oxford Handbook of the Archaeology of the Contemporary World* (eds. P. Graves-Brown, R. Harrison, A. Piccini), Oxford: Oxford University Press, pp.192–203.
- Mahmood S. (2001) Feminist theory, embodiment, and the docile agent: Some reflections on the Egyptian Islamic revival. *Cultural Anthropology*, vol. 16, no 2, pp. 202–236.
- Marcus G.E. (1995) Ethnography in/of the world system: The emergence of multi-sited ethnography. *Annual Review of Anthropology*, vol. 24, no 1, pp. 95–117.
- Marcus G.E. (1997) The uses of complicity in the changing mise-en-scène of anthropological fieldwork. *Representations*, vol. 59, pp. 85–108.
- McKittrick K. (2014) Mathematics black life. *The Black Scholar*, vol. 44, no 2, pp. 16–28.
- Mol A. (2002) *The Body Multiple: Ontology in Medical Practice*, Durham: Duke University Press.
- Nagar R. (2014) *Muddying the Waters: Coauthoring Feminisms across Scholarship and Activism*, Urbana: University of Illinois Press.

- Nemtsova A. (2015) Trying to build democracy in a hellish Russian village called paradise // www.thedailybeast.com/articles/2015/08/01/trying-to-build-democracy-in-a-hellish-russian-village-called-paradise.html.
- Nixon R. (2011) *Slow Violence and the Environmentalism of the Poor*, Cambridge: Harvard University Press.
- Pain R. (2004) Social geography: Participatory research. *Progress in Human Geography*, vol. 28, no 5, pp. 652–663.
- Pain R. (2014) Everyday terrorism: Connecting domestic violence and global terrorism. *Progress in Human Geography*, vol. 38, no 4, pp. 531–550.
- Pain R. (2019) Chronic urban trauma: The slow violence of housing dispossession. *Urban Studies*, vol. 56, no 2, pp. 385–400.
- Pedersen M.A., Nielsen M. (2013) Trans-temporal hinges: Reflections on an ethnographic study of Chinese infrastructural projects in Mozambique and Mongolia. *Social Analysis*, vol. 57, no 1, pp. 122–142.
- Povinelli E.A. (2011) *Economies of Abandonment: Social Belonging and Endurance in Late Liberalism*, Durham: Duke University Press.
- Rodgers D., O'Neill B. (2012) Infrastructural violence: Introduction to the special issue. *Ethnography*, vol. 13, no 4, pp. 401–412.
- Rose G. (1997) Situating knowledges: Positionality, reflexivities and other tactics. *Progress in Human Geography*, vol. 21, no 3, pp. 305–320.
- Roy A. (2012) Ethnographic circulations: Space–time relations in the worlds of poverty management. *Environment and Planning A*, vol. 44, no 1, pp. 31–41.
- Sassen S. (2010) A savage sorting of winners and losers: Contemporary versions of primitive accumulation. *Globalizations*, vol. 7, no 1–2, pp. 23–50.
- Scheper-Hughes N. (1996) Small wars and invisible genocides. *Social Science & Medicine*, vol. 43, no 5, pp. 889–900.
- Schepp M. (2010) Das Dorf Zukunft. *Der Spiegel*, no 6, pp. 105–109.
- Scott J.C. (1985) *Weapons of the Weak: Everyday Forms of Peasant Resistance*, New Haven: Yale University Press.
- Shapovalova I. (2011) Exodus leaves Russia's villages to ghosts. www.rt.com/news/rural-russia-dying-villages-411.
- Spivak G.C. (1988) Can the subaltern speak? *Marxism and the Interpretation of Culture* (eds. C. Nelson, L. Grossberg), Urbana: University of Illinois, pp. 271–313.
- Stoler A.L. (2016) *Duress: Imperial Durabilities in Our Times*, Durham: Duke University Press.
- Strelnikova E. (2011) Russian provincial life: Down on the farm // www.opendemocracy.net/od-russia/elena-strelnikova/russian-provincial-life-down-on-farm.
- Thieme S. (2008) Living in transition: How Kyrgyz women juggle their different roles in a multi-local setting. *Gender, Technology and Development*, vol. 12, no 3, pp. 325–345.
- Touhouliotis V. (2018) Weak seed and a poisoned land. *Environmental Humanities*, vol. 10, no 1, pp. 86–106.
- Verne J. (2012) *Living Translocality: Space, Culture and Economy in Contemporary Swahili Trade*, Stuttgart: Steiner.
- Visser O., Spoor M. (2011) Land grabbing in post-Soviet Eurasia: The world's largest agricultural land reserves at stake. *Journal of Peasant Studies*, vol. 38, no 2, pp. 299–323.
- Vorbrugg A. (2019a) *Dispersed Dispossession: Disintegration, Big Business and Slow Politics in Rural Russia*. Unpublished manuscript.
- Vorbrugg A. (2019b) Not about land, not quite a grab: Dispersed dispossession in rural Russia. *Antipode*, vol. 51, no 3, pp. 1011–1031.
- Watts M. (1983) *Silent Violence: Food, Famine and Peasantry in Northern Nigeria*, Berkeley: University of California Press.
- Wegren S.K. (2014) *Rural Inequality in Divided Russia*, New York: Routledge.
- World Bank (2016) *Poverty and Shared Prosperity 2016: Taking on Inequality*, Washington: The World Bank.

Ethnographies of slow violence: Studying the effects of rural disintegration

ТЕОРИЯ

Alexander Vorbrugg, Postdoctoral Researcher, Institute of Geography, University of Bern (Switzerland), Hallerstr. 12, 3012 Bern, Switzerland. E-mail: alexander.vorbrugg@giub.unibe.ch.

The article considers the nexus of slow violence as a concept, research focus and problem — on the one hand, and the practices and politics of ethnographic fieldwork and writing — on the other hand. It highlights two aspects; first, the epistemological alliances between researchers and research participants which confront forms of violence that as if remain partly elusive to both sides; second, the multi-temporal ethnographies that work through drawn-out and complex timescapes of violence by tracing cross-temporal connections. The notions of fieldwork are still defined mainly in spatial terms, and so the issue of slow violence is an important reminder to pay more attention to the temporal dimension. The article demonstrates how rural dwellers make sense of complex changes and loss by using the ruins of disintegration as signifiers, and how researchers can draw on this in their analysis. It is based on the ethnographic research conducted in rural Russia which shows how the concept of slow violence helps to make sense of and to make visible the forms of loss and dispossession that often remain elusive in academic and public representations of the Russian countryside.

Keywords: slow violence, multi-temporal ethnography, politics of representation, politics of fieldwork, rural Russia

Производство зерновых и картофеля на душу населения в Европейской России в 1883–1913 годах: динамика регионов

И.А. Кузнецов

Игорь Анатольевич Кузнецов, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Научно-исследовательской лаборатории экономической и социальной истории Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ. 119571 Москва, пр-т. Вернадского, 82. E-mail: repytwd68@mail.ru

В статье представлен расчет ежегодных значений производства зерна и картофеля на душу населения по регионам Европейской России и анализ динамики этого показателя с 1883 по 1913 год. Основным источником является статистика урожаев Центрального статистического комитета. Используются показатели валового сбора ржи, пшеницы, овса, ячменя, полбы, гречихи, проса, гороха, кукурузы и картофеля. Все урожаи выражены в пудах. Картофель рассматривается как отдельно, так и в сумме с зерновыми с пересчетом в пропорции 4:1. Данные о ежегодной численности населения заимствованы из работы 1927 года демографа В. Зайцева. 49 губерний сгруппированы в 12 регионов на основе классификации ЦСК с авторскими изменениями. Анализ динамики проведен по скользящим средним за пятилетние отрезки. Выявлено, что повышающий тренд производства хлебов и картофеля на душу населения в среднем по Европейской России включает в себя разнонаправленные тенденции в регионах, относившихся к различным природно-географическим и экономическим типам. Позитивные тренды демонстрировали Новороссийский, Малороссийский, Приуральский, Прибалтийский, Юго-Западный и Западный регионы и Самарскую губернию. Тенденция к снижению обнаружилась в динамике Нечерноземно-промышленного, Северного, Северо-Западного, Центрально-Черноземного и Средневожского регионов. Предложена интерпретация данных результатов с учетом различий в аграрном строе хлебопроизводящих (нетто-экспортеров) и хлебопотребляющих (нетто-импортеров) регионов.

Ключевые слова: аграрная история, производство зерновых на душу населения, урожайная статистика, статистика населения

DOI: 10.22394/2500-1809-2020-5-1-53-83

В современной историографии, посвященной аграрной истории поздней Российской империи, сосуществуют и противостоят два основных направления, которые различаются видением самого предмета исследования: одно изучает экономический рост, другое — предпосылки краха аграрного строя империи, произошедшего в 1917 году. Представители конкурирующих направлений систематически расходятся в оценках даже по таким вопросам, которые, казалось бы, могут быть однозначно решены количественным под-

счетом, например: существовал ли в России в пореформенный период избыток продовольствия и фуража или дефицит, росло ли благосостояние сельского населения или оно лишь колебалось вокруг одного уровня, увеличивалось или уменьшалось потребление алкоголя, насколько велико было расслоение крестьянства и т. д. Тем более не существует консенсуса там, где ответ на вопрос зависит от определения используемых терминов: что считать «малоземельем» или «аграрным перенаселением»; включать показатель младенческой смертности в понятие «благосостояние» или не включать; считать ли «голодом» ситуацию, когда крестьяне имеют продовольствия меньше определенного (экспертным путем) прожиточного минимума, или только такое бедствие, которое сопровождается массовой смертностью на почве недоедания и т. п. Итогом систематических расхождений стал эффект «раздвоения России», когда на страницах исторических сочинений живут две страны с одним названием, мало похожие одна на другую. «Одна, — поясняет сторонник такой точки зрения, — это нищая Россия из народнической публицистики и советских учебников, плод идеологизированного, предвзятого и потому негативистского подхода к окружающему миру, а также и сознательных махинаций, в том числе и со статистикой... Другая — страна с трагической и величественной историей, которая медленно, но верно расставалась со своим прошлым, выкарабкиваясь после 1861 года из средневековья и крепостничества... и несмотря ни на что доказывала свою состоятельность...» (Давыдов, 2012: 240). Думается, идеологизация порождает не только «негативизм», она в равной степени присутствует с обеих сторон дискуссии. По мере того, как на смену идеологическим мифам будут приходить научные объяснительные модели, произойдет и постепенное уврачевание болезненного синдрома «раздвоенной России».

Важный вопрос, который возникает в связи с этим: можно ли в принципе объяснить факты экономического и технико-технологического прогресса в аграрной сфере дореволюционной России и предпосылки произошедшей (начавшейся) в 1917 году аграрно-крестьянской революции в рамках одной модели? Думается, синтез возможен. Одним из очевидных путей такого объяснения является более полный учет социальной дифференциации и регионального разнообразия. В данной статье уделяется внимание второму аспекту — различиям в траекториях аграрного развития между регионами.

Предметом статьи является анализ динамики одного из простейших, но важнейших показателей аграрного развития — валового производства зерновых культур и картофеля на душу населения. Следует отметить, что это показатель не потребления, а производства. Его динамика является важным индикатором аграрного развития, поскольку сельское хозяйство России до Революции находилось, по выражению Н. Д. Кондратьева, под властью «диктатуры зернового направления хозяйства», которая постепенно ослабевала, особенно в нечерноземных губерниях, но все еще сохранялась.

Факт определенного роста душевого производства зерна в целом по стране в указанный период не вызывает сомнений у историков. Однако среднестатистическая картина зачастую скрывает разнонаправленные тенденции, когда прогресс в одних губерниях и регионах мог сочетаться с застоем или регрессом в других. Задача статьи в том, чтобы показать эти различия. В новейшей литературе к этой теме обращался А.В. Островский, рассчитавший чистые сборы на душу населения по каждой из 50 губерний, но только «продовольственных хлебов» и в среднем по четырем пятилетним отрезкам с 1896 по 1915 год (Островский, 2013: 250). В работах других авторов цифры душевого производства для отдельных лет, периодов и регионов фигурируют, как правило, в качестве иллюстраций. Основным вопросом, который обычно ставили перед собой исследователи, был вопрос о степени продовольственной обеспеченности или необеспеченности населения, о наличии в губерниях излишков или недостатков хлеба. В этом контексте главную роль играет точность абсолютных значений, но поскольку российская урожайная статистика носила приблизительный характер, выводы историков, построенные на ее основе, всегда являются уязвимыми для критики. Более надежными представляются тренды, динамика. В историографии сложился консенсус по поводу того, что урожайная статистика достаточно правильно отражает тенденции изменения своих показателей на длительных хронологических отрезках на уровне губерний, а тем более групп губерний.

Источники по статистике урожаев и населения: возможности и ограничения

В качестве основного источника использована урожайная статистика Центрального статистического комитета, появившаяся с 1883 года и ежегодно публиковавшаяся в специальном издании «Урожай ... года» (с 1888 года оно входило в состав серии «Статистика Российской империи»). Из системы показателей урожайной статистики для данной работы был взят только один — валовой сбор соответствующей культуры.

Для исследования динамики важно иметь по возможности более длинные ряды. Статистика урожаев ранее 1883 года, так называемая статистика губернаторских отчетов, собиралась иными методами и на иных основаниях. Ее стыковка со статистикой ЦСК, вероятно, возможна, но это задача будущего.

В современной историографии высказывалось мнение, что статистика урожаев ЦСК до 1894 года несопоставима с более поздней из-за некоего изменения методики (Нефедов, 2017: 16). Вероятно, не случайно и А.В. Островский начинал свои подсчеты лишь с 1895 года. Это было удобно и в плане сопоставления с численностью населения, впервые измеренной переписью 1897 года, и в том отноше-

нии, что с этого времени все урожайные показатели публиковались в пудах, а значит, у исследователя отпадает задача перевода четвертей в пуды. Однако если принять это хронологическое ограничение, то из поля зрения выпадают не просто первые 11–12 лет наблюдений, но отсекается тот период, который приходится на время мирового аграрного кризиса, и мы наблюдаем развитие зернового производства лишь с момента начала растущей ценовой конъюнктуры и промышленного подъема.

Насколько обоснованно такое ограничение? Оно базируется на одном неясном примечании, которое сделал в 1915 году Д.Н. Иванцов, сообщивший со ссылкой на свой частный разговор с неназванным чиновником ЦСК о том, что в 1894 году комитет произвел изменение методики обработки сведений, в результате которого урожайность одновременно возросла на 10% (Иванцов, 1915: 75, сноска 2). Суть произведенного изменения осталась для самого Иванцова неясной. В официальных изданиях ЦСК сообщалось, что с 1894 года изменился лишь порядок пересылки с мест анкетных листков для крестьянских земель: раньше они проходили через губернские статистические комитеты, теперь же анкеты пересылались из волостных правлений непосредственно в Петербург, минуя губернские учреждения. В итоге сократились сроки присылки, и количество возвратившихся в ЦСК листков в первый же год увеличилось на 8,3% (со 123 803 в 1893 году до 134 103 в 1894 году)¹. Эту реформу Иванцов считал незначимой для статистики урожая, но настаивал, что речь шла не об этом, а о какой-то другой, необъявленной реформе. Однако сам источник — урожайная статистика — не подтверждает заявление Иванцова. При переходе от 1893 к 1894 году 10-процентного скачка урожайности не наблюдается, по крайней мере, урожайность четырех основных хлебов (рожь, пшеница, овес, ячмень), рассчитанная как отношение суммарного валового сбора к сумме посевных площадей, по 50 губерниям Европейской России увеличилась лишь на 2,6%, а в 1895 году по сравнению с 1894 годом она уменьшилась, что укладывается в нормальные годовые колебания. Таким образом, указанное ограничение представляется необоснованным, и мы используем данные по сборам хлебов с 1883 года.

Между тем статистика валовых сборов ЦСК действительно имеет серьезные проблемы. До 1892 года отсутствовали ежегодные сведения о посевных площадях. Сборы 1883–1889 годов считались ЦСК умножением ежегодной урожайности на посевные площади, установленные всероссийским обследованием 1881 года; сборы 1890–1891 годов вычислялись на основе посевных площадей, установленных земельной переписью 1887 года. Урожай 1892 года вычислялся на основе корректировок к этим площадям, которые были сделаны местными властями по запросу ЦСК. С 1893 года до кон-

1. Урожай 1894 года. Вып. 1. СПб., 1894. С. 1.

ца существования этой статистики посевные площади запрашивались с мест ежегодно. На местах они выводились для крестьянских посевов — волостными правлениями на основе ответов, которые они должны были собирать с сельских старост; для посевов в хозяйствах на частновладельческих землях — по ответам управляющих хозяйств, собранным полицейскими (становыми приставами и участковыми урядниками). Следует отметить, что все земельные переписи и сельскохозяйственная перепись 1916 года также базировали свои итоги по посевным площадям не на измерениях полей в натуре, а на показаниях тех же местных сельских администраций и землевладельцев, но отличались в этом отношении от текущих данных ЦСК большей полнотой и тщательностью подсчетов.

Отсутствие до 1892 года ежегодных данных по площадям и низкая (неопределенная) степень надежности последующих ежегодных данных являются непреодолимым недостатком источника, и, если мы не хотим отказаться от использования урожайной статистики вообще, эти недостатки должны быть приняты как допустимая статистическая условность. Цифры валовых урожаев для данной работы взяты по изданию «Урожай ... года»². Пересчет урожаев 1887–1889 годов по площадям 1887 года не производился.

Специфическая трудность при работе с урожайной статистикой ЦСК заключается в том, что до 1894 года показатели в ней давались в четвертях, а с 1895 года — в пудах. Вес четверти в пудах указывался в тех же изданиях лишь с 1888 года. В данной статье все валовые сборы выражены в пудах. Перевод из четвертей в пуды сделан следующим образом: за 1888–1894 годы — по соответствующему весу четверти каждой культуры для каждой губернии по ежегодным данным того же источника, за 1883–1887 годы — по среднему весу четверти, подсчитанному для пятилетия 1888–1892 годов.

Урожайная статистика ЦСК, как ранее и губернаторская статистика, имела основной целью мониторинг продовольственного положения регионов. Поэтому ЦСК делал собственные расчеты подушевой обеспеченности, деля чистый сбор (в терминах источника, «остаток») каждой культуры на население обою пола. За 1883–1886 годы такие данные по губерниям впервые появились в вводном разделе «Урожай 1886 года», позднее они стали ежегодно включаться в основное тело урожайных таблиц. Почему нельзя использовать этот показатель, имеющийся в источнике, казалось бы, в готовом виде? Во-первых, ежегодно публиковать данные по населению в губерниях, которые ЦСК брал за основу своих расчетов, начали лишь с «Урожай 1894 года», до этого ЦСК, очевидно, обновлял их не каждый год, а пользовался одними и теми же по несколько лет. Во-вторых, до переписи 1897 года это были данные теку-

2. В работе по сбору урожайных данных большое участие принимала И.В. Шильникова, которой я выражаю признательность за предоставленные в мое распоряжение материалы.

шего полицейского учета, после — данные переписи, скорректированные на движение населения. В-третьих, до 1899 года ЦСК рассчитывал чистые сборы на душу сельского населения, а с 1900 года — на общую численность населения в губернии. Всё это делает рассчитанные и ежегодно публиковавшиеся ЦСК цифры подушевой обеспеченности хлебами несопоставимыми за разные годы. Следовательно, чтобы построить единые динамические ряды душевого производства хлебов по губерниям, следует сначала получить ряды ежегодной численности населения, созданные на единой основе за весь период.

Статистика населения Российской империи вызывает не менее серьезные вопросы, чем урожайная статистика. Наиболее надежные сведения о численности населения по каждой губернии дала перепись 1897 года. Как известно, ее итоги разошлись с данными текущего полицейского учета, которые в целом по стране преувеличивали число жителей, но по отдельным губерниям расхождения оказались разнонаправленными и порой весьма значительными. С 1871 года ЦСК разрабатывал и публиковал ежегодные данные по движению населения, которые большинство специалистов считают достаточно качественными. Исходя из этого, многие исследователи приходили к выводу, что реконструкция на основе переписи и движения населения дает более адекватные показатели численности населения, чем соответствующие сведения текущего полицейского учета каждого данного года (Сифман, 1977; Кабузан, 1982). Такой вывод с уверенностью применим к общероссийским показателям, при переходе на уровень губерний достоверность снижается, однако альтернативных, более точных методов в литературе предложено не было. Работу по реконструкции погубернской численности населения за каждый год с 1871-го по 1914-й проделал демограф В. Зайцев (Зайцев, 1927). Кроме естественного движения населения он учитывал данные о переселениях в Азиатскую часть страны после 1906 года и скорректировал численность населения Московской и Петербургской губерний по соответствующим городским переписям. В данной работе использованы рассчитанные им цифры общей численности населения губерний; обнаруженные опечатки исправлены (включая систематическую ошибку по Эстляндской губернии), сделанное им округление до тысяч не может иметь большого влияния на наш результат. Отметим, что расчеты Зайцева для 1900-х годов не сильно отличаются от данных, публиковавшихся ЦСК в статистических ежегодниках.

Показатели и группировка губерний

Душевое производство рассчитывалось мной как отношение валового сбора за каждый год, с 1883-го по 1913-й, к общей численности

населения данного года. Душевые сборы были рассчитаны по трем параметрам:

1) сумма 11 зерновых культур (рожь (озимая + яровая) + пшеница (озимая + яровая) + овес + ячмень (яровой) + полба + гречиха + просо + горох + кукуруза);

2) картофель;

3) сумма зерновых + картофель, при этом картофель для сопоставимости с зерновыми пересчитывался с коэффициентом 0,25 (4:1).

Из статистики ЦСК не были взяты урожаи чечевицы, бобов и фасоли, как не имевшие существенного значения в зерновом балансе.

Все три параметра по отдельности были рассчитаны: а) в среднем по Европейской России; б) для каждой из 50 губерний и в) для каждого из регионов (групп губерний).

Распределение губерний по регионам дано в таблице 1.

В основу группировки губерний была положена классификация, применявшаяся в статистических публикациях ЦСК («по естественным областям»), но с некоторыми изменениями. Олонецкая губерния соединена с северными, вместо «Приозерного» используется понятие «Северо-Западный» регион в составе трех губерний, как это было в статистике Департамента земледелия XIX века и принято в современной литературе. Губернии «Белорусские» и «Литовские» соединены в один Западный регион, за исключением Смоленской губернии, которая из группы белорусских переведена в состав Нечерноземно-промышленного региона. Среди трех Малороссийских губерний полужерноземная Черниговская сильно отличается от черноземных Полтавской и Харьковской и по динамике, и по уровню душевого производства, и по структуре посевов, которые сближают ее с Западом; к этому региону она здесь и причислена.

Наибольшие трудности вызывает корректная группировка поволжских и восточных губерний. ЦСК объединял Астраханскую, Самарскую и Оренбургскую губернии в группу Нижневолжских. Однако Астраханская была единственной из европейских, где преобладало кочевое скотоводство, поэтому динамика душевого производства хлебов, рассчитанная на общее население, включая кочевников, не является показателем ее развития, и причисление этой губернии к какому-либо региону будет заведомо занижать средние показатели и искажать динамику региона. Попытка использовать для этой губернии численность только земледельческого населения поставила бы вопрос о том, что аналогично следовало бы поступить и для всех остальных губерний, но это уже предмет другой работы. Поэтому Астраханская губерния была исключена мной из регионального анализа, но включена в подсчет среднероссийских показателей. Относительно Оренбургской губернии кажется более логичным объединение ее в одном кластере с Уфимской и отнесение

И.А. Кузнецов

Производство зерновых и картофеля на душу населения в Европейской России в 1883–1913 годах: динамика регионов

не к Поволжью, а к Приуралью. В таком случае Самарская губерния остается одна. Причисление ее к губерниям Среднего Поволжья некорректно, так как ее динамика резко выделяется на их фоне.

Таблица 1. Группировка губерний по регионам

Север	Архангельская	Нечерноземно-промышленный регион	Владимирская	Восточный регион (Приуралье)	Вятская
	Вологодская		Калужская		Оренбургская
Северо-Запад	Олонецкая	Новгородская	Костромская	Левобережная Украина (Малороссия)	Пермская
	Санкт-Петербургская		Московская		Уфимская
Запад	Псковская	Центрально-Черноземный регион	Нижегородская	Новороссия	Полтавская
	Минская		Смоленская		Харьковская
Прибалтика	Могилевская	Среднее Поволжье	Тверская	Казанская	Правобережная Украина (Юго-Запад)
	Черниговская		Ярославская		
Прибалтика	Тульская	Самарская губерния	Симбирская	Курляндская	Волинская
	Виленская		Воронежская		
Прибалтика	Витебская	Самарская губерния	Курская	Эстляндская	Подольская
	Гродненская		Орловская		
Прибалтика	Ковенская	Самарская губерния	Пензенская	Самарская губерния	Донского войска область
	Минская		Рязанская		
Прибалтика	Могилевская	Самарская губерния	Тамбовская	Самарская губерния	Таврическая
	Черниговская		Тульская		

В Среднее Поволжье ЦСК включал Казанскую, Саратовскую, Симбирскую, Нижегородскую и Пензенскую губернии. Нижегородская перемещена в группу Нечерноземно-промышленных на том основании, что она являлась хлебопотребляющей (нетто-импортером), тогда как остальные — хлебопроизводящими (нетто-экспортерами). Пензенская губерния занимает переходное географиче-

ское положение между Поволжским и Центрально-Черноземным регионами. Следуя географическому признаку (территория губернии не имела выхода к Волге), а также учитывая высокий удельный вес картофеля, не характерный для зернового Поволжья, она причислена в данном случае к Центральному Черноземью (в ранних выпусках «Год в сельскохозяйственном отношении» Департамент земледелия поступал так же). Таким образом, 49 губерний распределены на 12 регионов.

Результаты

Итоги подсчетов душевого производства зерновых, картофеля и зерновых в сумме с картофелем (4:1) по регионам Европейской России и в среднем по 50 губерниям, по годам и по пятилетиям представлены в таблице 2.

Таблица 2. **Производство (валовой сбор) зерновых и картофеля на душу населения в 1883–1913 годах (в пудах)**

	50 губерний				Север			Северо-Запад			Прибалтика			Запад		
	зерновые	картофель	зерновые + картофель	зерновые	картофель	зерновые + картофель	зерновые	картофель	зерновые + картофель	зерновые	картофель	зерновые + картофель	зерновые	картофель	зерновые + картофель	
1883	27,4	10,3	28,8	16,1	2,0	16,6	16,0	4,8	17,2	24,1	18,2	28,6	16,9	8,8	19,2	
1884	29,6	11,8	31,1	15,6	1,5	16,0	13,1	4,1	14,1	24,7	21,7	30,3	18,6	12,5	21,8	
1885	24,7	9,5	25,9	16,8	1,2	17,2	12,7	4,7	13,9	22,0	24,0	28,0	16,4	10,5	19,1	
1886	27,6	10,8	29,0	16,4	1,7	16,8	15,6	4,9	16,9	22,6	20,5	27,8	16,6	10,9	19,4	
1887	31,4	12,0	32,9	17,9	2,0	18,5	17,2	5,6	18,6	26,5	24,5	32,7	18,6	11,3	21,5	
1888	30,0	10,9	31,4	14,7	1,3	15,0	15,6	4,3	16,7	24,4	19,9	29,4	17,8	11,8	20,8	
1889	22,2	11,0	23,6	14,8	2,1	15,3	14,3	5,6	15,7	25,9	25,9	32,4	15,9	12,3	18,9	
1890	26,6	12,0	28,1	18,9	2,0	19,4	15,8	6,5	17,4	24,5	18,9	29,2	17,8	11,9	20,8	
1891	20,5	10,4	21,8	16,3	1,5	16,7	15,4	6,6	17,1	23,8	24,4	29,9	17,0	11,0	19,7	
1892	24,7	16,0	26,7	17,5	2,7	18,2	14,3	5,1	15,6	22,0	15,1	25,7	20,8	17,0	25,0	
1893	33,8	20,3	36,3	17,3	2,8	18,0	13,5	7,4	15,4	22,4	23,7	28,3	20,4	18,5	25,0	
1894	33,3	18,5	35,6	17,2	3,3	18,0	12,1	5,0	13,3	24,5	20,1	29,5	21,4	16,3	25,5	
1895	29,6	20,0	32,1	17,7	4,1	18,7	11,3	7,6	13,2	32,2	30,6	39,9	17,4	19,2	22,2	
1896	29,7	22,4	32,5	15,4	3,9	16,4	13,6	9,2	15,9	32,4	36,2	41,5	18,1	19,3	22,9	
1897	24,3	20,8	26,9	17,9	3,4	18,7	14,3	8,9	16,5	30,8	30,2	38,4	18,3	20,8	23,5	
1898	27,6	21,8	30,3	16,2	4,0	17,2	14,9	8,4	17,0	33,6	30,5	41,2	22,2	21,1	27,4	
1899	31,3	22,4	34,1	15,8	3,3	16,6	10,8	6,6	12,5	25,1	24,4	31,2	20,4	18,9	25,1	

1900	30,0	20,8	32,7	15,8	3,4	16,6	14,4	8,0	16,4	30,4	29,8	37,8	20,2	21,9	25,6
1901	25,6	18,5	27,9	17,9	4,0	18,9	13,3	8,4	15,4	26,0	23,2	31,8	18,6	21,0	23,8
1902	34,0	23,6	37,0	16,5	4,5	17,6	10,7	5,3	12,1	24,3	23,1	30,1	21,3	20,9	26,5
1903	31,1	21,7	33,8	16,1	4,7	17,3	10,9	8,0	12,9	25,8	27,8	32,8	19,7	19,8	24,6
1904	35,8	22,2	38,6	15,3	3,4	16,2	11,5	7,0	13,2	24,9	25,3	31,3	21,2	22,3	26,8
1905	27,9	21,2	30,5	15,8	3,8	16,8	10,2	8,0	12,2	21,8	30,1	29,3	18,4	24,1	24,4
1906	23,0	19,2	25,4	14,7	3,6	15,6	10,9	7,2	12,7	22,2	24,7	28,4	16,3	18,2	20,9
1907	26,5	20,9	29,1	13,8	3,7	14,8	10,7	7,8	12,6	24,5	31,6	32,5	15,6	22,2	21,2
1908	26,8	20,1	29,3	15,0	3,5	15,9	11,8	6,7	13,5	25,9	28,2	33,0	17,1	22,5	22,7
1909	33,4	22,3	36,2	13,8	3,3	14,6	10,0	7,3	11,8	26,8	30,0	34,3	20,3	24,5	26,5
1910	32,2	25,9	35,5	16,9	4,5	18,0	11,0	9,0	13,2	28,6	32,5	36,8	18,5	24,6	24,7
1911	24,9	24,3	27,9	16,1	4,3	17,2	11,1	8,7	13,3	25,3	29,9	32,7	20,8	25,0	27,0
1912	32,0	25,9	35,3	16,5	3,9	17,5	11,4	7,9	13,4	24,5	27,2	31,3	21,1	27,2	27,9
1913	35,3	24,0	38,4	16,4	4,6	17,5	11,6	7,0	13,3	26,5	27,7	33,5	21,5	25,7	27,9
Средние пятилетние значения															
1884-1888	28,7	11,0	30,1	16,3	1,5	16,7	14,8	4,7	16,0	24,1	22,1	29,6	17,6	11,4	20,5
1889-1893	25,6	13,9	27,3	17,0	2,2	17,5	14,7	6,3	16,2	23,7	21,6	29,1	18,4	14,1	21,9
1894-1898	28,9	20,7	31,5	16,9	3,7	17,8	13,2	7,8	15,2	30,7	29,5	38,1	19,5	19,4	24,3
1899-1903	30,4	21,4	33,1	16,4	4,0	17,4	12,0	7,3	13,9	26,3	25,7	32,8	20,0	20,5	25,1
1904-1908	28,0	20,7	30,6	14,9	3,6	15,8	11,0	7,4	12,9	23,9	28,0	30,9	17,7	21,8	23,2
1909-1913	31,6	24,5	34,6	15,9	4,1	17,0	11,0	8,0	13,0	26,4	29,5	33,7	20,4	25,4	26,8

Продолжение таблицы 2.

	Нечерноземно-промышленный регион				Центрально-Черноземный регион				Среднее Поволжье			Самарская губерния		
	зерновые	картофель	зерновые + картофель		зерновые	картофель	зерновые + картофель		зерновые	картофель	зерновые + картофель	зерновые	картофель	зерновые + картофель
1883	23,2	7,2	25,1	43,2	8,5	45,4	30,8	3,1	34,7	34,2	2,5	34,8		
1884	19,5	4,9	20,8	36,6	10,0	39,2	40,2	2,7	40,8	53,7	2,2	54,2		
1885	17,8	4,8	19,1	34,1	6,1	35,7	34,9	1,5	35,3	30,6	1,4	30,9		
1886	24,4	5,4	25,8	41,9	8,5	44,1	46,5	2,7	47,2	42,4	2,0	42,8		
1887	24,8	6,2	26,5	44,9	9,7	47,4	36,3	2,8	37,0	24,1	1,9	24,6		

1888	21,1	4,5	22,3	44,6	9,0	46,9	33,5	3,0	34,2	22,4	1,7	22,8
1889	21,8	6,7	23,5	30,5	7,4	32,4	30,7	2,2	31,2	23,1	1,6	23,5
1890	20,0	6,7	21,6	39,6	9,4	42,0	26,9	1,8	27,4	23,8	1,7	24,2
1891	20,0	7,7	22,0	19,6	5,3	20,9	14,7	0,8	14,9	12,4	0,4	12,5
1892	19,9	9,8	22,3	22,8	11,8	25,7	33,8	3,4	34,6	18,9	1,3	19,2
1893	19,4	11,7	22,4	38,0	17,4	42,3	35,9	4,8	37,1	26,9	1,9	27,4
1894	20,4	7,6	22,4	43,7	15,9	47,6	41,8	5,3	43,1	46,2	4,8	47,4
1895	17,9	10,7	20,6	40,4	14,9	44,2	34,1	3,7	35,0	34,3	3,8	35,3
1896	19,9	10,8	22,6	33,9	17,3	38,3	44,7	7,1	46,5	53,7	7,1	55,4
1897	17,9	11,0	20,6	20,2	13,2	23,5	29,2	5,0	30,4	30,6	4,0	31,6
1898	19,5	14,5	23,2	30,8	13,6	34,2	17,1	2,3	17,7	14,2	1,0	14,4
1899	21,2	12,1	24,3	44,0	21,5	49,4	52,3	5,7	53,8	41,3	3,2	42,1
1900	19,9	9,1	22,2	40,4	13,5	43,8	42,9	5,3	44,2	53,0	5,7	54,5
1901	17,3	11,1	20,1	27,6	11,3	30,4	23,7	2,1	24,3	20,8	1,8	21,2
1902	18,8	12,3	21,9	45,7	21,6	51,1	35,3	4,8	36,5	41,6	3,6	42,5
1903	15,8	12,8	19,0	35,9	15,7	39,9	36,5	3,5	37,3	42,2	2,3	42,7
1904	21,1	11,2	23,9	41,9	19,2	46,7	52,9	6,0	54,4	64,5	4,1	65,5
1905	17,9	13,2	21,2	21,5	11,9	24,5	24,1	4,2	25,1	31,1	3,6	32,0
1906	12,6	11,5	15,4	21,6	14,5	25,3	11,2	3,2	12,0	9,9	2,2	10,4
1907	14,8	9,8	17,2	33,7	16,0	37,7	31,5	3,7	32,5	30,6	2,3	31,2
1908	14,9	8,8	17,1	26,3	13,6	29,7	29,5	3,8	30,5	33,5	2,8	34,2
1909	13,6	8,7	15,8	37,5	18,1	42,0	48,6	6,0	50,0	67,3	4,4	68,4
1910	14,3	15,2	18,1	35,1	20,4	40,3	33,1	6,0	34,6	52,1	3,6	53,0
1911	16,0	13,5	19,4	28,6	18,7	33,3	14,0	3,9	15,0	12,3	2,6	12,9
1912	17,4	14,3	21,0	38,1	20,4	43,2	35,4	5,1	36,7	48,8	4,8	50,0
1913	16,7	12,0	19,7	33,4	17,1	37,7	42,5	6,5	44,1	68,0	5,0	69,2
Средние пятилетние значения												
1884-1888	21,5	5,1	22,9	40,4	8,7	42,6	38,3	2,5	38,9	34,6	1,8	35,0
1889-1893	20,2	8,5	22,3	30,1	10,3	32,7	28,4	2,6	29,0	21,0	1,4	21,3
1894-1898	19,1	10,9	21,9	33,8	14,9	37,5	33,4	4,7	34,5	35,8	4,1	36,8
1899-1903	18,6	11,5	21,5	38,7	16,7	42,9	38,2	4,3	39,2	39,8	3,3	40,6
1904-1908	16,2	10,9	19,0	29,0	15,0	32,8	29,8	4,2	30,9	33,9	3,0	34,7
1909-1913	15,6	12,8	18,8	34,6	19,0	39,3	34,7	5,5	36,1	49,7	4,1	50,7

ИСТОРИЯ

	Левобереж- ная Украина (Малороссия)			Новороссия			Правобереж- ная Украина (Юго-Запад)			Приуралье		
	зерновые	картофель	зерновые + картофель	зерновые	картофель	зерновые + картофель	зерновые	картофель	зерновые + картофель	зерновые	картофель	зерновые + картофель
1883	26,5	2,2	27,1	35,7	1,8	36,3	18,7	2,8	19,4	29,9	0,9	30,0
1884	32,7	3,3	33,5	38,0	2,9	38,9	26,6	4,0	27,7	39,8	1,1	39,9
1885	25,5	2,3	26,2	21,3	1,7	21,8	24,6	3,3	25,5	35,8	1,1	35,9
1886	18,6	2,4	19,2	29,2	2,8	30,0	17,1	3,5	18,0	32,7	0,7	32,8
1887	44,8	3,3	45,7	42,7	2,6	43,5	29,0	3,7	30,0	31,2	1,2	31,4
1888	37,7	3,0	38,4	52,2	2,5	52,8	26,5	3,5	27,3	24,8	0,9	25,1
1889	17,4	2,1	17,9	20,0	1,3	20,4	14,5	2,9	15,2	31,3	1,2	31,5
1890	29,2	3,0	30,0	40,8	2,6	41,4	23,2	4,8	24,3	23,3	1,4	23,7
1891	27,0	2,2	27,5	32,7	1,5	33,1	22,4	4,0	23,4	19,1	1,3	19,4
1892	23,1	1,9	23,6	39,0	2,7	39,7	21,0	9,7	23,4	32,6	2,6	33,2
1893	41,7	8,7	43,9	75,3	4,2	76,3	28,3	8,0	30,3	39,1	2,7	39,8
1894	38,4	10,4	41,0	53,9	5,8	55,4	28,4	7,7	30,4	38,0	3,0	38,8
1895	32,9	7,6	34,8	45,6	4,1	46,6	26,6	8,8	28,8	36,8	3,7	37,7
1896	27,8	9,5	30,2	42,8	5,5	44,2	27,8	9,7	30,3	34,4	3,4	35,3
1897	25,3	8,1	27,3	42,1	5,4	42,8	20,4	10,0	22,9	32,0	3,6	32,8
1898	37,0	10,0	39,5	55,0	5,8	56,5	30,0	10,7	32,7	21,4	3,0	22,1
1899	31,0	10,2	33,5	32,0	4,1	33,0	30,8	9,9	33,3	40,2	3,1	41,0
1900	30,9	10,6	33,6	35,7	4,2	36,7	19,5	10,3	22,0	41,7	4,4	42,8
1901	27,4	6,5	29,0	48,2	2,8	48,9	32,0	10,5	34,6	20,7	2,7	21,4
1902	48,5	12,2	51,6	60,3	4,0	61,3	36,3	11,9	39,3	29,0	4,1	30,0
1903	33,1	11,9	36,1	62,4	5,2	63,7	30,2	9,8	32,7	31,5	3,8	32,4
1904	39,1	8,3	41,2	51,4	2,5	52,1	31,2	9,9	33,7	49,8	4,5	50,9
1905	36,0	8,8	38,2	50,8	3,4	51,7	30,0	10,0	32,5	44,3	4,1	45,3
1906	29,1	8,9	31,3	53,0	3,6	53,9	29,5	10,1	32,0	22,9	2,5	23,5
1907	28,6	9,4	31,0	48,1	3,4	49,0	23,2	10,3	25,8	28,9	3,0	29,7
1908	30,3	10,1	32,8	46,5	3,5	47,4	25,6	12,0	28,6	38,6	3,1	39,4
1909	42,0	10,3	44,6	62,9	3,9	63,9	28,2	10,2	30,8	34,1	3,5	35,0
1910	37,0	10,7	39,7	64,3	4,4	65,4	31,1	13,7	34,5	39,0	3,6	40,0
1911	37,1	13,3	40,4	51,2	3,9	52,1	30,2	12,1	33,2	14,8	3,0	15,5
1912	39,9	13,3	43,3	55,2	5,2	56,5	30,9	11,8	33,9	35,3	3,3	36,2
1913	46,6	12,3	49,7	70,9	6,5	72,6	31,0	10,3	33,6	40,6	3,7	41,5

Средние пятилетние значения

1884-1888	31,8	2,9	32,6	36,7	2,5	37,4	24,7	3,6	25,7	32,9	1,0	33,0
1889-1893	27,7	3,6	28,6	41,6	2,4	42,2	21,9	5,9	23,3	29,1	1,8	29,5
1894-1898	32,3	9,1	34,6	47,9	5,3	49,1	26,7	9,4	29,0	32,5	3,3	33,4
1899-1903	34,2	10,3	36,7	47,7	4,0	48,7	29,7	10,5	32,4	32,6	3,6	33,5
1904-1908	32,6	9,1	34,9	50,0	3,3	50,8	27,9	10,5	30,5	36,9	3,4	37,8
1909-1913	40,5	12,0	43,5	60,9	4,8	62,1	30,3	11,6	33,2	32,8	3,4	33,6

И.А. Кузнецов
Производство зерновых и картофеля на душу населения в Европейской России в 1883–1913 годах: динамика регионов

Анализ трендов по ежегодным значениям может встретить затруднения, поскольку в них отразились резкие годовые колебания урожайности, особенно сильные в Поволжье и вообще в Черноземье. Так, в Самарской губернии разрыв между минимальным и максимальным значениями достигает 6,7 раза (от 10,4 до 69,2 пуда на душу населения), разглядеть за которыми общий повышающийся тренд не так просто. Для сглаживания колебаний можно использовать простые пятилетние средние (как это делал А.В. Островский) или, для регионов, подверженных особенно сильным колебаниям, средние десятилетние значения. Без первого года наблюдений, за 1884–1913 годы мы имеем шесть пятилетних отрезков (см. табл. 2). Однако с точки зрения задач нашей работы более целесообразным представляется рассчитать скользящие средние по пятилетним периодам. Их значения по 27 пятилетним отрезкам представлены в таблице 3.

Таблица 3. **Производство (валовой сбор) зерновых и картофеля на душу населения (скользящие средние по пятилетиям, в пудах)**

	50 губерний		Север		Северо-Запад		Прибалтика		Запад						
	зерновые	картофель	зерновые + картофель	зерновые	картофель	зерновые + картофель	зерновые	картофель	зерновые + картофель	зерновые	картофель	зерновые + картофель			
1883-1887	28,1	10,9	29,5	16,5	1,7	17,0	14,9	4,8	16,1	24,0	21,8	29,5	17,4	10,8	20,2
1884-1888	28,7	11,0	30,1	16,3	1,5	16,7	14,8	4,7	16,0	24,1	22,1	29,6	17,6	11,4	20,5
1885-1889	27,2	10,8	28,6	16,1	1,7	16,6	15,1	5,0	16,4	24,3	23,0	30,1	17,1	11,3	19,9
1886-1890	27,6	11,3	29,0	16,5	1,8	17,0	15,7	5,4	17,1	24,8	21,9	30,3	17,3	11,6	20,3
1887-1891	26,1	11,2	27,6	16,5	1,8	17,0	15,7	5,7	17,1	25,0	22,7	30,7	17,4	11,7	20,3

1888- 1892	24,8	12,0	26,3	16,4	1,9	16,9	15,1	5,6	16,5	24,1	20,9	29,3	17,8	12,8	21,0
1889- 1893	25,6	13,9	27,3	17,0	2,2	17,5	14,7	6,3	16,2	23,7	21,6	29,1	18,4	14,1	21,9
1890- 1894	27,8	15,4	29,7	17,4	2,5	18,1	14,2	6,1	15,8	23,4	20,4	28,5	19,5	15,0	23,2
1891- 1895	28,4	17,0	30,5	17,2	2,9	17,9	13,3	6,4	14,9	25,0	22,8	30,7	19,4	16,4	23,5
1892- 1896	30,2	19,4	32,6	17,0	3,4	17,9	13,0	6,9	14,7	26,7	25,2	33,0	19,6	18,1	24,1
1893- 1897	30,1	20,4	32,7	17,1	3,5	18,0	12,9	7,6	14,9	28,5	28,2	35,5	19,1	18,8	23,8
1894- 1898	28,9	20,7	31,5	16,9	3,7	17,8	13,2	7,8	15,2	30,7	29,5	38,1	19,5	19,4	24,3
1895- 1899	28,5	21,5	31,2	16,6	3,7	17,5	13,0	8,1	15,0	30,8	30,4	38,4	19,3	19,9	24,2
1896- 1900	28,6	21,6	31,3	16,2	3,6	17,1	13,6	8,2	15,6	30,5	30,2	38,0	19,8	20,4	24,9
1897- 1901	27,8	20,9	30,4	16,7	3,6	17,6	13,5	8,1	15,6	29,2	27,6	36,1	19,9	20,7	25,1
1898- 1902	29,7	21,4	32,4	16,4	3,8	17,4	12,8	7,4	14,7	27,9	26,2	34,4	20,5	20,7	25,7
1899- 1903	30,4	21,4	33,1	16,4	4,0	17,4	12,0	7,3	13,9	26,3	25,7	32,8	20,0	20,5	25,1
1900- 1904	31,3	21,3	34,0	16,3	4,0	17,3	12,2	7,4	14,0	26,3	25,8	32,8	20,2	21,2	25,5
1901- 1905	30,9	21,4	33,6	16,3	4,1	17,3	11,3	7,4	13,2	24,6	25,9	31,1	19,8	21,6	25,2
1902- 1906	30,4	21,6	33,1	15,7	4,0	16,7	10,8	7,1	12,6	23,8	26,2	30,4	19,4	21,0	24,6
1903- 1907	28,8	21,0	31,5	15,1	3,9	16,1	10,8	7,6	12,7	23,9	27,9	30,9	18,2	21,3	23,6
1904- 1908	28,0	20,7	30,6	14,9	3,6	15,8	11,0	7,4	12,9	23,9	28,0	30,9	17,7	21,8	23,2
1905- 1909	27,5	20,7	30,1	14,6	3,6	15,5	10,7	7,4	12,6	24,3	28,9	31,5	17,6	22,3	23,1
1906- 1910	28,4	21,7	31,1	14,9	3,7	15,8	10,9	7,6	12,8	25,6	29,4	33,0	17,6	22,4	23,2
1907- 1911	28,7	22,7	31,6	15,1	3,9	16,1	10,9	7,9	12,9	26,2	30,4	33,9	18,5	23,8	24,4
1908- 1912	29,8	23,7	32,8	15,7	3,9	16,7	11,1	7,9	13,1	26,2	29,6	33,6	19,6	24,8	25,7
1909- 1913	31,6	24,5	34,6	15,9	4,1	17,0	11,0	8,0	13,0	26,4	29,5	33,7	20,4	25,4	26,8

	Нечерноземно-промыш- ленный регион			Центрально-Чер- ноземный регион			Среднее Поволжье			Самарская губерния		
	зерновые	картофель	зерновые + картофель	зерновые	картофель	зерновые + картофель	зерновые	картофель	зерновые + картофель	зерновые	картофель	зерновые + картофель
1883-1887	21,9	5,7	23,4	40,1	8,6	42,4	37,8	2,6	38,4	37,0	2,0	37,4
1884-1888	21,5	5,1	22,9	40,4	8,7	42,6	38,3	2,5	38,9	34,6	1,8	35,0
1885-1889	22,0	5,5	23,4	39,2	8,2	41,3	36,4	2,5	37,0	28,5	1,7	28,9
1886-1890	22,4	5,9	23,9	40,3	8,8	42,5	34,8	2,5	35,4	27,2	1,8	27,6
1887-1891	21,6	6,4	23,2	35,8	8,2	37,9	28,4	2,1	29,0	21,2	1,5	21,5
1888-1892	20,6	7,1	22,3	31,4	8,6	33,6	27,9	2,3	28,5	20,1	1,3	20,4
1889-1893	20,2	8,5	22,3	30,1	10,3	32,7	28,4	2,6	29,0	21,0	1,4	21,3
1890-1894	19,9	8,7	22,1	32,7	11,9	35,7	30,6	3,2	31,4	25,6	2,0	26,1
1891-1895	19,5	9,5	21,9	32,9	13,0	36,1	32,1	3,6	33,0	27,7	2,4	28,3
1892-1896	19,5	10,1	22,0	35,8	15,4	39,6	38,0	4,8	39,3	36,0	3,8	36,9
1893-1897	19,1	10,4	21,7	35,2	15,7	39,2	37,1	5,2	38,4	38,3	4,3	39,4
1894-1898	19,1	10,9	21,9	33,8	14,9	37,5	33,4	4,7	34,5	35,8	4,1	36,8
1895-1899	19,3	11,8	22,2	33,9	16,1	37,9	35,5	4,8	36,7	34,8	3,8	35,8
1896-1900	19,7	11,5	22,6	33,9	15,8	37,8	37,2	5,1	38,5	38,5	4,2	39,6
1897-1901	19,2	11,6	22,1	32,6	14,6	36,2	33,0	4,1	34,1	32,0	3,2	32,8
1898-1902	19,4	11,8	22,3	37,7	16,3	41,8	34,3	4,0	35,3	34,2	3,1	34,9
1899-1903	18,6	11,5	21,5	38,7	16,7	42,9	38,2	4,3	39,2	39,8	3,3	40,6
1900-1904	18,6	11,3	21,4	38,3	16,3	42,4	38,3	4,4	39,3	44,4	3,5	45,3
1901-1905	18,2	12,1	21,2	34,5	15,9	38,5	34,5	4,1	35,5	40,0	3,1	40,8

И.А. Кузнецов

Производство зерновых и картофеля на душу населения в Европейской России в 1883–1913 годах: динамика регионов

1902-1906	17,2	12,2	20,3	33,3	16,6	37,5	32,0	4,4	33,1	37,8	3,2	38,6
1903-1907	16,4	11,7	19,3	30,9	15,5	34,8	31,2	4,1	32,3	35,6	2,9	36,4
1904-1908	16,2	10,9	19,0	29,0	15,0	32,8	29,8	4,2	30,9	33,9	3,0	34,7
1905-1909	14,8	10,4	17,4	28,1	14,8	31,8	29,0	4,2	30,0	34,5	3,0	35,2
1906-1910	14,0	10,8	16,7	30,9	16,5	35,0	30,8	4,5	31,9	38,7	3,1	39,4
1907-1911	14,7	11,2	17,5	32,3	17,4	36,6	31,4	4,7	32,5	39,2	3,1	39,9
1908-1912	15,2	12,1	18,3	33,1	18,2	37,7	32,1	5,0	33,4	42,8	3,6	43,7
1909-1913	15,6	12,8	18,8	34,6	19,0	39,3	34,7	5,5	36,1	49,7	4,1	50,7

Продолжение таблицы 3.

	Левобережная Украина (Малороссия)				Новороссия				Правобережная Украина (Юго-Запад)				Приуралье			
	зерновые	картофель	зерновые + картофель		зерновые	картофель	зерновые + картофель		зерновые	картофель	зерновые + картофель		зерновые	картофель	зерновые + картофель	
1883-1887	29,6	2,7	30,3	33,4	2,4	34,1	23,2	3,4	24,1	33,9	1,0	34,0				
1884-1888	31,8	2,9	32,6	36,7	2,5	37,4	24,7	3,6	25,7	32,9	1,0	33,0				
1885-1889	28,8	2,6	29,5	33,1	2,2	33,7	22,3	3,4	23,2	31,1	1,0	31,3				
1886-1890	29,5	2,8	30,2	37,0	2,3	37,6	22,0	3,7	23,0	28,7	1,1	28,9				
1887-1891	31,2	2,7	31,9	37,7	2,1	38,2	23,1	3,8	24,1	25,9	1,2	26,2				
1888-1892	26,9	2,5	27,5	36,9	2,1	37,5	21,5	5,0	22,7	26,2	1,4	26,6				
1889-1893	27,7	3,6	28,6	41,6	2,4	42,2	21,9	5,9	23,3	29,1	1,8	29,5				
1890-1894	31,9	5,3	33,2	48,3	3,4	49,2	24,7	6,8	26,4	30,4	2,2	31,0				
1891-1895	32,6	6,2	34,2	49,3	3,7	50,2	25,4	7,6	27,3	33,1	2,7	33,8				
1892-1896	32,8	7,6	34,7	51,3	4,5	52,4	26,4	8,8	28,6	36,2	3,1	37,0				

1893-1897	33,2	8,9	35,4	51,9	5,0	53,1	26,3	8,8	28,5	36,1	3,3	36,9
1894-1898	32,3	9,1	34,6	47,9	5,3	49,1	26,7	9,4	29,0	32,5	3,3	33,4
1895-1899	30,8	9,1	33,1	43,5	5,0	44,6	27,1	9,8	29,6	32,9	3,3	33,8
1896-1900	30,4	9,7	32,8	41,5	5,0	42,6	25,7	10,1	28,2	33,9	3,5	34,8
1897-1901	30,3	9,1	32,6	42,6	4,4	43,6	26,5	10,3	29,1	31,2	3,4	32,0
1898-1902	35,0	9,9	37,4	46,2	4,2	47,3	29,7	10,7	32,4	30,6	3,5	31,5
1899-1903	34,2	10,3	36,7	47,7	4,0	48,7	29,7	10,5	32,4	32,6	3,6	33,5
1900-1904	35,8	9,9	38,3	51,6	3,7	52,5	29,8	10,5	32,5	34,5	3,9	35,5
1901-1905	36,8	9,5	39,2	54,6	3,6	55,5	31,9	10,4	34,5	35,1	3,8	36,0
1902-1906	37,2	10,0	39,7	55,6	3,8	56,5	31,4	10,4	34,0	35,5	3,8	36,4
1903-1907	33,2	9,5	35,5	53,2	3,6	54,1	28,8	10,0	31,3	35,5	3,6	36,4
1904-1908	32,6	9,1	34,9	50,0	3,3	50,8	27,9	10,5	30,5	36,9	3,4	37,8
1905-1909	33,2	9,5	35,6	52,3	3,5	53,2	27,3	10,5	29,9	33,8	3,2	34,6
1906-1910	33,4	9,9	35,9	55,0	3,7	55,9	27,5	11,3	30,3	32,7	3,2	33,5
1907-1911	35,0	10,8	37,7	54,6	3,8	55,6	27,7	11,7	30,6	31,1	3,2	31,9
1908-1912	37,3	11,6	40,2	56,0	4,2	57,1	29,2	12,0	32,2	32,4	3,3	33,2
1909-1913	40,5	12,0	43,5	60,9	4,8	62,1	30,3	11,6	33,2	32,8	3,4	33,6

Динамика скользящей средней для Европейской России в целом рисует картину плавного повышения душевого производства зерна и картофеля (рис. 1). Повышение шло с остановками и провалами, вызванными неурожаем 1891 и 1905/06 года. Рост производства картофеля, в отличие от зерновых, не испытывал провалов, очевидно, потому что он концентрировался в регионах более стабильной урожайности. В душевом производстве картофеля выделяется период застоя с середины 1890-х до второй половины 1900-х годов, когда рост производства шел вровень с ростом населения.

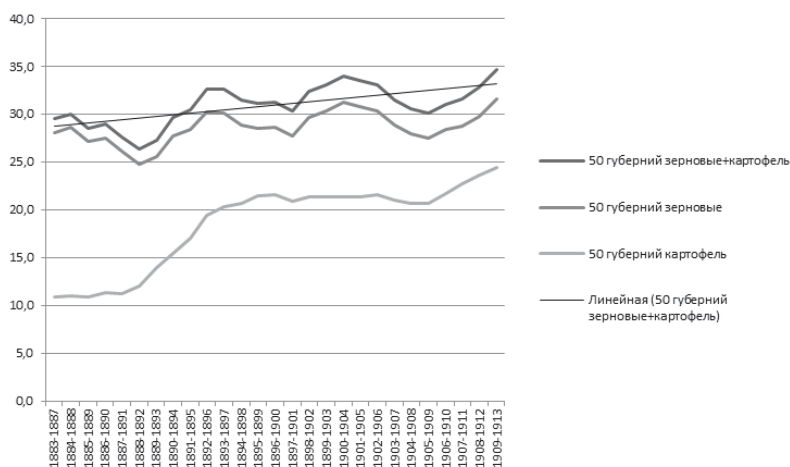


Рисунок 1. **Динамика скользящей средней производства хлебов и картофеля по 50 губерниям Европейской России (пудов на душу населения)**

Далее рассмотрим отдельно регионы с положительной и отрицательной динамикой душевого производства. Наиболее быстрый рост и наиболее высокие значения демонстрировал Новороссийский регион (рис. 2). Удельный вес картофеля здесь был низким, и почти весь рост обеспечивался увеличением зернового производства.

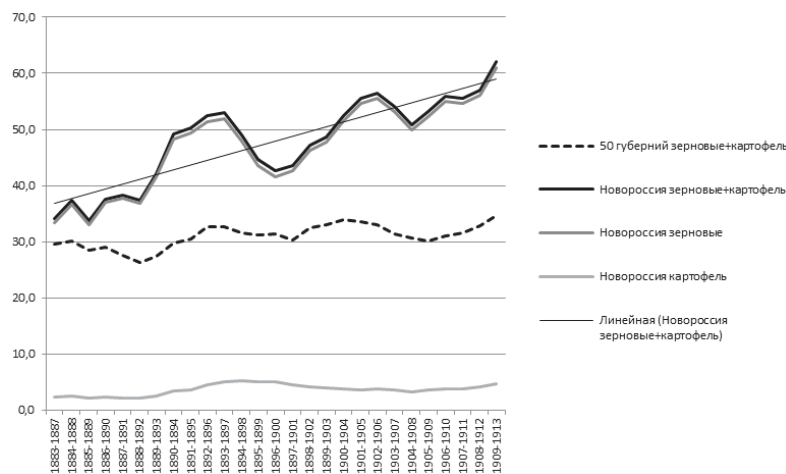


Рисунок 2. **Динамика производства хлебов и картофеля в Новороссийском регионе (скользящая средняя, пудов на душу)**

Сходную картину рисуют показатели Самарской губернии (рис. 3). Однако для этого региона характерны более низкие абсолютные зна-

чения, опускавшиеся в первые годы наблюдений ниже среднероссийского уровня, и более резкие колебания. Этот регион сближает с Новороссией сходство природных и исторических условий: черноземные степи, подверженность засухам (более сильная, чем в южных степях), позднее начало земледельческого освоения, относительное многоземелье. Впрочем, рост населения Самарской губернии в этот период был самым быстрым среди губерний Поволжья.

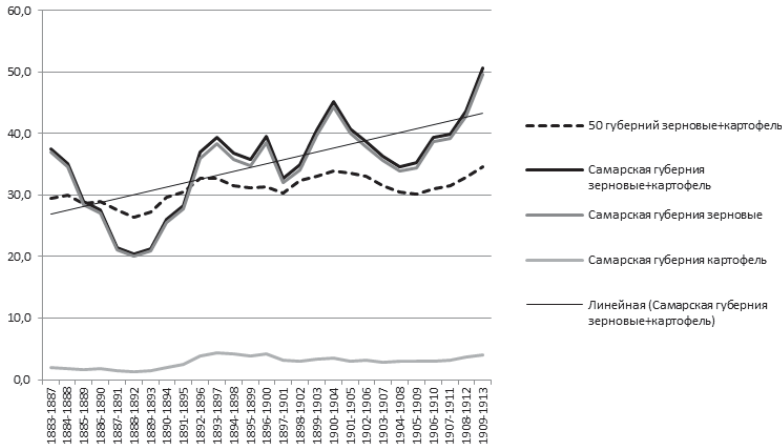


Рисунок 3. Динамика производства хлебов и картофеля в Самарской губернии (скользящая средняя, пудов на душу)

Повышательный тренд уверенно демонстрируют Малороссийские и Юго-Западные губернии империи, то есть Левобережная (рис. 4) и Правобережная Украина (рис. 5). Нетрудно заметить и синхронность колебаний их кривых. Но если начальный уровень душевого производства в Малороссийском регионе находился близ среднероссийского и далее уходил от него вверх, то уровень Юго-Западных губерний изначально стоял существенно ниже среднего, а позитивная динамика приводила к тому, что с начала XX века он почти сливался со среднероссийским. Такое различие выглядит естественным, поскольку известно, что для Малороссии была характерна зерновая ориентация хозяйства, тогда как Юго-Запад отличался более диверсифицированным сельским хозяйством. Примечательно, что производство картофеля в обоих регионах находилось на уровне вдвое ниже среднероссийского, но в динамике почти повторяло его траекторию.

Приуралье (Восток) в границах четырех губерний (Вятская, Пермская, Оренбургская, Уфимская) является условно сконструированным регионом, объединившим северо-восточные и юго-восточные окраины Европейской части России. Рассматривая тренды этих губерний по отдельности, можно отметить, что в Пермской и Уфимской имел место подъем душевого производства, а в Вятской и Оренбургской — снижение. В сумме они демонстрируют повышательный

тренд, идущий параллельно среднероссийскому на несколько более высоком уровне (рис. 6). Он обеспечивался, почти целиком, производством зерна, картофель не играл здесь большой роли.

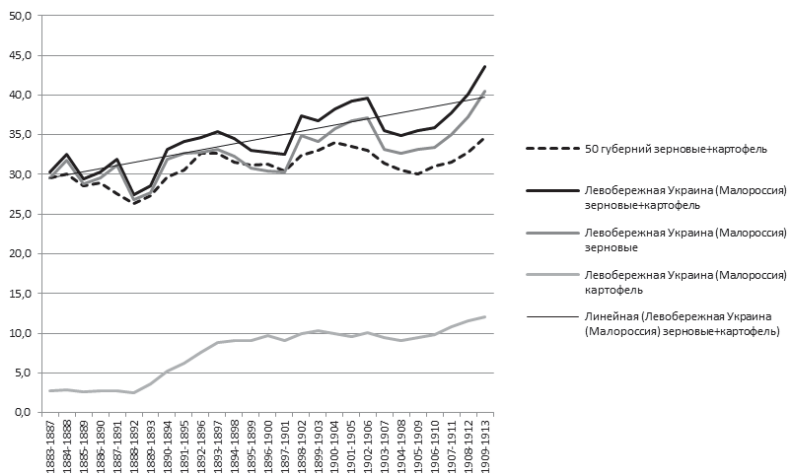


Рисунок 4. Динамика производства хлебов и картофеля в Левобережной Украине (скользящая средняя, пудов на душу)

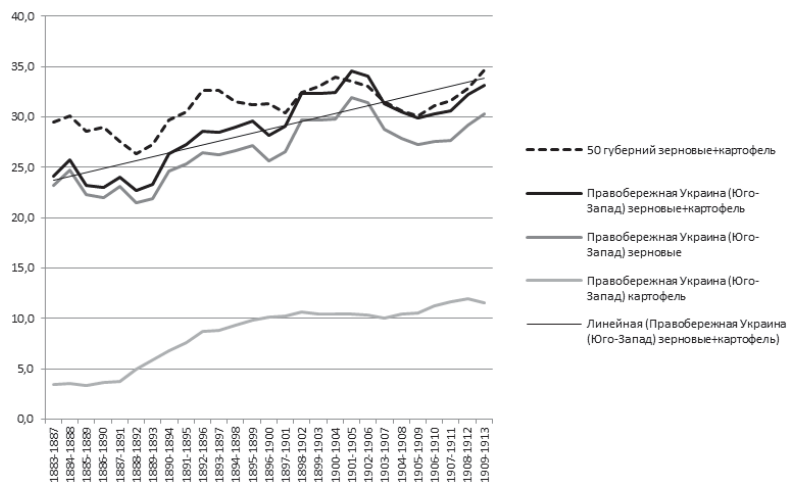


Рисунок 5. Динамика производства хлебов и картофеля в Правобережной Украине (скользящая средняя, пудов на душу)

Специфична динамика Прибалтийских и Западных губерний. Общий тренд хлебного производства в Прибалтике был позитивным, его уровень, как правило, держался выше среднего, но темп роста несколько отставал от среднероссийского, тренды сближались (рис. 7). При этом производство зерновых хлебов росло едва

заметно, а картофеля гораздо быстрее. С начала XX века производство картофеля на душу населения превосходило производства зерна в абсолютном значении.

И.А. Кузнецов

Производство зерновых и картофеля на душу населения в Европейской России в 1883–1913 годах: динамика регионов

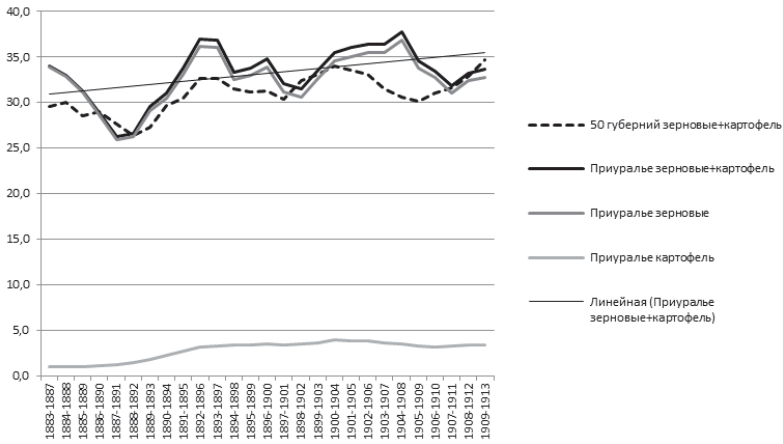


Рисунок 6. Динамика производства хлебов и картофеля в Восточном регионе (Приуралье) (скользящая средняя, пудов на душу)

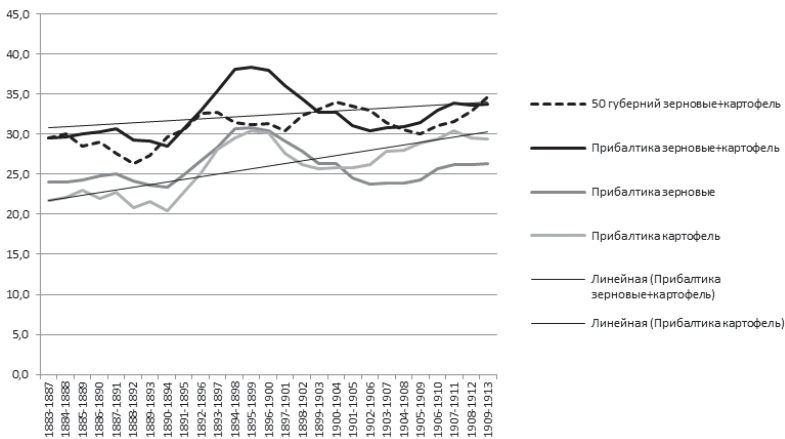


Рисунок 7. Динамика производства хлебов и картофеля в Прибалтике (скользящая средняя, пудов на душу)

Та же специфика наблюдается и в западных (белорусских и литовских) губерниях, несмотря на то что здесь уровень производства был ниже, чем в Прибалтике и ниже среднероссийского (рис. 8). Общий рост производства шел параллельно общероссийскому и достигался за счет картофеля, тогда как зерновое производство повышалось едва заметно. И так же как в Прибалтике, с рубежа веков картофеля (без пересчета в зерновые) производилось больше, чем зерновых.

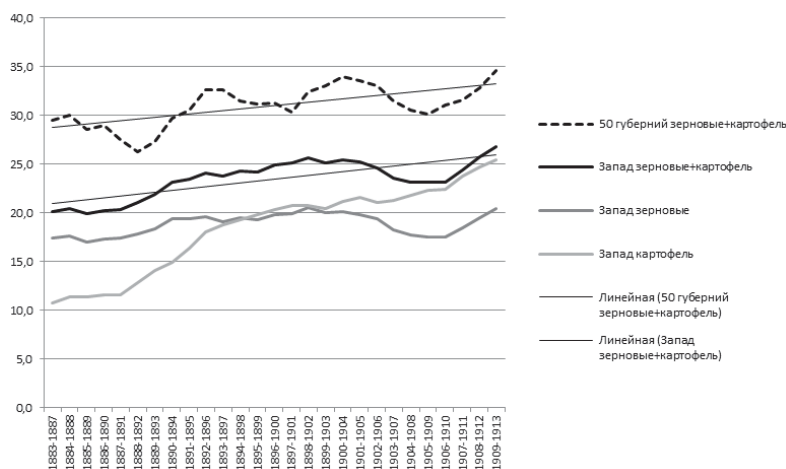


Рисунок 8. Динамика производства хлеба и картофеля в Западном регионе (скользящая средняя, пудов на душу)

Другие регионы демонстрировали понижательные тренды. В северных губерниях эта тенденция малозаметна, скорее можно говорить о стабильности производства на уровне приблизительно вдвое ниже среднероссийского (рис. 9).

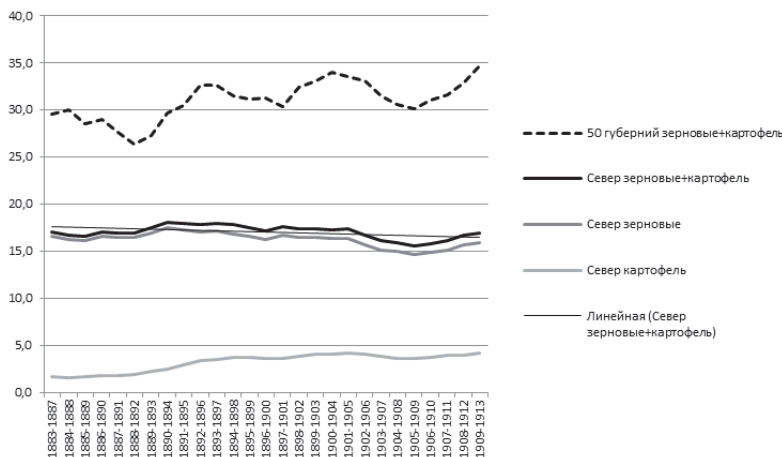


Рисунок 9. Динамика производства хлеба и картофеля в Северном регионе (скользящая средняя, пудов на душу)

На Северо-Западе тенденция видна отчетливо, причем спад зернового производства сочетался с небольшим, но ростом производства картофеля (рис. 10). Здесь включены данные по Петербургской губернии, которые за счет огромной численности населения столицы снижают все абсолютные значения. Однако исключение столич-

ной губернии почти не меняет динамику: производство зерновых с картофелем в таком случае будет снижаться с уровня 22,8–23,8 пуда на душу в начале наблюдений до 20,0–20,2 пуда в конце.

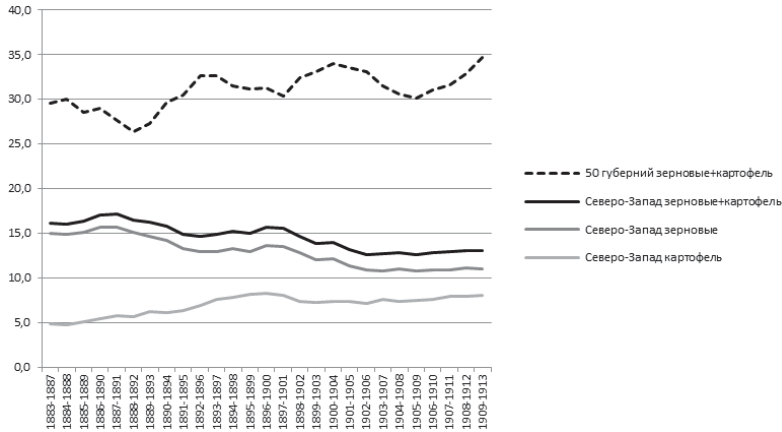


Рисунок 10. Динамика производства хлебов и картофеля на Северо-Западе (скользящая средняя, пудов на душу)

Аналогичная тенденция, но в гораздо более выраженной форме была характерна для Нечерноземно-промышленного региона (рис. 11). Падение душевого производства зерновых сочеталось с ростом производства картофеля, которое, однако, не могло компенсировать общего понижения.

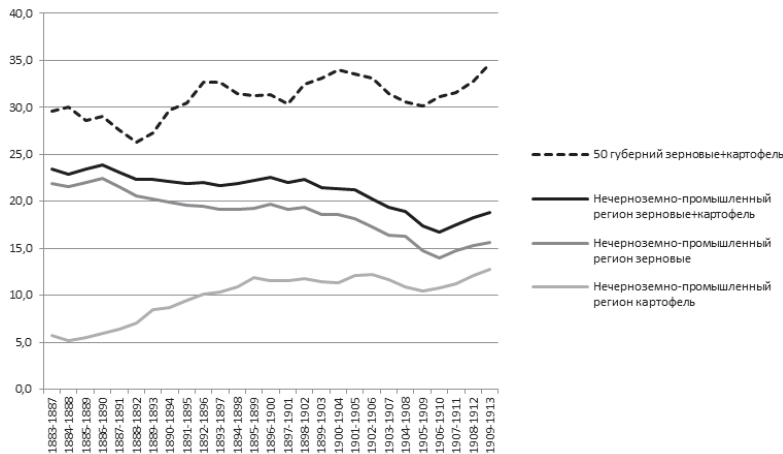


Рисунок 11. Динамика производства хлебов и картофеля в Нечерноземно-промышленном регионе (скользящая средняя, пудов на душу)

Понижительный тренд был присущ и Центрально-Черноземному региону (рис. 12). В отличие от нечерноземных районов, здесь

уровень производства все же оставался выше среднероссийского, а единственный провал зернового производства ниже его относится к неурожаям 1905–1906 годов.



Рисунок 12. Динамика производства хлебов и картофеля в Центрально-Черноземном регионе (скользящая средняя, пудов на душу)

В губерниях Среднего Поволжья тенденция к сокращению душевого производства менее заметна, но и уровень производства здесь был ниже, чем в Центральном Черноземье, так что с 1905/06 года он совпадает со среднероссийскими показателями (рис. 13). Производство картофеля в регионе невелико и с середины 1890-х годов почти не увеличивается.

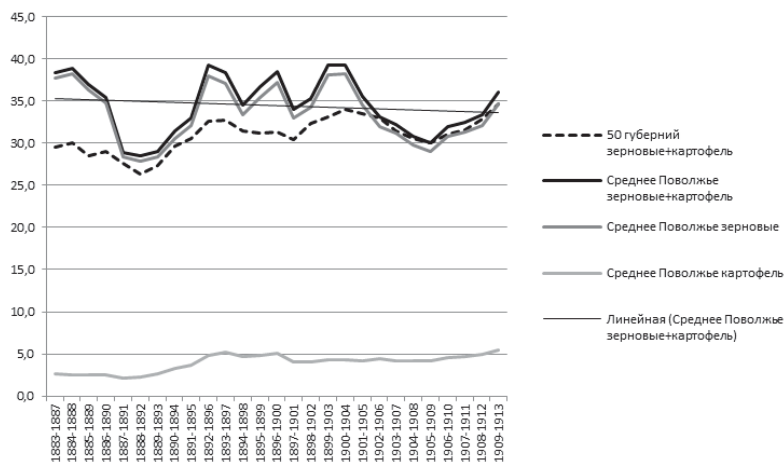


Рисунок 13. Динамика производства хлебов и картофеля в Среднем Поволжье (скользящая средняя, пудов на душу)

Обратим внимание, что во всех регионах заключительные 3–5 периодов наблюдения характеризуются подъемом, кроме Прибалтики и Северо-Запада, демонстрирующих здесь стабильность. То есть в последнее пятилетие перед Первой мировой войной спада душевого производства не наблюдалось нигде.

Обсуждение и выводы

Итак, за среднероссийской картиной роста душевых показателей производства хлебов и картофеля на тридцатилетнем отрезке действительно скрывались разнонаправленные тенденции в разных регионах Европейской России.

При интерпретации выявленных тенденций следует иметь в виду ряд обстоятельств. Во-первых, сокращение душевого производства в некоторых регионах не означает абсолютного падения производства, но свидетельствует о том, что рост населения в них опережал рост производства. Во-вторых, регионы делились на хлебопроизводящие (нетто-экспортеры) и хлебопотребляющие (нетто-импортеры). Факт роста, стабильности или снижения душевого производства хлебов имеет различное значение в первом и втором случае.

Для хлебопотребляющих регионов естественно иметь уровень душевого производства хлебов ниже среднего. Это районы, где значительное число крестьянского населения было активно вовлечено в промыслово-промышленную и торговую деятельность, зачастую за пределами губернии (отходники). Значительную долю их доходов составляли различные несельскохозяйственные доходы. В сельском хозяйстве этих районов зерновое производство могло быть не главной отраслью. На зерновом рынке многие, порой большинство крестьян таких районов выступали в качестве покупателей хлеба. К таким регионам, как известно, относились губернии нечерноземного центра, Севера, Северо-Запада (хотя не стоит забывать, что и в них существовали территории с преобладанием зернового хозяйства и крестьяне, не имевшие внесельскохозяйственных промыслов). Сокращение среднего душевого производства хлебов в этих регионах не может считаться признаком экономического упадка и сокращения потребления. Его можно интерпретировать как индикатор урбанизации, углубления промыслово-промышленной специализации крестьян и дальнейшей диверсификации сельского хозяйства, при которой расширяется животноводство, выращивание различных незерновых культур и т. д. В частности, рост производства картофеля в Нечерноземье свидетельствует в пользу последнего варианта.

К хлебопотребляющим относились также губернии Прибалтики и Запада (кроме условно отнесенной к ним Черниговской). Увеличение душевого производства хлебов (с картофелем), наблюдаемое

в этих регионах, очевидно, свидетельствует не столько о стремлении к самодостаточности, к уходу с зернового рынка в качестве потребителей, сколько об увеличении кормовой базы развивавшегося здесь животноводства.

Для хлебопроизводящих регионов, наоборот, естественно иметь уровень душевого производства хлебов выше среднего. Рост по данному показателю является индикатором усиления товарной ориентации их зернового производства. Именно это наблюдается в Новороссийском, Малороссийском регионах, в Самарской губернии. В Приуралье речь должна идти скорее о сохранении товарности на одном уровне. Юго-Западный регион, также являясь хлебопроизводящим и растущим, на значительном отрезке наблюдений имел уровень производства ниже среднего, что, однако, учитывая диверсифицированный характер его сельского хозяйства, еще не дает оснований говорить о более низком уровне развития хозяйства или благосостояния населения по сравнению с другими производящими регионами на этих отрезках.

Понижительные тренды зернового производства в таких хлебопроизводящих районах, как Центральное Черноземье и Среднее Поволжье, вызывают вопросы. Тем более что к концу периода наших наблюдений уровни душевого производства зерновых в обоих регионах уже не превышали среднероссийского. Эти регионы должны были либо уменьшать товарность своего зернового хозяйства, постепенно выходя с рынка в качестве продавцов, и их крестьянское население должно было переориентироваться на иные источники дохода, либо, если этого не происходило, в них должно было понижаться внутреннее потребление в расчете на душу населения. Поиск ответов на эти вопросы требует привлечения новых источников.

Внести ясность могла бы транспортная статистика, если бы имелась возможность соотнести динамику производства с динамикой ввоза/вывоза хлебов и картофеля за тот же период. В историографии принято считать, что качество транспортной статистики, особенно железнодорожных перевозок было выше урожайной статистики. Однако этот источник не разработан в такой степени, чтобы проводить необходимые сопоставления: мы не имеем ежегодной динамики перевозок за 1883–1913 годы по губерниям.

Существуют погубернские данные, разработанные и опубликованные накануне Первой мировой войны специалистами Департамента железнодорожных дел, за 1901–1903, 1908–1911 и 1912–1914 годы (Материалы..., 1914; Статистические данные..., 1916). Данные 1901–1903 и 1908–1911 годов использовал М.А. Давыдов (Давыдов, 2010). Данные 1912–1914 годов были разработаны по иному принципу и несопоставимы с предыдущими. В любом случае неравные и чересчур короткие отрезки (3–4 года), относящиеся только к XX веку, не дают материала, достаточного для наших сопоставлений.

Существуют подсчеты, сделанные А.Н. Челинцевым в 1913 году, по перевозкам четырех основных хлебов в зерне, а также ржаной и пшеничной муки железнодорожным и водным транспортом в сопоставлении по двум периодам 1880–1884 и 1907–1910 годов (Челинцев, 1913: 6, 8, 11; Челинцев, 1928: 219–220). Челинцев рассчитал как абсолютные значения, так и подушевые по губерниям. По его данным, «избытки», то есть вывоз хлебов почти во всех губерниях Центрального Черноземья (кроме Орловской) и Среднего Поволжья от первого периода ко второму увеличился как в абсолютном, так и в подушевом значении. Если это так, то отмеченное нами понижение зернового производства в этих регионах происходило при увеличении вывоза, что должно было уменьшать размеры внутреннего потребления. Однако данные Челинцева заслуживают критического отношения. К сожалению, взятые им периоды несопоставимы между собой, так как в первый период включены лишь три несмежных года (1880, 1882 и 1884), во второй — четыре, идущие подряд; в обоих случаях не учтены годы сильных неурожаяев. Поскольку Черноземью и Поволжью были присущи сильные погодные колебания урожайности, выбор лет и периодов для сравнения имеет решающее значение.

Наиболее полные данные о балансе ввоза/вывоза хлебных грузов по губерниям были рассчитаны в 1916 году группой статистиков под руководством Е.Е. Яшнова, но только за пятилетие 1909–1913 годов (Производство..., 1916). Имея данные Челинцева и Яшнова, можно сопоставить период 1880–1884 годов по Челинцеву с периодом 1909–1913 годов по Яшнову и таким образом протестировать динамику, которая обнаруживается в данных Челинцева. Выборочные подсчеты и сравнения для некоторых губерний Поволжья привели меня к отрицательному результату: обнаружили расхождения не только в количестве, но и в направлении изменений. Так, вывоз четырех основных хлебов в зерне и муке из Самарской губернии от 1880–1884 до 1907–1910 годов, согласно Челинцеву, увеличился с 1,5 пуда до 11,9 пуда на душу, но в 1909–1913 годах, по Яшнову, он составлял уже 25,2 пуда на душу. То есть факт бурного прогресса в течение тридцатилетнего периода не вызывает сомнений, но характерно, что незначительный сдвиг конечного момента наблюдений приводит к изменению значений более чем в 2 раза. Вывоз из Казанской губернии от 1880–1884 до 1907–1910 годов, согласно Челинцеву, увеличился с 6,4 до 7,9 пуда на душу населения, но в сравнении с 1909–1913 годами, согласно Яшнову, он уменьшился до 5,7 пуда на душу. Вывоз из Симбирской губернии, по Челинцеву, увеличился с 5,7 до 7,4 пуда на душу, а по Яшнову, сократился до 5,1 пуда на душу.

Причина нестыковки двух рядов заключается не в различии источников, которыми пользовались авторы (для 1880-х годов была только статистика Министерства путей сообщения, для начала XX

века и Челинцев, и группа Яшнова использовали «Сводную статистику» железнодорожных перевозок Министерства финансов и статистику водных перевозок МПС), и не в ошибках (хотя все подсчеты следует еще проверять), а, как представляется, в выборе периодов наблюдения. От того, будем мы сравнивать 1880, 1882, 1884 годы с периодом 1907–1910 годов или с периодом 1909–1913 годов, могут радикально меняться и цифры и выводы. Этим лишним раз наглядно подтверждается сильнейшая зависимость всех показателей сельскохозяйственной статистики от годовых колебаний урожайности. Таким образом, имеющиеся в нашем распоряжении данные транспортной статистики носят пока отрывочный характер, несопоставимы на длинных хронологических отрезках и не позволяют сделать какие-либо обоснованные выводы относительно динамики ввоза/вывоза хлебов по губерниям. Создание единого длинного ряда данных по перевозкам остается задачей на будущее.

Заключение

В контексте большой дискуссии о темпах экономического роста и уровне благосостояния в Российской империи перед революцией, сделанные нами подсчеты и выводы относительно динамики душевого производства хлебов и картофеля подтверждают обоснованность той очевидной позиции, что необходимо учитывать большое географическое разнообразие России. Сторонники концепции «двух России», причем как одной, так и другой ее версии, зачастую склонны абсолютизировать тенденции, выявленные и подтвержденные на материалах лишь некоторых регионов, представляя среднероссийские показатели как общие для всей России. Аналогичная ошибка нередко происходит, когда историки расширительно трактуют выводы, полученные на материалах некоторого хронологического отрезка, распространяя их на более продолжительные периоды. Следует признать, что на дистанции 1861–1914 годов периоды роста чередовались с периодами застоя, а позитивная в целом экономическая динамика могла возникать за счет отдельных быстроразвивающихся регионов-локомотивов на фоне депрессивного положения других. В периоды роста среднего уровня жизни существовали анклавные — в весьма обширных границах, обнаруживаемые на уровне статистики губерний и групп губерний, — в которых можно предполагать нарастание аграрного перенаселения, сопровождаемого ростом социальных противоречий и конфликтного потенциала. К наиболее пессимистическим оценкам пореформенной эпохи современники и историки обычно приходили на материалах черноземного Центра и типологически близкого к нему в аграрном отношении Среднего Поволжья. Наш анализ также указывает на существование

проблем в зерновом хозяйстве этих регионов и тем самым вписывается в имеющиеся оценки. Перспектива исследований видится в том, чтобы выяснить, в какой мере в хлебопроизводящих регионах, сокращавших производство зерна, происходила структурная перестройка сельского хозяйства и диверсификация доходов крестьян или аграрное перенаселение и пауперизация. Углубление и детализация исследования требуют использования более широкого круга источников, среди которых, наряду с источниками локального характера, важное место должна занимать статистика перевозок.

Библиография

- Давыдов М.А. (2010). Всероссийский рынок в конце XIX — начале XX в. и железнодорожная статистика. СПб.: Алетейя.
- Давыдов М.А. (2012). О границах здравого смысла (ответ И.А. Кузнецову) // Экономическая история: ежегодник. 2012. М.: РОССПЭН. С. 229–246.
- Зайцев В. (1927). К вопросу о численности населения Европейской России / В. Зайцев // Влияние неурожая на народное хозяйство России / Под общей редакцией В.Г. Громана. М.: РАНИОН. Ч. 2. С. 60–93.
- Иванцов Д.Н. (1915). К критике русской урожайной статистики. Опыт анализа некоторых официальных и земских текущих данных. Пг.
- Кабузан В.М. (1982). О достоверности учета населения России (1858–1917) // Источниковедение отечественной истории. 1981. М.: Наука. С. 100–117.
- Материалы к пересмотру торгового договора России с Германией и другими государствами. Перевозки по русским железным дорогам. (1914). Ч. 1–2. СПб.
- Нефедов С.А. (2017). Уровень жизни населения и аграрное развитие России в 1900–1940 годах. М.: Издательский дом «Дело».
- Островский А.В. (2013). Зерновое производство Европейской России в конце XIX — начале XX в. СПб.: Полторацк.
- Производство, перевозки и потребление хлебов в России. 1909–1913 гг. (1916). Вып. 1. Пг.
- Сифман Р.И. (1977). Динамика численности населения России за 1897–1914 гг. // Брачность, рождаемость, смертность в России и в СССР. Сборник статей. М.: Наука. С. 62–82.
- Статистические данные об отправлении и прибытии продовольственных грузов по русским железным дорогам с распределением по губерниям и областям за 1912, 13 и 14 гг. (1916). Пг.
- Челинцев А.Н. (1913). Перемены в хлебной продукции России в связи с общим развитием сельского хозяйства. Харьков.
- Челинцев А.Н. (1928). Русское сельское хозяйство перед революцией. 2-е изд. М.: Новый агроном.

Production of grains and potatoes per capita in European Russia in 1883–1913: Regional dynamics

Igor A. Kuznetsov, PhD (History), Senior Researcher, Research Laboratory of Economic and Social History Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. Russia, 119571, Moscow, Vernadskogo Prosp., 82.
E-mail: repytjtd68@mail.ru

The article presents the calculations of the annual production of grains and potatoes per capita in the regions of European Russia and the analysis of its dynamics from 1883 to 1913. The calculations are based on the harvest statistics of the Central Statistical Committee: the gross harvest of rye, wheat, oats, barley, einkorn, buckwheat, millet, peas, corn and potato in *poods*. Potatoes is considered both separately and together with grains (recalculated in the ratio 4:1). The data on the annual population was taken from the demographer V. Zaitsev book published in 1927: 49 provinces were grouped in 12 regions based on the classification of the Central Statistical Committee with some changes. The author analyzed the dynamics of moving averages by five-year periods and identified the average upward trend in the production of grains and potatoes per capita in European Russia as consisting of multidirectional trends in the regions of different natural-geographical and economic types. The upward trend was typical for the Novorossiysk, Little-Russia, Transurals, Baltic, Southwest, Western regions and the Samara Province, while the downward trend was typical for the Non-Black-Earth-industrial, Northern, North-Western, Central-Black-Earth and Central-Volga regions. The author provides an interpretation of these trends taking into account differences in the agrarian systems of grain-producing (net exporters) and grain-consuming (net importers) regions.

Keywords: agrarian history, grain production per capita, harvest statistics, population statistics

References

- Chelintsev A.N. (1913) *Peremeny v khleбноj produkcii Rossii v svyazi s obshhim razvitiem selskogo khozyajstva* [Changes in the Grain Production of Russia Under the General Development of Agriculture], Kharkov.
- Chelintsev A.N. (1928) *Russkoe selskoe khozyajstvo pered revolyutsiej* [Russian Agriculture Before the Revolution], Moscow: Novy agronom.
- Davydov M.A. (2010) *Vserossijsky rynek v kontse XIX — nachale XX vv. i zheleznodorozhnaya statistika* [All-Russian Market in the Late 19th — early 20th Centuries and Railway Statistics], Saint-Petersburg: Aletejya.
- Davydov M.A. (2012) O granitsah zdravogo smysla (otvet I.A. Kuznetsovu) [On the limits of common sense (answer to I.A. Kuznetsov)]. *Ekonomicheskaya istoriya*, Moscow: ROSSPEN, pp. 229–246.
- Ivantsov D.N. (1915) *K kritike russkoj urozhajnoj statistiki. Opyt analiza nekotorykh ofitsialnykh i zemskikh tekushchikh dannykh* [On Criticism of the Russian Harvest Statistics. Analysis of Some Current Official and Zemstvo Data], Petrograd.
- Kabuzan V.M. (1982) O dostovernosti ucheta naseleniya Rossii (1858–1917) [On reliability of the population statistics in Russia (1858–1917)]. *Istochnikovedenie otechestvennoj istorii—1981*, Moscow: Nauka, pp. 100–117.
- Materialy k peresmotru torgovogo dogovora Rossii s Germaniej i drugimi gosudarstvami. Perevozki po russkim zheleznym dorogam [Materials for the Revision of the Trade Agreement of Russia with Germany and Other States. Transportation by the Russian Railways] (1914), vol. 1–2, Saint-Petersburg.

- Ostrovsky A.V. (2013) *Zernovoe proizvodstvo Evropejskoj Rossii v kontse XIX — nachale XX vv.* [Grain Production in European Russia in the Late 19th — Early 20th Centuries], Saint-Petersburg: Poltorak.
- Proizvodstvo, perevozki i potreblenie khlebov v Rossii. 1909–1913 gg. (1916) [Production, Transportation and Consumption of Grains in Russia. 1909–1913], vol. 1, Petrograd.
- Sifman R.I. (1977) Dinamika chislennosti naseleniya Rossii za 1897–1914 gg. [Dynamics of the Russian population in 1897–1914]. *Brachnost, rozhdzaamost, smertnost v Rossii i v SSSR*, Moscow: Nauka, pp. 62–82.
- Statisticheskie dannye ob otravlenii i pribytii prodovolstvennyh gruzov po russkim zheleznym dorogam s raspredeleniem po guberniyam i oblastyam za 1912, 13 i 14 gg. [Statistical Data on the Food Cargoes Transportation by the Russian Railways by Provinces and Regions in 1912, 1913 and 1914] (1916), Petrograd.
- Zajtsev V. (1927) K voprosu o chislennosti naseleniya Evropejskoj Rossii [On the population statistics of European Russia]. *Vliyanie neurozhaev na narodnoe khozyajstvo Rossii*. Pod obsh. red. V.G. Gromana, Moscow: RANION, vol. 2, pp. 60–93.

И.А. Кузнецов
Производство зерновых и картофеля на душу населения в Европейской России в 1883–1913 годах: динамика регионов

«...Мысль невольно ищет выхода из создавшегося положения, стремясь абсолютный недостаток сельскохозяйственных машин восполнить повышением коэффициента их использования»¹

Публикация записки А.В. Чаянова

Т.А. Савинова

Татьяна Александровна Савинова, кандидат экономических наук, начальник отдела организационно-методической и кадровой работы Российского государственного архива экономики, сотрудник Чаяновского исследовательского центра МВШСЭН. 119435 Москва, Большая Пироговская, 17. E-mail: savinova30@yandex.ru

Публикация впервые вводит в научный оборот записку А.В. Чаянова, составленную им в качестве члена научно-технической бригады Всесоюзной ассоциации работников науки и техники для содействия социалистическому строительству в СССР (ВАРНITCO). В ней экономист изложил свои предложения по решению конкретных задач ведения весенней сельскохозяйственной кампании 1930 года, интенсификации использования в ней сельскохозяйственных машин в районах сплошной коллективизации путем формирования машинотракторных эшелонов и переброски их с юга на север и обратно. Записка Чаянова предугадала многие болевые точки и проблемы в организации советского мобильного высокомеханизированного сельского хозяйства. Гораздо позже первой пятилетки и последующей гибели ученого — уже в процессах освоения целины и функционирования брежневского агропрома, во время переброски тракторных и комбайновых колонн между различными регионами Советского Союза — давали себя знать те самые природные и социальные риски, которые так точно и ответственно определил и описал Чаянов в своей записке.

В предисловии публикатора приведена краткая история создания ВАРНИТСО, характеризуется ее роль в расслоении и уничтожении инакомыслящей интеллигенции в 1929–1930-х гг.

Ключевые слова: организационно-производственная школа, А.В. Чаянов, ВАРНИТСО, интеллигенция, научно-техническая бригада, сельскохозяйственные машины, посевная кампания, машинотракторные эшелоны

DOI: 10.22394/2500-1809-2020-5-1-84-92

-
1. Статья подготовлена с использованием гранта Президента Российской Федерации, предоставленного Фондом президентских грантов. Проект «Школа А.В. Чаянова и современное сельское развитие: увековечивая деяния ученых через актуализацию их наследия».

Кампания критики экономистов организационно-производственной школы, начатая в 1927 году и, постепенно нарастая, превратившаяся к концу 1929 года в политическую травлю, волей-неволей побуждала к ответным шагам — все они выступили в периодической печати с покаянными письмами и статьями. Возможно, одним из таких шагов, демонстрирующих лояльность власти, стало для А.В. Чайнова вступление в конце 1929 года во Всероссийскую ассоциацию работников науки и техники для содействия социалистическому строительству в СССР (ВАРНИТСО).

В инициативную группу по созданию этого общества весной 1927 года вошли профессоры: А.Н. Бах, А.И. Опарин, Б.И. Збарский, А.А. Ярилов, Б.М. Завадовский, В.М. Свердлов. На первых заседаниях группы, как и в принятой и опубликованной в октябре 1927 года в центральных газетах декларации новой ассоциации, главными задачами объявлялись: «объединение той части интеллигенции, которая идеологически уже признала правильность системы советского хозяйства»² и активная пропаганда значения науки и техники в социалистическом строительстве, на производстве и в учебных заведениях. Декларацию подписали выдающиеся представители науки и культуры, например, А.В. Луначарский и В.Г. Громан, приславший телеграмму следующего содержания: «Находясь на курорте, не мог подписать декларации. Исповедуя социализм с юности, работал с Советской властью с первых дней Октябрьской революции, всецело разделяю задачи ОРНИТСО³ и присоединяю свою подпись к декларации. Член Президиума Госплана, член Коллегии ЦСУ, заслуженный деятель науки Громан»⁴.

Постановлением СНК СССР от 13 февраля 1928 года был утвержден устав организации, определявший его основные задачи, права и обязанности членов, условия приема в ассоциацию. Согласно уставу, органами ассоциации являлись: Всесоюзный съезд, конференции, президиум, ревизионная комиссия, местные отделения. 23-26 апреля 1928 года в Москве состоялась Первая всесоюзная конференция ВАРНИТСО, на которой в соответствии с декларацией организации обсуждались конкретные вопросы: об оказании помощи промышленности и транспорту, о необходимости планового начала в научно-исследовательской работе, о мероприятиях в области сельского хозяйства и другие.

Однако, по мере нарастания в стране политической истерии, выдвижения лозунгов об обострении классовой борьбы на идеологическом фронте и борьбы с вредительством, задачи ВАРНИТСО меняются. Теперь они состоят в работе по расслоению интелли-

Т.А. Савинова
«...Мысль неволь-
но ищет выхода
из создавшегося
положения...»

2. РГАЭ. Ф. 4394. Оп. 2. Д. 1. Л. 26.

3. Так первоначально должно было называться общество.

4. Там же. Л. 45.

генции, идеологической борьбе против врагов и активно вредящих социалистическому строительству, участию в ряде общественных кампаний и идеологическом воздействии на колеблющиеся массы интеллигенции, которые во многих документах ВАРНИТСО именуется «болотом», требующим «осушения и полной ликвидации»⁵. Главными идеологами ВАРНИТСО в 1929–1930-х годах становятся В.М. Познер, В.М. Свердлов и А.Я. Вышинский.

Фамилия Чайнова в документах фонда ВАРНИТСО впервые встречается среди членов агитгруппы, а затем первой ударной научно-технической бригады, сформированной по призыву Центрального бюро ВАРНИТСО в декабре 1929 года и состоящей из инженеров, профессоров, агрономов, лесоводов и врачей. Кроме Чайнова в нее входили профессор: химик А.Н. Бах, физиолог И.П. Разенков, генетик А.С. Серебровский, биохимики А.И. Опарин и Б.И. Збарский, агроном А.А. Ярилов, врачи А.Н. Сысин и Е.К. Сепп, биолог Б.М. Завадовский и др. Задачами бригады были: технические консультации и пропаганда, создание популярной научно-технической литературы, разработка и проведение агросельскохозяйственного соревнования специалистов в соревнование⁶.

Лозунг бригады «Отдаем себя в распоряжение ВЦСПС и комсомола» воплотился в плане совместной работы ЦК ВЛКСМ и научно-технической бригады ВАРНИТСО, состоящем из девяти пунктов. За п. 2 «Популяризация конкретных задач ведения весенней сельскохозяйственной кампании (а. повышение сельскохозяйственной грамотности, применение техники в ведении сельского хозяйства, типизация его; б. разработка вопросов организации и руководства хозяйством, массовой работы в районах сплошной коллективизации)» и п. 7б «Участие ВАРНИТСО в разработке проблем, связанных с организацией социалистического города индустриально-колхозного типа» в числе других членов бригады отвечал и Чайнов⁷.

Свое видение решения задач, поставленных во втором пункте плана, он изложил в публикуемой ниже записке, которая, несмотря на свой утилитарный характер, выдает и широкий научный кругозор автора, и его практические знания экономики сельского хозяйства, и способность совмещать фантастику и реальность.

Редакция благодарит заведующего архивохранилищем фондов металлургии и геологии РГАЭ Б.Б. Лебедева, по указанию которого записка была обнаружена среди документов фонда ВАРНИТСО (Ф. 4394).

5. Познер В.М. «О вредительстве и борьбе с ним». Доклад на заседании ЦБ ВАРНИТСО. РГАЭ. Ф. 4394. Оп. 2. Д. 9. Л. 16.

6. Газета «Труд» от 8 декабря 1929 г. С. 1.

7. РГАЭ. Ф. 4394. Оп. 2. Д. 7. Л. 128-129.

Одной из основных черт совершаемой нами в настоящее время реконструкции сельского хозяйства являются постепенное приближение методов организации земледелия и животноводства к методам, применяемым в промышленности.

Тракторная колонна, комбайн, электрическая дойка, автоматическая подача кормов и уборка навоза, автотракторы, электрификация и прочие элементы «Аккорда машин», который составляет сущность нового земледелия, в настоящее время почти стирают ту некогда почти непроходимую грань, которая отделяла сельское хозяйство от индустрии.

Недаром высота органического строения капитала в совхозах Зернотреста почти достигла высоты органического строения капитала Путиловского завода.

Признавая этот процесс механизации основным для технической стороны реконструкции нашего земледелия, мы должны с особой остротой ощущать тот абсолютный недостаток сельскохозяйственных машин и орудий, с которым нам приходится сталкиваться в районах сплошной коллективизации.

Там, где появление одной бригады тракторов могло бы одним ударом укрепить новые формы земледелия, нам приходится работать с конскими кадрами и далеко не полным составом необходимых сельскохозяйственных машин. А этот недостаток технического оборудования заставляет нас для решения тех же задач прибегать к крайнему напряжению рабочих сил и средств.

Сообразно изложенному, наша мысль невольно ищет выхода из создавшегося положения, стремясь абсолютный недостаток сельскохозяйственных машин восполнить повышением коэффициента их использования.

Поэтому приходится всячески приветствовать работников Тимирязевской сельскохозяйственной академии, выдвинувших идею использования в этих целях более чем месячной разницы в начале полевых работ на нашем юге и севере и переброски сельскохозяйственного инвентаря по железным дорогам из одной климатической зоны в другую.

Прилагаемая таблица, разработанная тов. Зломоновым для направления Ставрополь — Средняя Волга, показывает, что исходя из нашей метеорологической статистики, мы можем установить промежуток между началом сева на юге и на севере в ... дней. Такой же разрыв мы можем наблюдать и на других направлениях. В общем, можно установить пять климатических зон, с таким расчетом, что в то время как сев кончается в первой, он еще не начинался в третьей, и в то время как он кончится во второй, он еще не начинался в четвертой и т. д.

Отсюда вывод, что теоретически вполне возможно, использовав посевной инвентарь в первой зоне, затем перекинуть его в третью,

а затем и в пятую зону, и в то же время, используя другой гарнитур во второй зоне, затем перекинуть его в четвертую.

Говоря иначе, благодаря использованию рельсового пути, наши гарнитуры сельскохозяйственных машин смогут дважды перегнать двигающуюся на север весну.

Идея переброса сельскохозяйственного инвентаря не является в полной мере новой идеей. До войны таким образом перебрасывались партии батраков. Во время войны были организованы для этой цели особые партии так называемых слабосильных, снабженных уборочными машинами. В настоящее время практику такой переброски мы имели в Северокавказском Сельтресте.

Однако все эти опыты совершенно не имели того социально-политического содержания, которое они могут принять сейчас, когда переброска может быть выдвинута из частнохозяйственных рамок и превращена в народнохозяйственное мероприятие при своем разветвлении, приближающее нас к обезличиванию некоторых элементов сельскохозяйственного инвентаря.

Рассмотрим возможность конкретной формы такой переброски.

1) Наиболее очевидной и бесспорной формой таких перебросок является переброска с юга на север уже отработанного прицепного инвентаря (рядовых сеялок конных и тракторных, комбайнов и пр.) южных совхозов и колхозов. Так как этот инвентарь отсылается уже после работ, то эта операция для южных совхозов и колхозов не представляет собой никакого организационного риска.

2) Гораздо более опасна вторая форма — засылка прицепного инвентаря северных совхозов и колхозов на юг для предварительного использования их на юге и возврата их домой на север к более позднему началу северных работ. Элементы риска заключаются здесь в том, что посланный на юг инвентарь может задержаться и не прийти на место к началу работ, или прийти в плохом ремонтном состоянии.

3) Посылка на юг северных тракторов с возвратом к началу работы на север. Выигрыш от этой операции в увеличении, по крайней мере, на 1 месяц нагрузки тракторов и степени их использования.

(Трактора Московской области начинают работу в мае, при переброске они начнут работу в марте.) Риск в возможности поломки и опоздании тракторов, передвижение которых будет особенно затруднено на севере в предпосевной период по тающим дорогам.

4) Наиболее трудной представляется четвертая операция переброски южных тракторов на север после сева. При хороших плотных графиках тракторной работы южные трактора вообще не могут быть сняты с хозяйств.

Поэтому вся эта операция возможна только постольку, поскольку благодаря плохому яровому графику южных совхозов в них могут оказаться недогруженные трактора.

5) Наконец, наиболее организационно безопасным является создание особых обезличенных машинных и тракторных эшелонов, являющихся чистым плюсом к машинному составу, закрепленному за районами.

Постараемся установить те организационные формы, в которых могут быть произведены эти переброски, выяснить их экономический эффект и рассмотреть те затруднения и сомнения, которые возникают в связи с этими перебросками.

По единогласному утверждению всех специалистов, разрабатывающих этот вопрос, переброска имеет быть произведена только:

- а) если машины на всем пути и в работе будут сопровождать постоянно работающие с ними бригады;
- в) если переброска будет произведена особыми маршрутными поездами;
- с) если переброска, нагрузка, выгрузка и грунтовый трактор будут окружены атмосферой общественного внимания и будут проходить в порядке ударной общественной кампании, гарантирующей четкость и бесперебойность работы.

При тракторной переброске маршрутный поезд сможет нагрузить примерно две тракторные колонны, считая в каждой 12 тракторов, прицепной инвентарь к ним, запасные части, автомобильную ремонтную мастерскую и обслуживающие кадры трактористов, рассчитывая, что рабочих на прицепах можно получить на месте. Эшелоны прицепного инвентаря должны также ехать с ремонтными мастерскими и запасными частями.

Экономический расчет операции указывает, что при переброске расходы на трактор составляют не более 40% ко всей стоимости машинной работы на месте.

Сообразно этому, применяя частнохозяйственный метод расчета, мы можем сказать, что работа с перебросом машин будет экономически выгодна, если: $R > [(A/n + B/k) \times 1,0p \pm L]$, где

- R – стоимость выполнения работы элементарными приемами;
- A – амортизация, процент на капитал и другие, не зависящие от нормы использования машины расходы;
- n – общее число гектар, обслуживаемых машиной в год;
- B – эксплуатационные расходы на машину в день;
- k – производительность машины в день;
- 1,0p – коэффициент удорожания на трактор (около 1,4);
- L – материальная экономия или убытки от качества работ.

Принимая во внимание, что обе работы, для которых предполагается произвести переброску — рядовой посев и уборка комбайнами принадлежат к тем, в которых механизация приносит наиболее яркий экономический эффект, мы можем уверенно полагать, что указанное неравенство будет иметь место.

Особенно важным моментом в этом расчете является работа рядовых сеялок, которая дает до 50% экономии семян и 10–15% по-

вышения урожая и для которой в нашей формуле величина k имеет решающее положительное значение.

Еще большее значение переброски сеялок и комбайнов приобретает, когда мы от частнохозяйственного расчета перейдем к народнохозяйственному и политическому учету обстановки весны и осени 1930 года.

Появление машинных и тракторных эшелонов в районах сплошной коллективизации сейчас означает:

1) Чистый плюс в посевной площади, так как они значительно увеличат производительность труда колхозников.

2) Экономия посевного материала на весьма значительную величину (1 центнер на каждый гектар, обрабатываемый рядовой сеялкой, вместо разброски посева).

3) Огромный организационный и политический эффект появления в районах сплошной коллективизации пролетарских эшелонов, вооруженных недостающими району мощными средствами производства.

Все вышеизложенное достаточно выпукло рисует как само мероприятие, так равно и его экономический и политический эффект.

Необходимо, однако, заранее сказать, что организационно оно чрезвычайно трудно и требует тщательной подготовки и осторожности.

Препятствиями к его осуществлению являются следующие обстоятельства.

1) Невозможность заранее предвидеть развитие метеорологических процессов и заранее составить твердый календарный план. Это самое важное возражение обычно проводится в той редакции, что может случиться, что северный сев начнется тогда, когда еще не кончился южный, и вся система переброски этим потерпит банкротство. Последнее опасение, однако, не оправдывается. Исследование Сараева за очень многие годы показывает, что при раннем севе на севере — на юге также бывает ранний сев. Даже в особенно неблагоприятном в этом отношении 1929 году сроки были достаточно точными для осуществления перебросок.

2) Возможность порчи машин в пути и при усиленной работе. Это возражение как будто бы мало опасно для железнодорожного транспорта, который, по словам специалистов, машины в надлежащей установке на платформах выдерживают хорошо. Наиболее опасны грунтовые перевозки⁸, особенно предпосевные и ремонт, но и то и другое скорее обозначает чрезвычайное нарастание требуемых усилий для бригад и ремонтных частей, чем абсолютную невозможность осуществления операции.

3) Возможные перебои в транспорте и разгрузке. Это последнее обстоятельство наиболее беспокоит нас. Именно поэтому мы считаем необходимым вести операцию в порядке общественной кам-

8. 75% поломок в зерносовхозах падает на грунтов[ую] транспорт[ировку]. — *Примеч. А.В. Чаянова*

пании и считаем необходимым согласовать всю работу с ЦК комсомола и ВЦСПС.

Таким образом, изложенные препятствия, по нашему мнению, не являются непреодолимыми. Однако мы не можем считать их маловажными, поэтому мы не решились бы в весеннюю кампанию 1930 г. выдвинуть это мероприятие в полном его развороте и считали бы на 1930 г. возможным ограничиться тремя мероприятиями:

1) Образовать из обезличенного инвентаря комсомольский эшелон с конными рядовыми сеялками и ремонтной базой при нем. Пустить его на весенний сев яровых по маршруту Крым — Харьков — Курск — Москва — Вологда для обслуживания районов сплошной коллективизации для работы на местных лошадях. Вагоны этого маршрута по прибытии в зональный район могут быть развезены по разным станциям и по окончании сева собраны особым паровозом и маршрутом пути в следующую зону. По окончании весеннего сева в Вологде состав сеялок должен ремонтироваться, а часть комсомольцев могут вести работу в колхозах с нагоном озимого сева. Эшелон проделает посевную кампанию в обратном порядке Вологда — Москва — Курск — Харьков — Крым.

2) Бросить в один ударный район сплошной коллективизации, например Бугурусланский, два машинотракторных эшелона, сняв для этого машины с совхозов: один эшелон с юга (Сев[ерный] Кавказ) и другой с севера (Московская область). На этом опыте выяснится вообще возможность операции на необезличенном инвентаре.

3) В значительно более широких размерах произвести осеннюю переборку комбайнов, поставив своей задачей, чтобы возможно большее количество комбайнов было дважды использовано на уборке 1930 г.

В случае удачного исхода этого опыта вопрос об обезличении посевного и уборочного инвентаря в кампании 1931 г. может быть поставлен уже в массовом масштабе.

А. Чаянов

РГАЭ. Ф. 4394. Оп. 1. Д. 44. Лл. 1-4. Машинопись с правкой автора.

“...The mind involuntarily seeks a way out of the situation and tries to fill the absolute scarcity of agricultural machinery with the increasing utilization rate”⁹

A note by A.V. Chayanov

Tatyana A. Savinova, PhD (Economics), Head of the Department of Organizational-Methodological and Personnel Work, Russian State Archive of Economics; Researcher, Chayanov Research Center, Moscow School of Social and Economic Sciences. 119435 Moscow, Bolshaya Pirogovskaya, 17. E-mail: savinova30@yandex.ru

9. The research was supported by the Presidential Grants Foundation. Project “The school of A.V. Chayanov and contemporary rural development: Preserving the scientists’ findings through the actualization of their heritage.”

Т.А. Савинова
«...Мысль невольно ищет выхода из создавшегося положения...»

The publication introduces into the scientific discourse the note of A.V. Chayanov written by him as a member of the scientific-technical team of the All-Union Association of Workers of Science and Technology to promote the socialist development in the USSR. This note presents Chayanov's proposals for solving the specific tasks of the spring agricultural campaign in 1930 and for intensifying the use of agricultural machinery in areas of all-round collectivization by introducing machine-tractor trains running from south to north and back. In this note, Chayanov predicted many pressure points and challenges in organizing the Soviet mobile highly-mechanized agriculture. Much later, after the first five-year period and his death, under the development of virgin lands and Brezhnev's agricultural industry, when tractor and combine columns ran between regions of the Soviet Union, those natural and social risks that Chayanov identified and described so accurately and responsibly became evident. The foreword presents a brief history of the All-Union Association of Workers of Science and Technology and its role in the differentiation and extermination of dissenting intelligentsia in the 1929-1930.

Keywords: organization-production school, A.V. Chayanov, All-Union Association of Workers of Science and Technology, intelligentsia, scientific-technical team, agricultural machinery, sowing campaign, machine-tractor trains

Борьба за землю во времена правления Бразильской партии трудящихся¹

С. Зауэр, Дж. Месзарос

Сержио Зауэр, PhD (Sociology), профессор, Университет Бразилии, 70.847-080, Бразилиа, SQN 406, Bl. H, Apt. 305. Email: sauer@unb.br; sauer.sergio@gmail.com

Джордж А. Месзарос, PhD (Sociology), профессор Школы правоведения, Уорвик Университет, CV4 7AL, Великобритания. E-mail: G.A.Meszaros@warwick.ac.uk

В статье анализируется государственная аграрная политика, проводившаяся во времена правления президентов Лулы да Силвы (2003–2010) и Дилмы Руссефф (2011–2016). Она была противоречивой, поскольку, с одной стороны, исторически существовала поддержка Бразильской партией трудящихся (ПТ) реформ земельных отношений и социальных движений в аграрной сфере, но с другой стороны — ПТ со временем стала склоняться к широким политическим и электоральным союзам с крупным агробизнесом. В результате более чем десятилетней деятельности этой в целом прогрессивной администрации произошли лишь незначительные подвижки в реализации ключевых правительственных программ. В ряде случаев наблюдались и откровенные неудачи, как, например, при попытках расширения земельной экспроприации с целью предоставления безземельным семейным хозяйствам земли. Политический цикл завершился крахом электоральных союзов и импичментом президента Руссефф в 2016 году, что свидетельствует о политических и тактических просчетах ПТ. В статье рассматриваются действия правительств, исторические причины земельных конфликтов, борьба за земли и территории, проблемы и трудности мобилизации сторонников в этой борьбе. Внимание читателя привлекается к содержанию политических дискуссий (в особенности в связи с таким новым явлением, как криминализация социальных движений, т. е. придание им незаконного характера), экономических споров о роли агробизнеса, а также к острой проблематике борьбы за земельные и территориальные права в условиях деятельности прогрессивных правительств, формируемых ПТ.

Ключевые слова: Бразилия, Партия трудящихся, аграрная реформа, сельская бедность, социальные движения, агробизнес

DOI: 10.22394/2500-1809-2020-5-1-93-124

Благодаря широкому союзу Бразильской партии трудящихся (ПТ) не только с левыми, но также и с центристскими и правыми политическими партиями в 2002 году ПТ наконец удалось после двадца-

1. Перевод был подготовлен в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС «Агрохолдинги и сельские территории: модели взаимодействия крупного агробизнеса с муниципальной властью и сельскими сообществами».

тилетних усилий провести своего кандидата Луиса Инасио Лулу да Силву на пост президента. Эта победа оживила надежды на земельную реформу в Бразилии, поскольку с самого момента своего основания в 1980 году ПТ отстаивала и отстаивает демократизацию земельной собственности².

Несмотря на дальнейшие успехи на электоральном поле, политические союзы с центром и правыми резко ограничили возможности партии в плане осуществления прогрессивного экономического развития и существенных изменений в аграрной структуре страны. Эти альянсы и определяемые ими политические шаги «коалиционного правительства» препятствовали проведению глубоких перемен, формулированию и реализации соответствующих задач экономической политики, что обернулось «слабым неоразвитием» (*“weak neo-developmentalism”*) (Boito, 2015: 2). Но хотя эта коалиция с частью национальной элиты в 2002 году и предопределила во многом продолжение нелиберальной политики (в документах ПТ это обозначается как «постлиберализм»), президенту Луле удалось реализовать часть своих предвыборных обещаний, обеспечив «возможности общественных инвестиций — столь важных для стимулирования экономического роста» (Silva, 2002).

Образованный ПТ альянс включал ту часть национальной элиты, которая стремилась к восстановлению нормы прибыли и которой была обещана «налоговая реформа, обеспечивающая свободу производителя» (Silva, 2002). Также в него вошли многочисленные социальные движения и профсоюзы, которые требовали политических и экономических перемен и являлись главными участниками борьбы за землю (Fernandes, 2015).

Очевидно, что три полных срока пребывания у власти политического союза, возглавляемого ПТ, сформировали ситуацию, при которой радикальная земельная реформа встала на повестке дня в качестве первоочередной задачи правительства. Но это было до тех пор, пока крайне правое правительство президента Майкла Темера не постаралось похоронить земельную реформу, ликвидировав Министерство аграрного развития и всячески ослабляя (политически и финансово) деятельность Национального института колонизации и аграрной реформы (INCRA)³. Одним из результатов сменявших друг друга под руководством ПТ администраций стало ослабление социальных движений и их все усиливающаяся неспособность оказывать давление на правительство в направлении осуществления партийной аграрной политики. Конечно, отдельные политические завоевания и даже прорывы имели место, но негативный тренд стал

2. Partido dos Trabalhadores. (1989). Programa agrario: 6 Encontro Nacional. <http://www.fra.org.br/o-que-fazemos/memoria-e-istoria/documentos-historicos/programas-de-governo-pt>

3. Instituto Nacional de Colonizacao e Reforma Agraria

очевиден. Так, после 2010 года наблюдалось резкое сокращение земель, включенных в процессы земельной реформы, а федеральное правительство не слишком охотно признавало территориальные права местных органов администрации.

Как и почему это происходило, вопрос важный. Признавая трудности, связанные с политикой народных мобилизаций, нельзя упрощать анализ до того, насколько люди «привержены» социальной борьбе и сводится ли борьба за землю к тому, что просто нужно всячески выступать за осуществление государственной политики земельной реформы (Martins, 2002). Эта политическая проблема также не сводима к вопросам кооптации, институционализации или ограничения автономии, что нередко сопровождает эволюцию «от движения к организации» (Foweraker, 2001; Lewy, 2012). Это нельзя рассматривать как простой «переход от местных массовых движений к неправительственной *организации*» (Foweraker, 2001: 864). Не убедителен и аргумент, что такие организации (NGOs) «набрали значительно больший вес» в деле реализации задач и требований массовых народных движений (Gohn, 2010: 343).

Стоит также принимать во внимание другие политические изменения, в особенности новые попытки «криминализации» социальных движений, связанные со стремлением отыскать в их деятельности нарушение закона (Sauer, Souza, 2014), или «аграрный мир» (*“agrarian pax”*) (Porto-Goncalves, Cuin, 2014), сформировавшийся в рамках поддержки крупного агробизнеса и политики предпочтений общественных инвестиций в определенные типы аграрного сектора. Исследователи приходят к выводу, что этот общественный консенсус, основанный в огромной мере на утрате общественными движениями своей объединяющей силы, стал результатом, «с одной стороны, превращения экспорта сельхозтоваров в приоритетное направление, а с другой стороны — политики, направленной на перераспределение доходов» (Porto-Goncalves, Cuin, 2014: 19).

Анализ новейшего этапа аграрной политики и борьбы за землю, в особенности во времена правления президентов Лулы да Силвы (2003–2010) и Дилмы Руссефф (2011–2016) должен учитывать фактор огромного усиления влияния так называемой «экономики агробизнеса» (Delgado, 2013). Это неотъемлемая составляющая того, что можно назвать *неодевелопментализмом* (Boilto, Berringer, 2014). За этим стоят политические нарративы, эксплуатирующие вариации темы модернизации и «устойчивого развития». Однако в качестве дискурса эта модель *неодевелопментализма*, или «экономики агробизнеса», оттеснила на задний план изучение той роли, которую играли крестьяне и сельскохозяйственные рабочие, лишенные земли, поскольку в этой неолиберальной экономической логике в сегодняшней Бразилии упор делается на роль агробизнеса (Frayssinet, 2011).

Влияние социальных движений на аграрную политику в период 1964–2002 годов

По утверждению Дж. Петраса и Г. Вальтмайера, аграрная политика, как правило, должна принимать во внимание тот факт, что «...крестьяне и безземельные сельскохозяйственные рабочие как участники движений в Латинской Америке — не анахронизм, но динамичные классы современного общества» (Petras, Veltmeyer, 2001: 83). И эти классы втянуты в глобальную борьбу против транснационального агробизнеса (Vegara-Samus, 2013). В Бразилии все это было очевидно еще в конце 1970-х — середине 1980-х годов, когда аграрные движения и сельские организации напрямую участвовали в мобилизации людей на борьбу за демократизацию.

Важным фактором усиления борьбы сельского населения была политика аграрной модернизации, проводимая военной диктатурой в 1964–1985 годах (Stedile, Fernandes, 1999). Как пишет Л. Вегара-Камю, «по сути, то, что борьба за землю в Бразилии возникает вновь, объясняется не *распространением* капиталистических отношений, а скорее природой *реструктуризации* сельского хозяйства» (Vegara-Samus, 2009: 368). Применение технологий Зеленой революции (например, интенсивная механизация, химические удобрения, элитные семена) стимулировало значительный рост производства и модернизацию крупных хозяйств (Martins, 1994). Однако это не стало альтернативой ни расширению посевных площадей, ни земельной концентрации (Sauer, 2010).

Наоборот, субсидии по кредиту и другие формы стимулирования частных инвестиций и проектов колонизации в Амазонии (особенно налоговая амнистия для промышленных и финансовых компаний на операции по приобретению земли) (Necht, 2005) укрепили доминирование крупных земельных собственников. Проекты, направленные на освоение регионов Среднего запада и Амазонии, их экономический рост и модернизацию осуществлялись без какого бы то ни было перераспределения земель (Martins, 1994). Исторически сложившаяся концентрация земли только усилилась. Проведенная в 2006 году перепись зафиксировала степень неравенства в распределении земли в Бразилии (см. табл. 1).

Таблица 1. **Количество сельскохозяйственных и животноводческих предприятий и их площади по группам (Бразилия, 2006 г.)**

Группировка по общей площади	Число ферм (объединений)	%	Площадь хозяйств (га)	%
Менее 10 га	2477071	47,86	7798607	2,36
От 10 до 100 га	1974577	38,09	62893091	19,06

От 100 до 1000 га	424906	8,21	112696478	43,16
От 1000 до 2500 га	31899	0,62	48072546	14,57
2500 га и более	15012	0,29	98480672	29,85
Всего	4920465		329941393	

Источник: Agricultural and Livestock Census⁴

Одновременно с земельной концентрацией в стране происходило вытеснение миллионов семей, особенно с Северо-Востока и Юга, в направлении Центрального запада и северных регионов. Это переселение активно поощрялось официальной пропагандой, вещавшей о важности освоения «незанятых» и «недостаточно освоенных» земель (Necht, 2005). При этом официальный нарратив демонстрировал полное пренебрежение к проблеме землепользования в традиционно обжитых местностях. Низкая стоимость земли в сочетании с государственными инвестициями в инфраструктуру (особенно дороги) и налоговыми льготами превратили покупку земли в прибыльный бизнес и положили начало тому, что Дж. Мартинс назвал «сельской консервативной модернизацией», основанной на «военно-помещичьем союзе», наращивающей производство без всякого перераспределения земли (Martins, 1997).

В резком контрасте с этим направлением земельной политики находились аграрные общественные движения, которые, несмотря на репрессии (преследования, незаконные аресты, убийства, угрозы и т. д.), продолжали борьбу за то, чтобы земельная реформа, направленная на расширение земельных и политических прав сельских жителей, стала частью правительственной политики (Deere, de Medeiros, 2008). В этой общественной борьбе рождались новые политические партии, как, например, Бразильская партия трудящихся (1980) или Единый профцентр трудящихся (CUT) (1983). В этой борьбе осуществлялась социальная мобилизация в направлении реализации земельной реформы и развития политической демократии, на этом пути было создано Движение безземельных крестьян (Movimento dos Trabalhadores Sem Terra), широко распространились новые формы борьбы — организация палаточных лагерей и захват земли (Martins, 1997).

В 1990-е годы для кабинета Фернандо Энрике Кардозу (1995–2002), особенно на первом этапе, была характерна либерализация торговли, демонтаж инструментов аграрной политики воен-

4. IBGE (Instituto Brasileiro de Geografia e Estatística) (2009). Censo Agropecuário 2006. Rio de Janeiro: IBGE. ftp://ftp.ibge.gov.br/Censos/Censo_Agropecuario_2006/brasil_2006

ного режима — прежде всего за счет снижения сельскохозяйственного кредита. Сельское хозяйство предполагалось сделать «якорем национальной валюты», т. е. использовать низкие цены в сельском хозяйстве для сдерживания инфляции и стабилизации вновь создаваемого бразильского реала (Delgado, 2010). Под лозунгом неолиберализма и минимального государственного участия (снижение бюджетных затрат) осуществлялся курс на резкое уменьшение ресурсов, направляемых в аграрный сектор, параллельно со снижением ввозных пошлин на продовольствие. Такая комбинация обернулась падением на 30% реальных доходов аграриев в 1995 году и значительным увеличением импорта на протяжении 1990-х годов (Delgado, 2010). Как пишет Н. Дельгадо, «общий импорт сельскохозяйственной продукции в стоимостном выражении вырос с 2,4 млрд долларов США в 1990 г. до 5 млрд в 1994 г. и 6,8 млрд в 1996 г. — беспрецедентная ситуация в современной истории бразильской экономики» (Delgado, 2010: 47), отразившаяся самым негативным образом на показателях задолженности аграрного сектора.

С 1999 года (второй срок Кардозу) правительство возвращается к поощрению сельскохозяйственного экспорта, что оборачивается «настоящим перезапуском агробизнеса» (Delgado, 2010: 32). Эта политика будет в дальнейшем сохранена и даже усилена при правлении Лулы. Помимо значительного увеличения сельскохозяйственного кредитования правительство Кардозу запустило программу *Moderfrota* — финансирования закупок сельскохозяйственной техники и инвентаря, поощряя таким образом вложения в расширение посевов зерновых культур. Девальвация обменного курса национальной валюты наряду с другими причинами превращает агробизнес в конкурентоспособного экспортера; экспорт возрастает почти на 50% — «с 20,6 млрд долларов США в 2000 г. до 30,6 млрд в 2003 г.» (Delgado, 2010: 47).

Наблюдался стремительный рост производства и экспорта сои, которая вместе с кукурузой составила до 80% национального производства зерновых. Внутреннее производство с 38 млн тонн в 2001 г. возросло до 42 млн тонн в 2002 г. и до 52 млн тонн в 2003 г. В 2000–2003 годах агробизнес демонстрировал ежегодные темпы роста на уровне 4,6% в сравнении с 1,8% в промышленном секторе экономики (Delgado, 2010: 47). Это вело к освоению новых территорий и расширению границ сельскохозяйственных земель (Hecht, 2005).

В то время как агробизнес получил эти новые стимулы, заметно нарастала борьба за землю и существенно, в сравнении с 1990-ми годами, усиливались требования социальных движений. Число захватов земли увеличилось с 50 в 1990 г. до 186 в 1995 и 450 в 1996 г., достигнув пика в 856 в 1999 г. (Fernandes, 2015; NERA, 2012). Эти акции сопровождалась эскалацией насилия в сельской местности, а общественное мнение склонялось к поддержке требований земельной реформы. Все это заставило правительство Кардозу пой-

ти на создание Министерства аграрного развития (MDA)⁵, перед которым ставились задачи по созданию новых поселений (Mattei, 2012).

Во второй срок правления Кардозу (1999–2002) его правительство запустило программу «Новый сельский мир» (1999), суть которой состояла в том, чтобы, следуя инструкциям Мирового банка, расширить доступ к земле с целью борьбы с бедностью и смягчения социальных конфликтов. В ответ на давление со стороны аграрных социальных движений в рамках программы создавались новые поселения. Эта политика как способ смягчения социальных конфликтов дополнялась проведением «рыночно ориентированной аграрной реформы», в рамках которой проводилась покупка земли вместо ее экспроприации, с использованием новых кредитных линий Мирового банка по кредитованию безземельных семей, которые могли бы, таким образом, самостоятельно (вне связи с социальными движениями) обеспечить себя земельными участками (Sauer, 2009).

По официальным данным Национального института колонизации и аграрной реформы (INCRA, 2009), в период с 1995 по 2002 год правительство Кардозу сумело создать такие поселения приблизительно для 500 тыс. семей. Хотя и сама эта цифра иногда ставится под сомнение (NERA, 2012), острое критики этого политического курса направлено на тот факт, что данные проекты поселений в основном реализовывались в регионах со слабой экономикой, например в Амазонии (Mattei, 2012). Отношение правительства Кардозу к социальным движениям было весьма противоречивым, особенно в том, что касалось проблемы земельных захватов (Sauer, 2017). Возрастающее число захватов заставляло правительство принимать разнообразные законы, направленные на обуздание борьбы за землю. «Временная мера» (MP) — законодательный акт, получивший в народе название «антизахватный» закон, — была впервые принята в 1997 году. Впоследствии этот закон обновлялся по конкретным случаям. Он объявлял незаконной собственностью в сельской местности, овладение которой стало результатом «насильственного вторжения, мотивированного аграрным конфликтом коллективного характера», и запрещал INCRA инспектирование подобных случаев (Sauer, Souza, 2014). Этот закон жестко контролировал земельную реформу по той простой причине, что такого рода инспекции составляли неперемное условие любой экспроприации и необходимый первый шаг в ее осуществлении, т. е. принудительном отчу-

С. Зауэр,

Дж. Меззарос

Борьба за землю
во времена прав-
ления Бразильской
партии трудящихся

5. Ministerio do Desenvolvimento Agrario. PRONAF 2014/2015 fechacom R\$ 23?9 bilhoes contratados para custeio e investimento na agricultura familiar. Brasilia. <http://www.mda.gov.br/sitemda/noticias/prinaf-29142015-fecha-com-r-239-bilhoes-contratados-para-custeio-e-investimento-na>

ждении в ходе реформы при посредстве INCRA сельской собственности с достойной экономической компенсацией⁶.

Главным результатом этих законодательных мер стало то, что количество земельных захватов решительно пошло на убыль — более 800 захватов в 1999 году, менее 400 — в 2000-м и лишь 194 захвата — в 2001-м (СРТ, 2015; Fernandes, 2015). Побочным эффектом стала отсрочка в создании новых поселений, особенно после 1999 года (Sauer, Souza, 2014). «Временная мера», ставившая вне закона земельные захваты и делавшая упор на так называемую «земельную реформу на рыночной основе» (Sauer, 2009), обернулась резким усилением потребностей в земле и явилась одним из главных разногласий между правительством Кардозу и социальными движениями (Fernandes, 2015).

Решающее влияние Министерства сельского хозяйства на земельную реформу

По утверждению Тарсо Дженро, министра образования (2004–2005) в первом правительстве Лулы, широко осознаваемая потребность в более социально ориентированной экономике и политическое давление в этом направлении — главный вызов для вновь избранного президента, требующий создания условий, которые ослабляли бы внешнюю уязвимость и позволяли бы делать социальные инвестиции. Однако это входит в противоречие с нарастающим глобализмом, когда рынки приобретают открытый характер и все более активную роль начинает играть спекулятивный капитал. Следовательно, необходимо реализовывать производительную модель, при которой складываются условия для экономического роста, положительного торгового баланса, без чего невозможны инвестиционные программы правительства социальной направленности, предполагающие перераспределение доходов (Genro, 2004). Такой подход получил название «неодевелопментализм» (Boilto, Berringer, 2014), или «постнеолиберальная» модель (Sader, 2003)⁷. Основная идея сводится к стимулированию экономического роста при помощи государственных общественных инвестиций и финансового контроля.

6. В рамках законодательства, связанного с земельной реформой, конституционным законом 1988 г. предусмотрена финансовая компенсация за экспропрированную землю. Такая компенсация частично производится в денежной форме (стоимость инфраструктурных улучшений) и в ценных бумагах (стоимость земли) по рыночным ценам.

7. Это неоднозначное определение критикуется и справа, и слева. Не менее противоречивую трактовку того, как это следует понимать, предложил Б. Фернандес: «Политика неолибералов направлена на укрепление капиталистической системы. Постнеолибералы делают то же самое, однако признают, что политический курс создается вне капиталистической системы» (Fernandes, 2015: 161). Мы полагаем, что все намного сложнее.

Бразильскую модель «неодевелопментализма» наиболее ярко иллюстрирует Программа ускорения роста (РАС), являвшаяся в свое время первоочередным направлением правительственной политики. Ее реализация началась при президенте Луле после 2007 года, продолжена президентом Руссефф. Ее суть сводилась к сочетанию масштабных общественных капиталовложений в инфраструктуру (дороги, порты, гидроэлектростанции и т. д.) с инвестициями Национального банка экономического и социального развития (*BNDES*), которые направлялись на поддержку роста в частном секторе экономики (*Ministerio do Planejamento*, 2015). Наряду с расширением внутреннего рынка целью была дальнейшая интеграция Бразилии в глобальные рынки и укрепление ее роли в качестве одного из основных сельскохозяйственных экспортеров. Это имело положительное влияние на платежный баланс Бразилии, ее международную кредитоспособность, финансовый контроль над бюджетом⁸, в то же время это придавало больший вес деятельности Министерства сельского хозяйства (*MAPA*) и увеличивало экономическую значимость агробизнеса. Это также приводило к росту влияния бразильского аграрного капитала в других частях Латинской Америки (*Vegara-Camus, Kay*, 2017).

В рамках данного политического курса правительство через *MAPA* осуществляло значительные инвестиции, стимулирующие агробизнес (*Delgado*, 2010), с целью использовать рост спроса на мировых рынках на продукцию сельского хозяйства для достижения профицита в общем торговом балансе Бразилии. После 2001 года страна постоянно имела торговый профицит, в котором заметную роль играл сельскохозяйственный экспорт, что находило свое отражение в официальном нарративе о важности агробизнеса и деятельности *MAPA*. Сельскохозяйственная продукция с 1999 по 2010 год составляла 42% общего экспорта и лишь порядка 7% импорта. Валовые показатели сельскохозяйственного экспорта в 2014 году вновь побили все рекорды — 96,75 млрд долларов США (соответствующий чистый профицит — 80,13 млрд). Экспорт сои в 2013 году составил 23,2% от общих валовых показателей сельскохозяйственного экспорта, в том числе кормовой сои — 8,8%. Значительной была доля сахара в экспортных показателях (13,3%), куриного мяса (9,6%) говядины (7,6%) (*Valor Econômico*, 2015).

Однако частные инвестиции в сочетании с правительственными программами, направленными на поощрение модернизации, формировали «экономическую модель, основанную на интенсивной экс-

8. Первичный профицит, направляемый на выплату процента по государственному долгу, в первый год правления Лула даже повысился с 3,75 до 4,25% ВВП. В дальнейшем задача сбалансированности доходов и не связанных с задолженностью расходов также решалась с запасом прочности. Жестко таргетировались также монетарная политика, инфляция и международная торговля (*Delgado*, 2010).

плуатации природных и сельскохозяйственных ресурсов» (Baletti, 2014: 6). Помимо привлечения иностранных капиталовложений и поддержания баланса внешней торговли (Kingston, 2012) государственное стимулирование производства и экспорта товарной продукции сельского хозяйства поощряло процесс деиндустриализации и тот тип развития, который Г. Дельгадо обозначил как «экономика агробизнеса», подразумевающая аграрную экономику, основанную «на захвате и сверхэксплуатации естественных природных преимуществ» (Delgado, 2013: 64), или на присвоении «земельной ренты» (Vegara-Camus, Kay, 2017). Борьба за территории и столкновения на этой почве — естественное следствие этого⁹.

Конечно, торговый баланс Бразилии в огромной степени зависит от экспорта продукции агробизнеса и добывающей промышленности. Однако необработанная или лишь частично обработанная продукция (прежде всего сельского хозяйства и минеральное сырье) экспортируется фактически беспошлинно благодаря принятому в 1996 году Закону Кандира (Kandir Law). Многие аналитики, включая П. Кингстона, полагают, что бразильские «успехи прочно — даже слишком прочно — опираются на экспорт продукции, в основном предназначенной для Китая. Экспорт в 2012 г. возрос до 256 млрд долларов США со 118 долларов в 2005 г., составив 14% ВВП (в сравнении с 6% в 1990-е гг.)» (Kingston, 2012).

Как указывает Г. Дельгадо, «экономика агробизнеса» выстраивает «гегемонию с самого верха, увязывая воедино большие латифундии и агропромышленные цепочки, тесно связанные с зарубежной экономикой», опираясь при этом на государственную поддержку, предоставляемую прежде всего в рамках политики МАРА (Delgado, 2013: 62). Благодаря такой взаимной заинтересованности в верхах происходит «накопление капитала в этих секторах, подпитываемых из общественных фондов», оно находит оправдание в дискурсе «экологического управления». Подобная экономика оказывается «тем условием, которое делает возможным “новое выкачивание” средств (“*neo-extractivism*”）」 (Baletti, 2014: 7), т. е. чем-то вроде неолиберального неодевелопментализма (Boilto, Berringer, 2014). Этот консенсус в верхах подразумевает применение ряда политических и идеологических инструментов, включая активную поддержку парламентского блока, голосующего за интересы агробизнеса в Национальном Конгрессе¹⁰; государственную

9. В логике присвоения целью является «опустошение рудников», т. е. экспроприация естественных ресурсов на фоне предельно низких показателей социального развития с самыми серьезными экологическими последствиями (Sauer, 2010), что бы при этом ни вещала пропаганда о развитии и борьбе с бедностью (Baletti, 2014). Дискурсы развития только маскируют стратегию расширения активности агробизнеса (Delgado, 2013).

10. Ruralist — блок насчитывает более двухсот представителей агробизнеса в Палате представителей и Сенате.

поддержку, прежде всего посредством расширения общественного кредита, и поддержку Министерства сельского хозяйства (МАРА), которое оккупировано представителями верхушки агробизнеса.

Огромный экспортный профицит в сельском хозяйстве вследствие бума в экспорте соответствующих товаров повлек за собой ажиотажный спрос на землю и взлет цен на нее. В результате финансовые возможности государства в проведении земельной политики существенно сократились, поскольку рыночная цена составляла тот базис, по которому определялся размер компенсации за экспроприированные земли. Согласно последним оценкам, цена сельскохозяйственной земли в Бразилии за десять лет выросла на 227%, почти удвоив темпы роста инфляции в стране. В 2008–2012 годах деньги, вложенные в сельскохозяйственную землю, оказались более прибыльными, чем вложения в американскую валюту, акции, государственные ценные бумаги или золото (Sauer, Leite, 2012)¹¹. Это были крайне неблагоприятные условия для приобретения земель в целях их заселения. Один из прежних руководителей INCRA назвал это «мертвой пробкой» (*a critical “bottle-neck”*) (если пользоваться лексиконом автолюбителей)¹².

Политическая экономия земельной реформы должна учитывать воздействие, казалось бы, посторонних, тем не менее достаточно мощных факторов. Так, бразильская система судебного права также вносит свой вклад в рост инфляции, связанный с ценами на землю¹³. Хотя по закону судьи наделены лишь полномочиями выносить решения по тем случаям земельных экспроприаций, которые оспариваются земельными собственниками, однако на деле они взвинтили размеры компенсаций в несколько раз по сравнению со сложившимися рыночными ценами. Судьи, как правило, настроены на защиту интересов собственника. Землевладельцы в состоянии платить гонорары адвокатам, с тем чтобы избавиться от необходимости продавать с торгов свои земли, они не пугаются затяжных судебных разбирательств. Анализируя подобную ситуацию, некоторые сторонники политики земельной реформы неохотно признают целесообразность усиления роли рынка посредством покупки земли государством, так как это позволит преодолеть политические трудности, связанные с регулированием цен на землю в судебном

С. Зауэр,

Дж. Месзарос

Борьба за землю
во времена правления
Бразильской
партии трудящихся

11. Основываясь на данных отчета Мирового банка за 2010 год, можно утверждать, что в 2009–2010 годах иностранные инвесторы приобрели более 20 млн га земли, подтверждая тем самым существование глобального феномена, известного как земельный захват (см. об этом: Borras et al., 2011; по Бразилии см.: Sauer, Leite, 2012).

12. Селсо Лисбоа де Ласерда, возглавлявший INCRA с апреля 2011 по июль 2012 года, обозначил это в интервью журналу «Бразилия» в декабре 2011 года.

13. Подробнее об этом, а также о более широком контексте негативного воздействия некоторых аспектов правовой системы Бразилии на общественные движения и земельную реформу см.: (Meszaros, 2013).

порядке, да еще и усугубляемые административными проволочками и судебными издержками¹⁴. Сколь это ни грустно, но эффективные законодательные процедуры здесь работают лишь чисто теоретически (Meszaros, 2013).

Куда более могущественной политической силой, препятствующей прогрессу, является Министерство сельского хозяйства (МАРА) — и не только из-за отстаивания интересов крупного агробизнеса, в том числе и экспортной модели сельского хозяйства. Оно вмешивается в земельную реформу, устраняя один из наиболее важных инструментов ее осуществления — точные индексы, по которым можно было бы определять продуктивность земли и, следовательно, ее «рациональное использование по назначению» (Sauer, Franca, 2012). Эти индексы напрямую определяют то, какое количество земли государство в состоянии легально экспроприировать. По закону наименее продуктивная земля является первоочередной для государственной экспроприации. И наоборот, согласно Конституции 1988 года, чем более земля продуктивна, тем больше она защищена. Предполагается, что в этом случае она выполняет более широкую «социальную роль», которая подразумевает такие аспекты, как экология, занятость, адекватное и рациональное землепользование. Однако имеющиеся индексы безнадежно устарели, они не пересматривались с середины 1970-х годов, несмотря на значительные успехи в области технологий, которые воздействуют на продуктивность земли. Этот анахронизм означает, что целые категории земель продолжают официально считаться «продуктивными», в то время как государство могло бы — и по закону должно бы было — экспроприировать их в целях осуществления земельной реформы (Meszaros, 2013; Sauer, 2010).

В теории ревизия этих индексов — техническая проблема. Однако на практике это было яблоком раздора между МАРА и МДА. Первое налагает вето на попытки ревизии, в то время как МДА признает важность данного пересмотра и предпринимает неоднократные попытки изменить индексы, хотя по закону не может этого сделать без санкции МАРА (Meszaros, 2013). Между прочим, как раз поэтому правительство Майкла Темера проводит целенаправленную политику на полный запрет МДА. Но несмотря на ограничения, МДА всегда была костью в горле МАРА в плане осуществления земельной политики. Неудачные попытки президента Лулы обновить индексы на фоне его постоянных обещаний сделать это и нежелание президента Дилмы Руссефф заниматься этим вопросом отчетливо свидетельствуют о том параличе, в котором оказалась государственная власть в деле проведения земельной реформы задолго до того, как штурвал взял Темер. Эти систематические провалы в течение более 13 лет деятельности правительств, формируемых ПТ, показывают, до какой степени правительственная по-

14. См. интервью С. Ласерда журналу «Бразилия», декабрь 2011 г.

литика продолжает оставаться завязанной на интересы сил, препятствующих перераспределению земли (Sauer, 2017).

Жесткое противостояние между этими двумя министерствами было очевидно еще в правление Кардозу. Причины хорошо известны. Ряд важных союзников Партии трудящихся в Конгрессе — а до ПТ они блокировались с Бразильской социал-демократической партией (PSDB) Кардозу — представляли крупных землевладельцев, привыкших рассматривать Министерство сельского хозяйства как свое феодальное владение. В обмен на сотрудничество в Конгрессе они требовали и получали решающее слово при назначении главы министерства и утверждении основных направлений его деятельности. Не случайно, что оба главы МАРА в президентство Дилмы Руссефф были членами партии, в которой состоял вице-президент, а при президенте Темере министерство возглавил член партии Бразильское демократическое движение (PMDB). То же самое с назначением при Луле его первым министром сельского хозяйства (2003–2006) президента Бразильской ассоциации агробизнеса (ABAG) Роберто Родригеса, что подчеркивало политическое влияние этой структуры (Meszaros, 2013).

Возможно, это влияние, постоянно усиливаясь, достигло новой высоты, когда в декабре 2014 года по решению президента Руссефф новым главой Министерства сельского хозяйства была назначена сенатор Катя Абро (*Katia Abreau*). Представители социальных и экологических движений яростно сопротивлялись назначению Абро, возглавлявшей в прошлом влиятельную группу лоббирования интересов Бразильской конфедерации сельского хозяйства и животноводства (CNA). Среди причин, по которым оппозиция отвергала ее кандидатуру, были поддержка ею ослабления Лесного кодекса Бразилии (Sauer & Franca, 2012)¹⁵, либерализации законодательства по генно-модифицированным семенам, ее нежелание пересматривать устаревшие индексы продуктивности земель, а также то, что она упорно отстаивала экспортную модель агробизнеса, включая налоговое стимулирование вплоть до полного освобождения от налогов сельскохозяйственного экспорта, как путь решения проблем сельского хозяйства, шире — экономики в целом.

Можно, конечно, свести логику подобных кадровых назначений к арифметике депутатских союзов в Конгрессе, однако в случае с Руссефф сомнительной представляется сама мысль о том, что

*С. Зауэр,
Дж. Месзарос*
Борьба за землю
во времена прав-
ления Бразильской
партии трудящихся

15. Изменения к Кодексу, вступившие в силу в 2012 году, отразили важную победу сил, лоббирующих интересы агробизнеса в его противостоянии с экологическими НПО и многочисленными социальными движениями. Изменения, продавленные через земельное лобби, означали либерализацию Кодекса в направлении расширения возможностей эксплуатации земли и ослабления экологической защиты. Тщетные попытки президента Руссефф наложить вето по огромному большинству этих поправок свидетельствуют о том, насколько мощным было земельное лобби в ее администрации (Sauer, Franca, 2012).

президент хотела видеть серьезные перемены в осуществлении земельной реформы. И дело тут даже не в том, каковы были ее прежние убеждения на этот счет¹⁶. Все говорило о том, что право политических сил, лоббирующих интересы агробизнеса, диктовать курс сельскохозяйственной политики сохранялось при правительствах ПТ в том же виде, в каком оно существовало при Кардозу. На самом деле ПТ отрекалась от этой ответственности, отдав эту жизненно важную область политики на откуп оппонентам реформы. Однако в том, что касается обещания в «Письме к бразильскому народу» (Silva, 2002) проводить политику, «направленную на усиление агробизнеса и семейного фермерства», правительства ПТ вполне свое слово сдержали. Левые группы внутри ПТ, на которые была возложена ответственность за деятельность MDA, делали все возможное для развития экономики семейных ферм (о чем пойдет речь в следующем разделе).

Но эти политические усилия были немедленно прекращены новым правительством Майкла Темера в 2016 году. MDA была полностью расформирована, а новым министром сельского хозяйства назначен Блэро Мэгги (Blairo Maggi) — крупнейший в мире производитель сои. Помимо проблем с нелегальной вырубкой лесов в Амазонии он сразу же озаботился расширением налоговых послаблений для агробизнеса и его логистической поддержкой. Мэгги также встал на защиту политики «эмансипации» земельных поселений — буквально освобождая INCRA от обязанностей по воплощению проектов поселений посредством публичной политики. А кроме того, он инициировал изменения в законодательстве, открывающие возможности для иностранных инвесторов приобретать землю (O Globo, 2016), позволяющие легально и вполне эффективно осуществлять захват земли (Borras, Hall, Scoones, White, Wolford, 2011).

Перераспределение земли и поддержка семейных фермеров при правительствах ПТ: противоречивое наследство

Выборы Луиса Инасио Лулы да Силвы в известной мере проходили под воздействием «Письма к бразильскому народу» (Silva, 2002), породив надежды, связанные с обещанной земельной реформой (Fernandes, 2015). Основные сельские союзы и общественные движения вновь подтвердили свои требования в Земельной хартии, прописав там разумный и справедливый сценарий национальной земельной реформы (FNRA, 2003). В дальнейшем эти требования неизменно поддерживались расселяемыми в лагерях безземельными крестьянскими семьями, число которых возросло с 70 тыс. в 2002 г. до более

16. См. интервью С. Ласерда журналу «Бразилия», декабрь 2011 г.

чем 150 тыс. в 2003-м. Значительно увеличилось в 2003–2006 годах и количество захватов земли (СРТ, 2015; NERA, 2012).

Президент Лула ответил на эти захваты и политическое давление тем, что провозгласил создание рабочей группы на высшем уровне под руководством Плинио де Арруда Сампайо (Plinio de Arruda Sampaio) (Mezaros, 2010). Эта рабочая группа разработала Второй национальный план аграрной реформы (II PNRA), в нем было рекомендовано поселение на земле одного миллиона семей в течение четырех лет. Амбициозная идея Сампайо состояла в «экспроприации у крупных поместий достаточно земли, чтобы обеспечить разрыв с прежней системой землевладения» (Branford, 2010: 420). Однако в правительственных кругах II PNRA был встречен скептически, и MDA немедленно отыграло назад, существенно скорректировав (до 400 тыс.) число семей, предполагаемых к поселению в течение четырех лет (Branford, 2010).

Хотя для обоих правительств, сформированных Лулой, была характерна значительно большая заинтересованность в решении социальных проблем, полного разрыва с доставшейся в наследство неолиберальной экономической моделью не произошло (Delgado, 2010). Как отмечалось выше, правительства при использовали нарратив, более характерный для неоразвитизма (Boilto, Berlinger, 2014), стремились избегать обозначения вопросов борьбы за землю и связанных с этим мобилизаций в качестве «проблем полиции» (Carter, 2010; Meszaros, 2010), как это было во времена Кардозу.

В первый срок Лулы (с 2004 по 2006 год) действительно имел место значительный рост числа поселенных на земле семей, хотя этот факт и вызывает острые споры (Delgado, 2013; NERA, 2012). Так, по официальным данным INCRA, в 2005 году свыше 127 тыс. семей вышли на поселение на более чем 13,4 млн га и еще 136 тыс. семей были расселены на более чем 9,2 млн га в 2006 году. Однако с 2006 года и далее эти показатели стали существенно сокращаться: только 67 тыс. семей в 2007 году и 39 тыс. семей в 2010 году — спад, вызвавший широкую критику аграрной политики при правительствах Лулы (Mezaros, 2013: 17). В первый срок президента Дилмы Руссефф падение было еще более значительным (см. табл. 2).

Таблица 2. Количество перераспределенной земли и поселенных семей при последовательно сменявшихся правительствах

Федеральная администрация (годы)	Число семей	Земля в гектарах
Сарни (1985–1989)	86228	8419490
Коллор (1990–1992)	2866	129483

С. Зауэр,

Дж. Меззарос

Борьба за землю
во времена прав-
ления Бразильской
партии трудящихся

Итамар (1993–1994)	33576	1349091
Кардозу (1995–2002)	524380	37366000
Лула (2003–2010)	614088	48291180
Дилма (2011–2014)	107354	2956218

Источники: INCRA (2009); INCRA (2014).

Даже несмотря на то что точность этих данных под вопросом¹⁷, по таблице можно судить о том, что президент Лула был несколько более эффективен в осуществлении политики расселения безземельных семей — свыше 614 тыс. на 48 млн га в течение своего восьмилетнего срока, — чем Кардозу за свои два срока. Но способы реализации этой политики при обоих президентах имеют явное сходство: поселение большинства семей в Амазонии, где земля дешевле; включение в статистику показателей из других программ для увеличения правительственных достижений; покупка земли вместо экспроприации; добавление титрованной земли к общему количеству заселяемой земли и т. д.

По официальным данным можно судить не только о схожем и различном в осуществлении этой политики обеими администрациями или о том, что так или иначе обе они приняли участие в поселении более миллиона безземельных семей, но также и о том, что их попытки уменьшить тем самым структурное неравенство потерпели неудачу. В течение десятилетнего периода коэффициенты Джини, отражающие распределение земли, оставались фактически неизменными: 0,857 в 1995/96 и 0,856 в 2006 годах. Мощь и привилегии агробизнеса оказались непоколебимыми (Fernandes, 2015), а степень концентрации земельной собственности — неизменной.

В попытках реализации II PNRA президент Лула значительно увеличил годовые бюджеты MDA, особенно таких статей, как Национальная программа усиления семейного фермерства (PRONAF) и План по сельскохозяйственным семейным фермам (Mattei, 2005). Ассигнованные на это средства выросли с 2,3 млрд реалов (640 млн долларов США) в 2003 г. до 10 млрд реалов (4,8 млрд долларов) в 2007 г., 15 млрд реалов (8,9 млрд долларов) в 2011 г. и 28,9 млрд реалов (7,2 млрд долларов) в 2015/16 г. (MDA, 2015). В основном это были ассигнования в адрес PRONAF (главным образом производственный кредит).

17. Согласно исследователям, настроенным более критически, количество семей, получивших возможность поселиться на экспроприированных землях при правительствах Лулы, находится где-то между 120 тыс. и 250 тыс. (NERA, 2012), поскольку все остальные семьи, вошедшие в официальную статистику, проходили по другим программам, как, например, упорядочение и титрование земли, приобретение земли отличными от экспроприации способами, признание и узаконение территориальных прав и т. д. (см.: Fernandes, 2015; Sauer, 2017).

Стремясь консолидировать общественную поддержку политики сельского развития, в июле 2006 года правительство Лулы принимает Закон о семейном фермерстве (№ 11326), в котором прописаны критерии для определения семейного фермерства. К таковому предлагается относить мелких фермеров, чье производство основывается главным образом на семейном труде. Этот закон стал основой для государственных программ, подготовленных исключительно для данного социального сектора (Delgado, 2010). В известном смысле это достижение, хотя закон критикуют за то, что, имея своей главной задачей вывод семейных ферм на рынок, он слишком большое внимание уделяет капиталистическим механизмам производства как неперемennomу условию движения к рынку (Delgado, 2010). Через увеличение бюджетного кредитования стимулировалось в основном производство сои и кукурузы (Delgado, 2013).

Реализация программы PRONAF нашла выражение в новых направлениях финансирования (кредитование инвестиций в производство земледельческой продукции), а также в улучшении самих условий финансирования (снижение процента по кредиту, более продуманный порядок погашения кредита). Когда в правление Кардозу появилась возможность брать кредиты по этой программе (1996 г.), изначально речь шла о кредитовании семейных фермеров в целях стимулирования земледелия, и более 80% таких кредитов брали жители юга Бразилии. Однако после 2003 года MDA делает попытки преодолеть такой региональный дисбаланс, открывая новые линии кредитования — PRONAF-лес, PRONAF-засушливые районы, PRONAF-агроекология, кредиты, специально предназначенные для женщин и молодежи села. Предполагалось таким образом поддерживать разнообразие производства на семейных фермах и его доходность (Aquino, Schneider, 2015). Но несмотря на все усилия в этом направлении, большая часть людей, ведущих семейное хозяйство (порядка двух третей) оставались вне доступа к этой системе кредитования (Mattei, 2012). В значительной мере это объяснялось тем, что программа PRONAF финансировалась через стандартные банковские процедуры, поэтому те, кто не мог достаточно убедительно объяснить банку, как будет погашаться кредит (например, предоставив бизнес-проект, разработанный с участием специалистов), оказывались за бортом (Aquino, Schneider, 2015).

Направление политики, известное как PRONAF A, целью которого было укрепление уже существующих поселений, серьезно критиковалось за недостаточный учет реальных нужд конкретных семей. Представители MST и других аграрных движений утверждают, что отсутствие экономических ресурсов и неудовлетворительная техническая поддержка (либо полное отсутствие таковой) приводят к тому, что кредиты чаще всего неправильно распределяются и неэффективно используются, увеличивая тем самым размеры долга, который семьи в поселениях не имеют возможности

выплатить. В связи с этим MST и другие аграрные движения продолжают лоббировать создание новой линии кредитования этих семей.

Ассигнования на развитие семейного фермерства после 2003 года выросли вчетверо. Частью правительственной поддержки коммерциализации производства семейных ферм также являются Программа приобретения продовольствия (РАА) и Национальная программа школьного питания (PNAE) (Mattei, 2012), поскольку общественные закупки способствуют реализации программы институциональных рынков. Созданная в 2003 году, поддерживаемая MDA и ресурсами, которые направляет Министерство социального развития (MDS), РАА задумывалась как программа «прямого маркетинга», которая создавала бы возможности для роста доходов семейных фермеров и стимулы для местного производства и потребления продовольствия (Grisa, Porto, 2015). Национальная компания снабжения (Conab) как исполнительная структура федерального правительства должна была подписывать контракт на закупки с ассоциацией семейных фермеров, по которому и приобреталась бы продукция хозяйств — участников ассоциации. Ежедельно семейные фермы поставляли бы продовольствие напрямую неправительственным организациям или органам местной администрации, в чьи функции входит помощь семьям в ситуации нарушения продовольственной безопасности. Conab должна была расплачиваться с фермерской ассоциацией ежемесячно по получении средств от приобретателей продовольствия или из дотаций (форма социального контроля за такого рода контрактацией) (Grisa, Porto, 2015).

PNAE существует с 1955 года, однако изменения в законодательстве 2009 года сделали обязательными по программе закупку у семейных фермеров как минимум 30% продовольствия, предназначенного для государственных начальных школ. В результате федеральное правительство направляет мэриям городов те средства, которые должны быть напрямую использованы для закупок продукции местных семейных фермеров. Основная цель этого законодательного нововведения, которое на деле обернулось изъятием продовольственных контрактов из публичных конкурсных торгов, состояла в том, чтобы не вынуждать семейных фермеров конкурировать с большими компаниями за поставки продовольствия в местные школы¹⁸.

Как утверждают С. Гриса и С.И. Порто, несмотря на очевидную важность РАА, общественные ресурсы, направляемые на осуществление программы, не просто несопоставимы по объему с соответствующими требованиями аграрных социальных движений

18. Для лучшего понимания того, насколько важна программа PRONAF и с какими ограничениями приходится сталкиваться в ее реализации см.: Aquino, Schneider, 2015; о достижениях в рамках РАА и PNAE и о трудностях в их реализации см.: Grisa, Porto, 2015.

последнего десятилетия, они просто несущественны. Ведь в конечном итоге в 2012 году всего лишь 185 тыс. семейных ферм Бразилии (менее 5% от их общего числа) приняли участие в продовольственных поставках по программе РАА (Grisa, Porto, 2015: 169). Это было нечто похожее на «пилотную программу». Однако в 2014 году, несмотря на высокую оценку деятельности, бюджет РАА был жестко урезан, и сегодня в условиях, когда правительство Темера осуществляет дальнейшее сокращение бюджетных затрат, программа фактически не реализуется. Правительства ПТ стремились делать упор на производственные аспекты общественной жизни, избегая тем самым трений со своими политическими союзниками, но все закончилось тем, что ресурсы стали направляться семейным хозяйствам, которые и так прочно стоят на ногах и в состоянии обслуживать задолженность по кредиту (Delgado, 2010). Образу говоря, все произошло по поговорке «деньги к деньгам», т. е. финансирование получали в основном земледельцы, действующие в экспортной парадигме аграрного развития (Mattei, 2012). На финансирование семейных ферм приходится всего 15,5% от тех 187,7 млрд реалов (46,6 млрд долларов США), которые правительство направило на поддержку агробизнеса в 2015 году (MDA, 2015; O Globo, 2016).

Сельские социальные движения столкнулись с необходимостью противостоять ситуации, которую официально принято рассматривать как укоренившуюся и все углубляющуюся тенденцию капитало-интенсивного сельскохозяйственного развития. И это был для них серьезный вызов, особенно если учесть, что это нужно было действовать на фоне рекордных темпов роста показателей производства, который ассоциировался с рекордным профицитом платежного баланса, в условиях резко увеличившегося влияния агробизнеса как на правительство, так и на общество в целом. Экономические проблемы Бразилии последнего времени только усиливают данную политико-экономическую логику, поскольку сельское хозяйство представляет собой одну из очень немногих успешных сфер экономики. По иронии судьбы при обоих президентах этот спор возобновляется в форме ложного противопоставления прежней модели земельной реформы, которую оппоненты критикуют за одержимость идеей как можно большему числу нуждающихся раздать экспроприированные земли, и новой модели, ориентированной на качество и отдающей приоритет тем сельским поселениям, которые демонстрируют экономическую устойчивость. Теперь часто употребляется выражение «аграрная реформа качества», которое поддерживает новую модель, дискредитируя прежнюю (Carvalho, 2013; Hackbart, 2006).

Весьма ярко это проявилось в риторике Жилберто Карвалю (Gilberto Carvalho), бывшего ответственного министра администрации президента. Он сравнил поселения в рамках прежней земельной реформы с «сельскими трущобами» (Carvalho, 2013) и дал сле-

дующий комментарий: «Президент Дилма нажала на тормоз в этом процессе, чтобы попытаться “переосмыслить” проблему земельной реформы, и с этого момента мы должны действительно задуматься о типах поселений, которые следует поощрять». Реальность, однако, состоит в том, что количественный и качественный подходы должны применяться в сочетании. Экспроприация земли бесполезна — даже контрпродуктивна, — если уровень жизни выгодоприобретателей в дальнейшем опускается до такой отметки, когда они вдруг понимают, что вынуждены либо продать свою землю, либо, в некоторых случаях, попросту бросить ее — процесс, который может обернуться новой концентрацией земельной собственности. В равной мере верно и то, что «земельная реформа качества», если она не подразумевает экспроприацию земли в значительном масштабе и не направлена на обуздание вопиющего неравенства в распределении, не может называться реформой.

В той ситуации, когда президент Дилма притормозила земельную экспроприацию с целью «переосмыслить» свою программу аграрной политики, проблемы взаимодействия социальных движений с правительством стали чрезвычайно острыми, чтобы не сказать вопиющими. На самом деле правительство хотело бы поощрять те или иные секторы (семейное фермерство), отодвигая при этом в сторону земельную реформу как проект. Это сложная картина. Хотя успехи президента Руссефф в области земельной экспроприации более чем скромны, ее правительство действительно направляло значительные общественные ресурсы на улучшение положения существующих поселений, запустив в 2013 году Национальную программу поддержки индустриализации в аграрном реформировании и программу «Terra Forte», пилотный проект, которой относится еще к 2009 году. Обе программы финансировались из средств BNDES, Banco do Brasil, MDA, INCRA. Дж. П. Стедиль подчеркивает, что эти программы давали возможность увеличивать добавленную стоимость сельскохозяйственной продукции, обуславливая тем самым рост доходов поселенцев и создавая занятость вне фермерского производства. При этом последняя программа потребовала особых профессиональных навыков, отвлекая молодежь от труда на земле (Stedile, 2013).

Трудности мобилизации: социально-экономические изменения и криминализация аграрных движений

Как отмечалось выше, быстрое и стабильное расширение сектора бразильской экономики, связанное с агробизнесом, имело негативные последствия для осуществления земельной реформы (Fernandes, 2015). Превращение Бразилии в аграрную экспортирующую сверхдержаву разжигало реальный и спекулятивный спрос на землю, увеличивая ее цену и ограничивая государству возможности для нало-

гового маневра (Delgado, 2010). По ряду причин число безземельных семей, размещенных в лагерях и ожидающих поселения на земле, все время существенно снижалось (Fernandes, 2015). Одной из причин, как ни парадоксально, была программа государственной помощи Bolsa Familia, реализация которой сокращала количество сторонников лагерных поселений на захваченной земле (Hall, 2008).

Дж. Петрас полагает, что такое сокращение есть следствие ситуации, когда деятели партии, опирающейся на социальные движения, занимают высшие эшелоны власти, и руководство движений стремится как-то сдерживать, демобилизовать своих собственных сторонников в обмен на политическую, финансовую, законодательную и административную поддержку (Petras, 2008). Можно спорить о том, какие масштабы принимает данное явление, но то, что оно существует и что в принципе активизм социальных движений идет на спад, не вызывает сомнения. Основным предметом споров оказываются конкретные причины этого спада и уроки, которые могут быть извлечены. Является ли спад результатом глубоких структурных изменений или следствием случайных и временных обстоятельств? Существует анекдотическое предположение, что проблемы, с которыми столкнулась сегодня борьба за землю, проистекают из изменений в классовой структуре бразильского общества, в той или иной мере вызванных социально-экономической политикой перераспределений (ведущей к улучшению структуры распределения доходов), созданием новых рабочих мест, повышением минимальной заработной платы (Branford, 2010; Fernandes, 2015). Исследователи полагают, что все это в целом отнюдь не способствует усилению тяги безземельных работников к мобилизации в борьбе за земельную реформу.

Многие безземельные работники нашли для себя временное трудоустройство в строительстве — в особенности в ходе реализации правительством больших инфраструктурных проектов, связанных с проведением Мирового футбольного чемпионата (2014) и Олимпийских игр (2016). Параллельно осуществлялась Программа ускорения роста (РАС), развернутая в 2007 году, которая предусматривала удвоение общественных инвестиций в инфраструктуру с 1,62% ВВП в 2006 г. до 3,27% в 2010 г., что создавало 8,2 млн рабочих мест (Ministerio do Planejamento, 2015). Программа жилищного строительства Minha Casa, Minha Vida также известна своим существенным вкладом в рост уровня занятости как в строительном секторе экономики, так и вне его, обусловившим рост ВВП (Goncalves, Dutra, Lopes, Rodrigues, 2014).

Очевидно, что такие альтернативы имеют ограниченный срок жизни. Однако если смотреть с точки зрения роста минимальной зарплаты или показателей занятости, то прогресс выглядит поразительным и на удивление стабильным (Neri, 2011). С 2003 по 2010 год минимальная заработная плата выросла на 81% даже с учетом инфляции. Что касается формальных показателей по экономи-

ке Бразилии, за тот же период занятость в ней увеличилась более чем на 15 млн (ILO/OECD, 2011). Некоторые аналитики (Neri, Melo, Monte, 2012) полагают, что все эти процессы в совокупности привели к возникновению «нового среднего класса». В других исследованиях отмечается, что «52% хозяйств бразильцев можно отнести сегодня в “среднему классу”, что отражает рост на 22% по сравнению с 2004 годом» (ILO/OECD, 2011: 2). Даже если предположить, что такой взгляд раздвигает рамки определения среднего класса (Neri et al., 2012) слишком широко (относя к этой категории людей, выбившихся из абсолютной нужды в состояние относительной бедности¹⁹), общая тенденция тем не менее весьма примечательна. Из разных источников информации можно сделать отчетливый вывод о том, что перераспределительная политика имела своими последствиями не только перераспределение доходов, но также и изменения в структуре занятости (Hall, 2008). Это в особенности касается некоторых наиболее уязвимых социальных групп, в том числе и той группы, от которой MST и другие аграрные движения традиционно получали поддержку в борьбе за земельную реформу.

Анализируя программы прямого целевого денежного субсидирования Bolsa Familia, широко популярные (и широко критикуемые) во времена правления президента Лула, А. Холл указывает на заметное снижение с 2003 по 2005 год (на 19%) числа людей, живущих на уровне абсолютной бедности. Однако он отмечает и то распространенное мнение, «что успех Bolsa Familia, помощь по которой доходила до самых бедных слоев населения, обернулся тем, что земельные экспроприации, которые осуществляло движение MST, за время работы первого правительства президента Лулы сократились на треть» (Hall, 2008: 809). И хотя Холл не показал, по каким методикам он это рассчитал, многие полагают (Neri et al., 2012), что социальная поддержка правительства на самом деле имела одним из последствий то, что некоторые из беднейших семей стали обращаться к альтернативной стратегии выживания, все чаще стремясь избегать тех рисков и той неопределенности, которые связаны с политикой земельного захвата.

Угрозы, которые таит социально-экономическое развитие для сельских социальных движений, серьезны. Однако куда более существенны хорошо организованные политические действия, направленные на то, чтобы придать этим движениям незаконный, криминальный характер. Нет ничего нового в том, что землевладельцы жестко реагируют на земельные претензии движений, как и в том, что государство во многих случаях полагает, что это «дело полиции» (Porto-Goncalves, Cuin, 2014). Правящие классы всегда были нетерпимы к народным организациям, отказывающимся от сотру-

19. По вопросу об отнесении людей к новой классовой категории Дж. П. Вогарт отмечает, что эта цифра в 52% фактически ставит знак равенства между месячным заработком в 625 и 2700 долларов США (Wogart, 2010).

ничества, и к их деятельности по мобилизации масс. Но в президентство Лулы администрация категорически отказывалась санкционировать репрессии в связи с разными формами борьбы народа за землю (Meszaros, 2010).

Взаимоотношения между правительствами ПТ и сельскими движениями и сельскими организациями скорее характеризовались диалогом, нежели криминализацией, поскольку администрация была не склонна усматривать в мобилизационной деятельности движений, в их требованиях и случаях захватов земли «дело полиции» (Carter, 2010; Meszaros, 2010), как это бывало при прежних правительствах. В значительной мере такой диалог стал результатом исторических связей и совместной борьбы ПТ и аграрных движений за демократизацию Бразилии в 1980-е годы, и Дж. Мартинс напрасно интерпретирует данную ситуацию как политизацию борьбы за землю (Martins, 2002). Эти исторические связи и диалог, а также политические требования и мобилизации сформировали ту логику аграрной политики администрации Лулы, что нашла свое выражение во Втором национальном плане аграрной реформы — II PNRA (Branford, 2010).

Это был решительный разрыв с наследием прошлого, но это была и причина напряженности в отношениях с правыми союзниками по правительственному блоку. Когда землевладельцы осознали необратимость изменения, они поменяли тактику борьбы и стали использовать в ней новые инструменты, а именно — законодательство и научные исследования. Теперь они стремились к достижению прежней цели посредством криминализации лидеров движений, самих движений и их социальных требований. Для этого требовалось убедить общественность при помощи медиа и других средств воздействия в том, что все эти организации, их деятельность незаконны, а их лидеры запятнаны криминалом. В противодействии административной поддержке движений использовались и законодательные инструменты, о чем свидетельствуют судебные тяжбы и против INCRA и против Национального фонда индейцев (FUNAI) (Sauer, Souza, 2014).

За период деятельности правительств, сформированных ПТ, на смену тактике грубой силы (будь то полиция или военизированные формирования) и прямого насилия (убийства, угрозы смертью, насильственное выдворение и т. д.) приходят более изощренные легальные механизмы, при помощи которых деятельность социальных движений можно относить к разряду уголовно наказуемых деяний; репертуар обвинений при этом разнообразен (Meszaros, 2013). Их диапазон простирается от посягательства на собственность, преступного сговора и незаконного владения оружием до незаконного использования общественных фондов и причинения ущерба собственности в ходе захватов и других публичных акций. Все это очень серьезно, поскольку подрывает народную борьбу, ставит под сомнение ее законность и эффективность, пред-

С. Зауэр,

Дж. Меззарос

Борьба за землю
во времена правления
Бразильской
партии трудящихся

ставляет ее как «преступные» деяния, злостно чинимые «агитаторами», которые действуют на грани закона и порядка. Снижается политическая мощь движений, ограничивается их возможность опираться на солидарность со стороны других слоев населения (Sauer, Souza, 2014).

В качестве основных акторов этого процесса криминализации выступают Сельский блок (Ruralist Block) в парламенте, подразделения Общественного министерства (возглавляющего прокурорский надзор) и лично судьи (Meszaros, 2013), равно как и Федеральный аудиторский суд (TCU), разбирающий общественные тяжбы. Деятельность всех этих структур по соблюдению законодательства налагает отчетливый отпечаток незаконности на действия левых социальных движений (Sauer, Souza, 2014).

Сельский блок в Конгрессе взял на себя главную роль по криминализации народной борьбы и блокированию любого значимого политического завоевания социальных движений. Парламентарии из этой группы использовали разнообразные процедурные механизмы, включая создание парламентских комиссий по расследованию (CPI). Начало практике криминализации было положено созданием в 2003 году такой комиссии по земле. Помимо сбора улик и информации комиссия занялась всякого рода иной деятельностью: публичные слушания, вызов на комиссию лидеров движений, приостановление банковской тайны и тщательное изучение банковских счетов аграрных движений. Хотя целью комиссии было заявлено изучение деятельности движений в целом, на самом деле ее члены занялись целенаправленной криминализацией прежде всего MST (Sauer, Souza, 2014). Окончательная версия доклада комиссии содержит мощную риторику, на которой потом выстраивалась вся идеология криминализации. В документе захват земли представлен в качестве одного из серьезнейших уголовных преступлений — как «гнусное, чудовищное преступление», «террористический акт». О MST там говорится как об организации, выродившейся в политико-идеологическое движение, стратегия которого сродни стратегии международного терроризма.

Эта парламентская комиссия по земле завершила свою работу в ноябре 2005 года, что по времени совпадает с резким сокращением захватов земли со стороны социальных движений, равно как и правительственных вторжений в поземельные отношения. Захваты пошли на спад после 2005 года, а в следующем году наблюдалось сокращение количества семей, которые поселялись правительством (CPT, 2015; INCRA, 2014; NERA, 2012). Это совпадение вряд ли можно объяснить результатом действия всех факторов; оно же, в свою очередь, вряд ли объяснит, почему в правление Лулы «аграрная реформа не стала приоритетом» (Mattei, 2012: 307). Однако оно вполне может послужить косвенным доказательством того, насколько эффективной оказалась политика криминализации, в особенности в качестве средства предотвращения мобилизаций, про-

водимых социальными движениями, и средства давления на эти движения.

Процесс криминализации не прекратился с завершением работы комиссии в 2005 году. Проводимые ею расследования были переданы в Федеральный аудиторский суд (TCU), который инициировал десятки дел, подорвавших возможности MST. А опыт работы CPI по земле пригодился при создании в 2007 году комиссий по неправительственным организациям и «по расследованию деятельности MST» в 2009 году. Эти расследования были прямо связаны с обвинениями в нецелевом расходовании общественных фондов, включая «тайное финансирование» и «источники финансирования земельных захватов» (Sauer, Souza, 2014). Раскручивание публичной полемики по вопросу об использовании общественных ресурсов составляло важную сторону политики криминализации (Sauer, 2009). Дела по расследованию неправильного расходования средств были важны сами по себе, однако они составляли еще и хороший повод для приостановления тайны банковских вкладов с тщательным аудитом счетов аграрного движения²⁰.

Помимо того что эта деятельность TCU была направлена на обнаружение случаев нарушения закона, она еще и предельно затрудняла или вообще делала невозможным направление государственных средств на нужды народных организаций и социальных движений²¹. Со своей стороны, некоторые идеологически мотивированные подразделения Общественного министерства (возглавляющего прокурорский надзор) повели энергичное расследование деятельности активистов движений (Meszaros, 2013). Как отмечалось выше, помимо необходимости поиска защиты в судах, распылявшей энергию руководителей и ресурсы движений, ослаблявшей тем самым их внутреннюю сплоченность, вся эта судебная возня, связанная с их криминализацией, придавала движениям имидж чего-то незаконного в общественном восприятии²². Это ограничивало

С. Зауэр,

Дж. Меззарос

Борьба за землю
во времена правления
Бразильской
партии трудящихся

20. Сельским социальным движениям приходилось предпринимать дорогостоящие усилия, чтобы защитить себя в финансовой и политической сферах, но в результате они столкнулись и с другими трудностями: бюрократические проволочки с предоставлением счетов и обоснование необходимости «создания структур контроля» (Gohn, 2010: 340), возложение частичной ответственности за реализацию проектов на общественных служащих и т.п. как непереносимые условия для изучения деятельности общественных фондов. Все это создавало дополнительные трудности, в особенности в работе с низовыми организациями (Meszaros, 2013).

21. В развитие этого в ноябре 2015 года Палата представителей создает еще одну комиссию для расследования деятельности Национального индейского фонда (Funai) и INCRA. В качестве основной задачи предполагалось изучение доступа руководства аграрного и индейского движений к средствам общественных фондов.

22. Даже организованная MST национальная школа (Escola Florestan Fernandes — EFF) ассоциировалась с криминалом — пусть даже и клеветнически. 4 ноября 2016 года полиция ворвалась в EFF и вела стрельбу бое-

возможности укрепления сплоченности движений за счет внешних ресурсов (Sauer, Souza, 2014). Все эти факторы и процессы негативно сказывались на способности аграрных движений объединять силы и возможности в целях давления на правительство для осуществления аграрной политики, реализации аграрных программ.

Как резонно отмечает Б.М. Фернандес, «земельная реформа в Бразилии следует по стопам земельных захватов» под давлением социальных движений (Fernandes, 2015: 175). В силу разнообразных и противоречивых причин аграрные социальные движения в значительной мере растеряли свою «сплачивающую мощь», т. е. способность заставить правительства не останавливаться перед реализацией конфликтных вариантов проведения земельной реформы — прежде всего экспроприации и создания новых поселений. Основной акцент в деятельности правительств перенесен на сельскохозяйственное развитие (поддержка агробизнеса, кредитная помощь семейным фермам), а в результате достижения в области реализации аграрных программ и осуществления земельной реформы минимальны.

Заключение

Бразильские средства массовой информации преуспели в изображении земельной реформы как безнадежно устаревшей — и экономически (препятствие для финансового и более широкого экономического развития), и политически (нагромождение «обломков прежних идеологических заблуждений»). Упирая на техническую модернизацию сельского хозяйства, такие нарративы намеренно обходят тот факт, что в Бразилии продолжает существовать крайне неравномерное и несправедливое распределение земли, земли не хватает миллионам сограждан, а в сельских регионах преобладает крайняя бедность.

При правительствах, создававшихся ПТ, шла борьба за землю, на экспроприированных землях действительно создавались поселения, однако аграрная политика этих правительств оставила мрачную память, поскольку альтернатива земельной концентрации фактически так и не найдена. Доступ к земле был предоставлен сотням тысяч семей, и это остается одним из главных партийных достижений по земельной реформе, однако этого явно недостаточно. Электоральные союзы с представителями агробизнеса, для которых

выми патронами под предлогом необходимости ареста «боевиков MST». То обстоятельство, что методы задержания были незаконными, а предполагаемые преступники так и не нашлись, в каком-то смысле не столь важно. Это было одно из проявлений криминализации — просто обвинить EFF в том, что такой вариант сокрытия преступников вполне возможен, шумно отыскивая криминал там, где его никогда не было.

были неприемлемы идеи земельного перераспределения и признания территориальных прав, обесценивали эти достижения и приводили к неоднозначным результатам. Партийные правительства при обоих президентах — и Лулы, и Дилмы — делали упор на экономические программы, вроде помощи небольшим семейным фермам, параллельно оказывая непропорционально большую поддержку агробизнесу. Катя Абро, назначенная на пост министра сельского хозяйства, является живым примером того, что переизбрание Дилмы Руссефф в 2014 году лишь укрепило этот негативный статус-кво. И хотя приход к власти Майкла Темера заморозил вопрос о земельной реформе на обозримое будущее, возможности серьезного земельного реформирования жестко ограничивались уже при последовательно сменявших друг друга администрациях ПТ.

Какое же место отводится в этом негативном сценарии сельской борьбе? На текущий момент социальные движения менее поляризованы, и с учетом массы нюансов понятна в основном их оборонительная тактика. Один из ведущих идеологов MST Дж. П. Стедиль в своем интервью в 2011 году высказал предположение, что классическая аграрная реформа, типичная для Северного полушария, в ходе которой происходит перераспределение земли, демократизация земельных отношений и создается внутренний рынок как основа индустриализации, в бразильском случае оказалась вне повестки дня, поскольку препятствующие такому сценарию силы обладают невероятной властью. Но это не означает, что социальных условий для перераспределения более не существует: 4 млн семей могли бы оказаться в выигрыше, если бы INCRA удалось перераспределить земли 66 тыс. агрохолдингов, в которых, по оценкам этой организации, 175 млн га используются непродуктивно. Даже если у правительства отсутствует аналогичный взгляд на эти вещи, все равно, утверждает Стедиль, «народная земельная реформа» необходима: «Помимо экспроприации больших непродуктивных поместий, необходимо организовать сельскохозяйственное производство по-новому. Мы отстаиваем политику, направленную на производство продуктов питания. Здоровых продуктов питания без химикатов» (Stedile, 2013).

Альтернатива теперешнему состоянию дел состоит в том, чтобы активизировать работу по созданию союзов аграрных движений, что даст рычаги влияния на власть. Актуальность проблемы консолидации ослабленной мощи движений сегодня широко признается их руководством. Нарастающее ощущение, что срочно нужно делать что-то новое, вылилось в организацию общенационального собрания сельских, индейских и аграрных движений в августе 2012 года. Намерение состояло именно в том, чтобы как-то стимулировать создание единого фронта в решении важнейших вопросов, включая и земельную реформу (Encontro, 2012). Другим направлением деятельности определено усиление союзов с городскими рабочими и другими социальными группами городов. Однако, учитывая слабость движения промышленных рабочих в Бразилии в послед-

нее время, политическая сила и даже сама возможность подобных союзов остаются под большим вопросом.

Т. Дженро утверждает, что метод прямого действия имеет исторические ограничения, т. е. применение его связано с ситуацией авторитаризма, в которой прибегать к другим методам затруднительно: «В демократическом государстве более эффективными представляются политическое давление, убеждение, переговоры» (Genro, 2010). Но опыт борьбы за осуществление земельной реформы показывает, что эффективность именно давления, убеждения и переговоров вызывает сомнения, поскольку формируемые ПТ правительства сами же заблокировали возможность содержательного диалога, вручив ключевые аспекты текущей политики, связанные с вопросами структурного реформирования, оппонентам земельной реформы. Это привело к росту напряженности внутри сельских движений. Критики, в том числе и внутри MST, пытаются анализировать стратегию и перспективы движений. Общий вывод таков, что сельским движениям в целом не удалось реализовать эффективную стратегию, и в результате они оказались в оборонительной позиции.

Теперь им приходится переосмысливать свое стратегическое направление в ситуации, когда ПТ существенно ослаблена, а новое правительство отвергает земельную реформу и, опираясь на поддержку со стороны Сельского блока (Ruralist Bloc), продолжает придерживаться тактики, когда борьба за землю выводится за рамки закона. Однако, следуя упомянутой выше логике Дженро (Genro, 2010), нет ничего невероятного в том, что одним из факторов восстановления влияния аграрных движений и их способности к сплочению может стать авторитаризм правительства Темера, при котором демократические возможности и альтернативы социально-экономической политики пресекаются.

В заключение хотелось бы подчеркнуть, что факторы, связанные с самими сельскими движениями (к примеру, как организовано и каким образом мотивируется сельское население) и с многообразным взаимодействием этих движений с правительствами ПТ, не исчерпывают причин, по которым происходит резкое падение силы и мощи движений. Внешние социальные и экономические факторы, среди которых следует упомянуть весьма негативное пропагандистское освещение мобилизационной стратегии движений, также сыграли в этом не последнюю роль. Сельские социальные движения приспособляются ко всем этим меняющимся условиям игры с большим трудом. Сегодня уже больше не стоит вопрос о том, какими способами нужно поддерживать непростые взаимоотношения с партией и сформированными ею правительствами, которые, основываясь на широких политических альянсах, декларировали слишком многообразные цели и задачи. Вопрос, что же делать теперь — когда время сформированных ПТ правительств ушло в прошлое.

Перевод с англ. В.В. Бабашкина

- Aquino J.R., Schneider S. (2015) O Pronaf e o desenvolvimento rural brasileiro: avancos, contradicoes e desafios para o future. C. Grisa, S Shneider (Eds.), *Políticas públicas de desenvolvimento rural no Brasil*, Porto Alegre: UFRGS, pp. 53-81.
- Baletti B. (2014) Saving the Amazon? Sustainable soy and the new extractivism. *Environment and Planning A*, vol. 46, pp. 5-25.
- Boito A. Jr. (2015) *A crise brasileira*, Joao Pessoa: (unpublished) UFPB.
- Boito A.Jr., Berringer T. (2014) Social classes, neo-developmentalism, and Brazilian foreign policy under presidents Lula and Dilma. *Latin American Perspectives*, vol. 41, pp. 94-109.
- Borras S.Jr., Hall R., Scoones I., White B., Wolford W. (2011) Towards a better understanding of global land grabbing: An editorial introduction. *Journal of Peasant Studies*, vol. 38, no 2, pp. 209-216.
- Branford S. (2010) Lidando com governos: o MST e as administracoes de Cardoso e Lula. M. Carter (Ed.), *Combatendo a desigualdade social — o MST e a reforma agrarian no Brasil*, Sao Paulo: Ediora UNESP, pp. 409-431.
- Carter M. (2010) Landless rural workers movement and democracy in Brazil. *Latin America Research Review*, no 45 (special issue), pp. 186-217.
- Carvalho G. (2013) Política agrarian federal criou “favelas rurais” diz ministro. Folha de Sao Paulo, February, 9, <http://www1.folha.uol.com.br/poder/1228574-politica-agraria-federal-criou-favelas-rurais-diz-ministro.shtml>
- CPT (Comissao Pastoral da Terra) (2015) *Conflitos no Campo — Brasil 2014*, Goiania: CPT nacional.
- Deere C.D., Medeiros L.S. (2008) Agrarian reform and poverty reduction: Lessons from Brazil. A.H. Akram-Lodhi, S.M. Borras, Jr. Kay, C. Kay (Eds.), *Land, poverty and livelihoods in an era of globalization: Perspectives from developing and transition countries*, London: Routledge, pp. 80-118.
- Delgado G.C. (2013) Economia do agronegocio (anos 2000) como pacto do poder com os donos da terra. *Revista Reforma Agraria*, Brasilia: ABRA. Special edition, pp. 61-71.
- Delgado N.G. (2010) O papel do rural no desenvolvimento nacional: Da modernizacao conservadora dos anos 1970 ao governo Lula. Ministerio do Desenvolvimento Agrario. *Brasil rural em debate*, CONDRAF/MDA: Brasilia, pp. 28-78
- Encontro (Encontro Unitario dos Trabalhadores e Trabalhadoras Rurais, Povos do Campo, das Aguas e das Florestas) (2012) Declaracao final. Brasilia. <http://www.encontrouнитарio.wordpress.com/2012/08/22/declaracao-do-encontro-nacional-unitario-dos-trabalhadores-e-trabalhadoras-e-povos-do-campo-das-aguas-e-das-florestas/>
- Fernandes B.M. (2015) Reforma agraria no Brasil, para alem de um projeto: Uma luta permanente. M.A. Mitidiero, Jr. M.F. Garcia, P.C.G. Viana (Eds.). *A questao agrarian no seculo XXI: Escalas, dinamicas e conflitos territoriais*, Sao Paulo: Outras Expressoes, pp. 154-179.
- FNRA (Forum Nacional pela Reforma Agraria e Justica no Campo) (2003) *Carta da Terra: Em defesa da reforma agrarian e da agricultura familiar*. Brasilia. <http://www.rebelion.org/hemeroteca/brasil/030603terra.htm>
- Foweraker J. (2001) Grassroots movements and political activism in Latin America: A critical comparison of Chile and Brazil. *Journal of Latin American Studies*, vol. 33, no 4, pp. 839-865.
- Frayssinet F. (2011) Q & a: Investing in the fight against hunger brings extraordinary returns. *Interpress Service*, December 8. Reviewed June, 15, 2016 from <http://www.ipsnews.net/2011/12qa-investing-in-the-fight-against-hunger-brings-extraordinary-returns/>
- Genro T. (2004) *Esquerda em Processo*, Petropolis: Vozes.
- Genro T. (2010) Tarso elogia mudanca de estrategia do MST. Estado de Sao Paulo, January, 27. <http://www.estadao.com.br/noticias/nacional.tarso-elogia-mudanca-de-estrategia-do-mst.502535.o.htm>

С. Заур,
Дж. Месзарос
Борьба за землю
во времена прав-
ления Бразильской
партии трудящихся

- Gohn M.G. (2010) Movimentos sociais na contemporaneidade. *Revista brasileira de educaçao*, vol. 16, no 47, pp. 333-513.
- Gonsalves C.A.Jr., Dutra R.L., Lopes R.L., Rodrigues R.L. (2014) O impacto do Programa Minha Casa, Minha Vida na economia brasileira: Uma análise de um sumo produto. *Ambiente Construido*, Porto Alegre 14 (1), pp. 177-189. <http://www.seer.ufgrs.br/index.php/ambienteconstruido/article/view/42612/28757>
- Grisa C., Porto S.I. (2015) Dez anos de PAA: As contribuicoes e os desafios para o desenvolvimento rural. C. Grisa, S. Shneider (Eds.), *Políticas públicas de desenvolvimento rural no Brasil*, Porto Alegre: UFRGS, pp. 155-180
- Hackbart R. (2006) INCRA busca qualidade para assentamentos. *Agencia Brasil*, January, 31. <http://www.memoria.ebs.com.br/agenciabrasil/noticia/2006-01-31/incra-busca-qualidade-para-assentamentos-diz-hackbart>
- Hall A. (2008) Brazil's *Bolsa Familia*: A double-edged sword? *Development and Change*, vol. 39, no 5, pp. 808-809.
- Hecht S.B. (2005) Soybeans, development and conservation on the Amazon frontier. *Development and Change*, vol. 36, no 2, pp. 375-404.
- IBGE (Instituto Brasileiro de Geografia e Estatística) (2009) *Censo Agropecuario 2006*. Rio de Janeiro: IBGE. ftp://ftp.ibge.gov.br/Censos/Censo_Agropecuario_2006/brasil_2006
- ILO/OECD (2011) G20 country policy briefs: Brazil. Paris. <http://www.oecd.org/els/48723896.pdfSeptember>
- INCRA (Instituto Nacional de Colonizacão e Reforma Agrária) (2009). *II Plano Nacional de Reforma Agrária: Paz, produçao e qualidade de vida no meio rural*, Brasília: MDA.
- INCRA (Instituto Nacional de Colonizacão e Reforma Agrária) (2014) Assentamentos de trabalhadores rurais (official data), Brasília: Diretoria de Obtençao de Terras (DT), INCRA. http://www.incra.gov.br/sites/default/files/uploads/reforma-agraria/questao-agraria/reforma-agraria/familias_assentadas_serie_historica_incra_mar2014.pdf
- Kingston P. (2012) Brazil's reliance on commodity exports threatens its medium — long-term growth prospects. *Americas Quarterly*, summer. <http://www.americasquarterly.org/kingstone>
- Levy C. (2012) Social movements and political parties in Brazil: Expanding democracy, the “struggle for the possible” and the reproduction of power structures. *Globalisations*, vol. 9, no 6, pp. 783-798.
- Martins J.S. (1994) *O poder do atraso: Ensaio de sociologia da historia lenta*, Sao Paulo: Hucitec.
- Martins J.S. (1997) A questao agraria brasileira e o papel do MST. J.P. Stedile (Ed.) *A reforma agraria e a luta do MST*, Petropolis: Vozes, pp. 11-30.
- Martins J.S. (2002) Representing the peasantry? Struggles for/about land in Brazil. *Journal of Peasant Studies*, vol. 29, no 3-4, pp. 300-335.
- Mattei L. (2005) *Impactos do Pronaf: Analise de indicadores*, Brasília: Ministerio do Desenvolvimento Agrario, MDA/NEAD.
- Mattei L. (2012) A reforma agraria brasileira: evoluçao do numero de familias assentadas no periodo pos-democratizacão do pais. *Estudos Sociedade e Agricultura*, vol. 20, no 1, pp. 301-325.
- MDA (Ministerio do Desenvolvimento Agrario) (2015) PRONAF 2014/2015 fecha com R\$ 237,9 bilhões contratados para custeio e investimento na agricultura familiar. Brasília. <http://www.mda.gov.br/sitemda/noticias/prinaf-2014-2015-fecha-com-r-239-bilhoes-contratados-para-custeio-e-investimento-na>
- Meszaros G. (2010) O MST e o estado de direito no Brasil. M. Carter (Ed.), *Combatendo a desigualdade social — o MST e a reforma agrarian no Brasil*, Sao Paulo: Editora UNESP, pp. 433-459
- Meszaros G. (2013) *Social movements, law and the politics of land reform: Lessons from Brazil*, Abingdon: Routledge.
- Ministerio do Planejamento (2015) Sobre o PAC. Brasília. <http://www.pacgov.br/sobre-o-pac>

- NERA (Nucleo de Estudos, Pesquisas e Projetos de Reforma Agraria). (2012) *Banco de dados da luta pela terra: Relatório Dataluta Brasil 2011*. Presidente Prudente, Sao Paulo: FCT-UNESP, October.
- Neri M.C. (2011) The decade of falling income inequality and formal employment generation in Brazil. *Tackling inequalities in Brazil, China, India and South Africa: The role of labour market and social policies*, Paris: Publishing, pp. 57-107. http://www.keepeek.com/Digital-Asset-Management/oecd/social-issues-migration-health/tackling-inequalities-in-brazil-china-india-and-south-africa-2010_9789264088368-enOECD
- Neri M.C., Melo L.C.C., Monte S.R.S. (2012) *Superacao da pobreza e a nova classe media no campo*, Rio de Janeiro: Edit. FGV.
- O Globo (2016) *Temer acena com agrados para a bancada ruralista, setor anti-Dilma*, Rio de Janeiro: Agencia O Globo, July 12.
- Petras J. (2008) Social movements and alliance-building in Latin America. *Journal of Peasant Studies*, vol. 35, no 3, pp. 475-528.
- Petras J., Veltmeyer H. (2001) Are Latin American peasant movements still a force for change? Some new paradigms revisited. *Journal of Peasant Studies*, vol. 28, no 2, pp. 83-118.
- Porto-Goncalves C.W., Cuin D.P. (2014) Geografia dos conflitos por terra no Brasil: Expropriacao, violencia e r-existencia. *Conflitos no campo — Brasil 2013*, Goiania: CPT nacional, pp. 18-26
- PT (Partido dos Trabalhadores) (1989) Programa agrario: 6 Encontro Nacional. <http://www.fra.org.br/o-que-fazemos/memoria-e-istoria/documentos-historicos/programas-de-governo-pt>
- Sader E. (2003) *A vinganca da historia*, Sao Paulo: Boitempo.
- Sauer S. (2009) Market-led agrarian reform in Brazil: The costs of an illusory future. *Progress in Development Studies*, vol. 9, no 2, pp.127-140.
- Sauer S. (2010) *Terra e modernidade: A reinvencao do campo brasileiro*, Sao Paulo: Expressao Popular.
- Sauer S. (2017) Rural Brazil during the Lula administrations: Agreements with agribusiness and disputes in agrarian policy. *Latin American Perspectives*. <http://journals.sagepub.com/doi/full/10.1177/094582X16685176>
- Sauer S., Franca F.C. (2012)Codigo Florestal, funcao socioambiental da terra e soberanea alimentar. *Caderno CRN*, Salvador, vol. 25, no 65, pp. 285-307.
- Sauer S., Leite S.P. (2012) Agrarian structure, foreign investment in land, and land prices in Brazil. *Journal of Peasant Studies*, vol. 39, no 3-4, pp. 873-898.
- Sauer S., Souza M.R. (2014) Estado democratico de direito e movimentos sociais: Criminalizacao e legitimidade do MST. Maniglia (Ed.). *50 anos do Estatuto da Terra: 25 anos de direito agrario na UNESP*, Sao Paulo: Cultura Academica, pp. 595-630
- Silva L.I. Lula da (2002) *Carta ao povo brasileiro*, Sao Paulo, July 22.
- Stedile J.P. (2013) Reforma agrarian esta travada. *Stedile AO 247*, February, 4. <http://www.brasil247.com/pt/brasil/92605/>
- Stedile J.P., Fernandes B.M. (1999) *Brava gente: A trajetoria do MST e a luta pela terra no Brasil*, Sao Paulo: Fundacao Perseu Abramo.
- Valor Economico (2015) Exportacoes do agronegocio brasileiro tiveram queda de 3,2% em 2014. *January*, 11. <http://www.valor.com.br/agro/3854660/exportacoes-do-agronegocio-brasileiro-tiveram-queda-de-32-em-2014>
- Vergara-Camus L. (2009) The MST and the EZLN's struggle for land: new forms of peasant rebellions. *Journal of Agrarian Change*, vol. 9, no 3, pp. 365-391.
- Vergara-Camus L. (2013) Rural social movements in Latin America: In the eye of the storm. *Journal of Agrarian Change*, vol. 13, no 4, pp. 590-606.
- Wogart J.P. (2010) Global booms and busts: How is Brazil's middle class faring? *Brazilian Journal of Political Economy*, vol. 30, no 3, pp. 381-400.

С. Зауэр,
Дж. Мессарос
Борьба за землю
во времена прав-
ления Бразильской
партии трудящихся

Sérgio Sauer, PhD (Sociology), Professor, University of Brasilia (UnB). 70.847-080 SQN 406, Bl. H, Apt. 305, Brasilia/DF, Brazil. Email: sauer@unb.br; sauer.sergio@gmail.com

George A. Meszaros, PhD (Sociology), Professor, University of Warwick, School of Law, Coventry CV4 7AL, United Kingdom. E-mail: G.A.Meszaros@warwick.ac.uk

The article considers the state agrarian policy during the presidency of Lula da Silva (2003–2010) and Dilma Rousseff (2011–2016). This policy was controversial: on the one hand, the Workers' Party has always supported land reforms and social movements in the agrarian sphere, but, on the other hand, it began to make political and electoral alliances with large agribusiness. Therefore, more than a decade of generally progressive activities determined only insignificant changes in the implementation of key government programs. In some cases, there were even outright failures such as attempts to expand land expropriation to provide landless family farms with land. The political cycle ended with the collapse of electoral alliances and with the impeachment of Rousseff in 2016, which proved political and tactical failures of the Workers' Party. The article considers government decisions, historical causes of land conflicts, struggles for land and territory, challenges in mobilizing supporters in this struggles. The authors emphasize the content of political discussions (especially under the criminalization of social movements which makes them illegal), economic disputes about the role of agribusiness, and the fierce struggle for land and territorial rights under the progressive governments of the Workers' Party.

Keywords: Brazil, Workers' Party, agrarian reform, rural poverty, social movements, agribusiness

Экология сельского мира как предмет социологического исследования¹

В.Г. Виноградский, О.Я. Виноградская, Е.С. Никулина

Валерий Георгиевич Виноградский, доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Центра аграрных исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. 119571 Москва, пр-т Вернадского, 82. E-mail: vgrape47@yandex.ru

Ольга Яковлевна Виноградская, старший научный сотрудник Центра аграрных исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. 119571 Москва, пр-т Вернадского, 82. E-mail: vgrape58@yandex.ru

Екатерина Сергеевна Никулина, научный сотрудник Центра аграрных исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. 119571 Москва, пр-т Вернадского, 82. E-mail: nikulina@ranepa.ru

Статья посвящена анализу сельской экологической проблематики, взятой в качестве исследовательского социологического поля. В ней обосновывается необходимость инструмента «Опрос экспертного сообщества». Применение в ходе полевого экспедиционного исследования такого опросного инструмента дает возможность выявить, информационно зафиксировать и аналитически проследить ход развития разнообразных экологических практик, свойственных современным сельским жителям, оценить содержание соответствующих инноваций и инициатив как в семейных домохозяйствах, так и на уровне поселения. В статье показана необходимость, кроме заранее утвержденного и прошедшего необходимый в методических целях пилотаж строго экспертного опросника, введения отдельных дополнительных информационно-аналитических кейсов, отвечающих специфике конкретного исследования. В данном случае это блок вопросов, касающихся степени рациональности использования окружающей экологической среды, проблем взаимосвязанности доступных населению природных ресурсов с повседневной деятельностью человека. Таким образом, в статье представлена «проверенная на местности» и в целом результативная методолого-методическая оснащенность экспедиционно-полевых исследовательских процедур, предшествующих углубленному аналитическому рассмотрению экологической проблематики сельских миров.

Ключевые слова: экология, сельский мир, социологическое исследование, качественная методология, неформальные социально-экологические практики, сельские домохозяйства, сельские жители, окружающая природная среда

DOI: 10.22394/2500-1809-2020-5-1-125-142

1. Статья подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта № 18-011-00029.

Сельская экологическая проблематика, взятая в качестве исследовательского социологического поля, на первый взгляд элементарна. Казалось бы, все просто — лес, речка, сенокосы, поля. Но простота эта обманчива, она прячет в себе целый ряд познавательных барьеров, вынуждающих специально настраивать оптику качественной социологии. Опираясь на личный опыт исследований сельских миров — именно *миров* (эта понятийная связка обозначает не столько собственно деревенскую жизненную среду, но и захватывает настроение², саму тональность деятельности сельчан (Виноградский, 2018; Смыслы, 2016), — попробуем описать и истолковать различные мизансцены, которые систематически наблюдает полевой социолог, встраивающийся в экологию сельского мира.

Начнем с того, что методы и процедуры записи, сбора, систематизации и накапливания в соответствующих преданалитических каталогах получаемой в ходе экспедиционных полевых исследований информации всецело и безусловно определяются спецификой носителей экологических практик. В данном случае имеем дело с современными деревенскими домохозяйствами, которые постепенно, но неуклонно эволюционируют из традиционных крестьянских дворов. Этот длительный исторический процесс пока что не закончился, и он ведет в конечном счете к перерождению домохозяйств. Его начало кроется в том историческом времени, когда на селе доминировали коллективные хозяйства (колхозы и совхозы). Иначе говоря, в социологических контактах мы связываемся с представителями сельского населения, которое к настоящему времени не вполне утратило специфические привычки и навыки собственно «дворовых» крестьянских хозяйственных практик. Эти последние всецело определяются особыми формами прикрепления к земле. Очевидно, что эти формы пока еще далеки от индустриальных практик ведения агробизнеса, господствующих, например, в современных агрохолдингах и высокорентабельных фермерских хозяйствах. В практиках взаимодействия с природой, типичных для домохозяйств, господствуют ручной труд, не слишком масштабное и весьма аккуратное (в том числе и по причине дороговизны) применение разнообразных химических препаратов, практически ежедневный контроль состояния приусадебной земли, посевов, персонифицированные формы ухода за домашней скотиной, птицей, приверженность к испытанному годами семенному материалу.

2. В понятийном контексте статьи авторы интерпретируют *настроение* как *настроение мира*. В.В. Библихин в курсе лекций, прочитанном на философском факультете МГУ весной 1989 года, определяет такое настроение следующим образом: «Это не настроение присутствия, словно есть человеческое присутствие и у него есть настроение. Присутствие, пока оно остается собой, и есть настроение. Настроением человек присутствует» (Библихин, 2007: 36-37).

В подобного рода обстановке экологические соображения размыты в типовых хозяйственных технологиях. Это, кроме всего прочего, означает, что осознанно организуемые экологические практики, а также специально нацеленные, рациональные инновации крестьянских домохозяйств можно вычленивать из списка повседневных занятий крестьянина с некоторым усилием.

Дело здесь в том, что, в отличие от стандартных производственно-экономических практик сельских домохозяйств (разведения и содержания сельскохозяйственных животных, различных пород и видов птицы, системы занятий на приусадебном участке, состоящих из подготовки посадочного материала, высаживания в грунт, ухода за посевами, прополки, полива, сбора урожая, переработки продукции и заготовки ее для питания в зимний период, а также работ по поддержанию всего хозяйственного комплекса, строений, сельхозинвентаря, средств механизации, транспортных средств в надлежащем состоянии и т.п.), собственно экологические практики выступают большей частью в качестве малозаметных, фоновых, вспомогательных, лишь сопровождающих систему основных, базовых занятий семейных крестьянских дворов. Для того чтобы увидеть и оценить степень их размаха, необходимо предпринять ряд исследовательских действий, преимущественно методического характера.

Исходя из этого, методики полевого исследования собственно экологических практик должны по необходимости предусматривать общее ознакомление с производственно-экономическим потенциалом каждого конкретного домохозяйства как некой базовой, отправной структуры. Иначе говоря, нужно располагать конкретной информацией о степени мощности каждого, попавшего в выборку, домохозяйства. Однако в последнее время подобного рода подход, довольно исправно работавший пять-десять лет тому назад, начал становиться менее продуктивным, а порой просто неприменим. Дело в том, что современные хозяева крестьянских дворов, более или менее активно занимающиеся ведением подсобного домашнего хозяйства, начали систематически закрывать информацию, которая позволяла судить о масштабах их деятельности. Они опасаются, что вслед за внешне безобидными опросными социологическими процедурами могут появиться неотвратимые экономические, налоговые санкции. Самые искренние уверения социологов в сугубо научных целях опроса начинают все чаще вызывать недоверие, преодолеть которое все труднее, а порой просто невозможно. Разумеется, это связано с той социально-политической атмосферой, которая постепенно возникла в стране к концу десятилетия.

В ходе пилотажных процедур, где оценивалась степень пригодности разработанного опросного инструмента, для преодоления указанных трудностей была выработана следующая стратегия полевого исследования.

Во время первого общения с респондентами следует убедить их, что их домохозяйство отобрано случайно. Действительно, выбор, скажем, каждого десятого по номеру дома хозяйства по каждой нечетной стороне сельской улицы и каждого пятого по четной стороне другой улицы — что подтверждается негласным соседским контролем — дает надежду, что жители поверят в исследовательские, а не фискальные намерения интервьюеров.

Далее, интервьюерам следует демонстрировать, что они всецело доверяют респондентам как осведомленным знатокам изучаемой проблематики. Так, вопросник имеет заглавие «Опрос экспертного сообщества». И этот, именно экспертный, статус респондента раз за разом подтверждается в ходе записи интервью различными знаками внимания; одобрительными и побуждающими репликами-оценками интервьюера. Разумеется, чрезмерно педалировать сигналы собственной доверчивости интервьюер не должен, это может вызвать подозрение в том, что социолог привычно отработывает заданный урок. Уважительное внимание и сочувственное размышление — вот самый краткий перечень эмоций в ходе работы интервьюера.

Указанные на первый взгляд формальные методические моменты достаточно продуктивны. Они предусматривают создание (и, как показывает практика пилотажа, на деле создают) благоприятной обстановки и доверительного диалога, в ходе которого естественно снимается целый ряд коммуникационных барьеров, прежде всего — психологических.

Обратимся к более развернутой характеристике инструмента «Опрос экспертного сообщества». Речь пойдет о структуре и содержательных блоках, перечне вопросов. Здесь же будет представлен краткий методический комментарий.

Заметим, что параллельно с программированным опросом отобранных в данном поселении респондентов в ходе полевого исследования постоянно применялся *метод наблюдения*, необходимый и уместный в целом ряде исследований тех социально-экономических образований, которые по причине их детерминированности особенностями окружающей природной среды, буквально вписаны, впечатаны в пейзаж, безмолвно повествуя как об истории данного хозяйственно-экологического «уголка», так и предсказывая его наиболее вероятную судьбу. Именно социологическое *наблюдение*, применяемое в качестве метода целенаправленного, планомерного, определенным образом фиксируемого восприятия исследуемого объекта, выступает некой базовой процедурой, аналитическое обобщение результатов которой образует тот исходный фон, на котором более уверенно и результативно могут быть обозначены впечатления и выводы, получаемые из анализа результатов интервьюирования сельских респондентов. Метод наблюдения необходимо предшествует процедурам социологического опроса, но не завершается, когда уже начаты систематические дискурсивные контакты с ин-

формантами, а сопровождает их, постоянно предметно уточняясь и содержательно обогащаясь.

Итак, вслед за необходимой в данном исследовании минимальной паспортной основой основного опросного инструмента (место записи интервью — область, район, сельское поселение, а также возраст и социальный статус респондента — кто он? — занятый в формальной структуре, самозанятый, пенсионер и т.п.) следует формулируемая интервьюером целевая установка интервью, своего рода имя интервью.

Такая «формула цели» должна быть непременно оглашена и желательным образом прокомментирована в зависимости от того, какова степень ее понимания и осознания респондентом. О последнем можно безошибочно судить по вазомоторным реакциям собеседника — выражение лица, как правило, не дает обмануться. Данная процедура необходима для снятия возможных умолчаний и ухода от ответов, а также в целях попутного ремонта опросника. А указание на то, что эта процедура — именно «экспертный опрос», иначе говоря — обращение к знатокам местных жизненных условий, способствует росту значимости респондента в его собственных глазах и общему повышению качества получаемого материала.

В рамках настоящего исследования в качестве цели было заявлено следующее: «Какова степень распространенности тех или иных разновидностей неформальных социально-экологических практик, регулярно или эпизодически культивируемых данным сельским домохозяйством?»

В качестве фоновых знаний был предусмотрен ответ на следующий целевой вопрос: «Насколько изменилось экологическое состояние сельских территорий за последние 15–20 лет?»

В респонденты отбирались следующие категории сельских жителей:

- владельцы сельских домохозяйств;
- владельцы семейных и товарных подсобных хозяйств;
- главы фермерских хозяйств;
- главы сельских администраций;
- местные индивидуальные предприниматели.

Несмотря на то что в данном перечне указаны субъекты, располагающие различным объемом хозяйственно-экономических и административных полномочий, а также разной степенью информированности, в ходе анализа социологической информации возможно получение достаточно объемной картины интересующих процессов.

Основной текст вопросника состоял из трех основных блоков.

Блок № 1. Изменение экологического состояния сельских территорий

Данный блок предусматривал выяснение общей ситуации в исследуемом регионе. Он состоял из трех групп вопросов. Приведем их список, снабдив его необходимым методическим комментарием.

В.Г. Виноградский, О.А. Виноградская, Е.С. Никулина
Экология сельского мира как предмет социологического исследования

Вопрос № 1: *Насколько изменилось экологическое состояние сельских территорий в Вашем районе за последние 15–20 лет? Вашего поселения, Вашего домохозяйства?*

Комментарий. Ответ только на первый взгляд может показаться предельно элементарным. Однако пилотаж показал, что в реальности этот вопрос достаточно часто оборачивался неким не совсем упорядоченным диалогом с респондентами, типичным содержанием которого стало выяснение того, что именно понимать под «экологическим состоянием территорий». Респонденты старшего возраста, успевшие поработать в колхозе, понимали этот вопрос как воспроизведение исторической картины изменений земельных угодий (пашни, сенокосов, защитных лесополос). А более молодые владельцы сельских домохозяйств больше внимания уделяли состоянию тех природных комплексов, которые служат целям активного отдыха (охота, рыбалка, рекреационные возможности). Такие разные подходы сами по себе информативны, поэтому не следует жалеть времени на обсуждение этих, достаточно существенных, сюжетов.

Вопрос № 2: *Если изменилось, то в чем проявляются изменения (участились случаи природных катаклизмов, изменилось состояние почв, водного режима, сократилось биоразнообразие животных и растений, усилилось загрязнение территории района от деятельности сельскохозяйственных предприятий и жителей)?*

Комментарий. Данный вопрос был предназначен для уточнения и диверсификации того информационного материала, который был получен (в достаточно обобщенном виде) в ответе на первый вопрос. Логика накопления информации в данном случае, казалось бы, соблюдена — респонденту предложен список наиболее типичных, лучше сказать типовых, изменений экологической обстановки, характерных именно для сельской местности. Однако в ходе пилотажа вопросника оказалось, что разъясняющую подсказку следует предлагать респонденту не до того, как он начнет отвечать, а как раз после того, как сельский житель закончит высказываться по данному вопросу. Это диктуется тем, по происхождению своему, психологическим обстоятельством, что, говоря об изменениях экологической ситуации, респондент, опираясь на собственный опыт ее осмысления, выделяет самый актуальный и в этом смысле самый тревожащий лично его аспект многообразной экологической проблематики. Таким образом, селекция экологических факторов происходит полуавтоматически — «у кого что болит, тот про то и говорит». И несмотря на то что в ответе на первый вопрос данного блока внимание было привлечено, как уже говорилось, к производственно-технологическим, а также к рекреационно-развлекательным возможностям данного конкретного аграрного региона, информация по второму вопросу профилировалась иначе. Забегая вперед, скажем, что на первое место выдвинулась проблема утили-

зации бытовых отходов и иного производственного мусора, сопутствующего повседневным хозяйственным практикам крестьянских дворов. Таким образом, на основе анализа результатов пилотажа основной вопросник был перестроен. Вопрос задавался сначала без указанной в гайде расшифровки изменений, а уже после получения ответа на этот второй вопрос (каким бы подробным ответ респондента ни оказывался).

Вопрос № 3: *Могут ли эти изменения повлиять на будущее вашего района, поселения, домохозяйства? И как, по-Вашему, будут разворачиваться сценарии этих изменений? В лучшую, в худшую сторону? Можно ли считать деревню, село относительно «укрытием» от экологических тревог современной цивилизации?*

Комментарий. Данный вопрос, в композиционно-смысловом отношении состоящий из трех взаимосвязанных подвопросов, может показаться достаточно элементарным и малоинформативным (ответы на него в определенной мере предопределены), если бы он не сопровождался заключительным, четвертым пунктом, так или иначе побуждающим респондента размышлять над ситуацией, что называется, панорамно, в контексте целого, в масштабах сельского мира. Преданалитически (не входя в подробности) обозревая информационный потенциал, полученный в ответах на данный вопрос, можно утверждать, что социально-экологические ожидания сельских жителей любых возрастных групп в целом достаточно пессимистичны. Отвечая на вопрос о «сценариях изменений», респонденты чуть ли не инстинктивно начали выговариваться в однотонно звучащих ностальгических нарративах, они подробно рассказывали о былом богатстве и незначительной (по сравнению с настоящим временем) хозяйственной и промысловой затронутости местных природных комплексов. Происходящие изменения расценивались исключительно негативно. Но когда перед ними ставился вопрос о деревенском укрытии от давления общей экологической проблематики, соответствующие оценки сельской местности резко взлетали. Видимо, в данной ситуации начинает фигурировать опыт, получаемый сельчанами при посещениях городских поселений, а также иногда опыт зарубежных поездок. Состояние атмосферы, загазованность, дорожная загруженность, шум, суетливая городская толкотня — вот типичные индикаторы, по которым село сопоставляется с городом, и всегда не в пользу последнего. Таким образом, данный вопрос позволяет оценить представления сельских жителей о социально-экологической ситуации в более широком горизонте и содержательном объеме.

Блок 2. Оценка влияния социально-экологической ситуации на производственно-экономическую активность сельских домохозяйств

Данный блок, как можно удостовериться по поднимаемым в нем сюжетам, нацелен на выяснение двух взаимосвязанных пози-

ций — во-первых, феноменологического обзора воздействующих на повседневные хозяйственные практики экологических событийных комплексов и, во-вторых, фиксирование сопровождающих эти, как правило, беспокоящие жителей ситуации, оценок, мнений, озабоченностей. Таким образом, в сердцевину данного блока программы интервью заложена качественная методология «двойной рефлексивности», уже достаточно проверены авторами в ходе реализации ряда исследовательских проектов, начиная с крестьяно-ведческих экспедиций (1990–2000 гг.) Теодора Шанина (Рефлексивное, 2002).

Вопрос № 1: *Насколько остро стоит экологическая проблема для Вашего домохозяйства? Для Ваших соседей по поселению? Если стоит, то в чем Вы видите причину ее появления? Как она влияет на ваше домохозяйство с экономической точки зрения и будет ли оказывать влияние в будущем?*

Комментарий. Данный вопрос предназначен не только для воспроизведения наличного состояния экологической обстановки на микроуровне данного частного хозяйства, а также попыток ее осознания, но и еще — на подключение исторической памяти непосредственных акторов крестьянского двора. Пилотаж этого раздела основного вопросника продемонстрировал систематически повторяющуюся нарративную мизансцену — рассказывая о насущной проблематике, респонденты непременно вспоминали о прошлых хозяйственных ситуациях, когда целый ряд нынешних экологических девиаций попросту не имел места. Одним из красноречивых примеров может быть проблема обновления семенного фонда домохозяйства. Дело в том, что семена корнеплодов необходимо систематически обновлять, чтобы, как выражаются в деревне, овощи не «перерождались», то есть не теряли желанных пищевых качеств. Такие действия еще в недалеком прошлом осуществлялись при помощи обмена семенами с соседями, располагающими землей с особыми биохимическими кондициями. К настоящему времени эти несовпадающие почвенные характеристики во многом утратились вследствие применения однотипных удобрений и средств защиты растений. Корнеплоды начали «перерождаться». В данной ситуации владельцы домохозяйств начали покупать семена специально. Но они систематически оказывались одноразовыми, и на следующий сезон их приходилось вновь приобретать у поставщиков. Далее, в ответах на данный вопрос, как показал даже непродолжительный пилотаж, на свет выходила информация, касающаяся ситуации с соседскими домохозяйствами, то есть сведения, которые могут быть подвергнуты сравнительному анализу. И, что весьма важно, владельцы приусадебных участков довольно четко смогли просчитать некие экологические убытки, к которым не в последнюю очередь привела изменившаяся в поселении экологическая обстановка. И еще одно наблюдение — в ответах на данный вопрос постоянно появлялась

информация о токсичных дождях, заметно участившихся в последние годы.

Вопрос № 2: *Есть ли у Вас (Ваших соседей, родственников, знакомых) запрос/заинтересованность на изменение экологической повестки на территории Вашего поселения, района? Есть ли такой запрос со стороны местной администрации, фермеров, руководителей сельхозпредприятий?*

Комментарий. Ответы на этот важный вопрос оказались во время пилотажного испытания вопросника несколько обескураживающими. Предполагалось, что возможно будет замерить и наполнить необходимой эмпирией степень зрелости экологического сознания крестьян. Тем более что понимание экологической проблематики, судя по ответам на предшествующие вопросы, налицо. Но, несмотря на указанное обстоятельство, в информации проявилась такая степень социальной пассивности домохозяев, что это просто не укладывалось в сознании интервьюеров. Чаще всего проблема перекадывалась в сферу забот местной администрации. Но тут же администрация обвинялась в систематической бездеятельности — особенно касающейся организации удаления твердых бытовых отходов и иного хозяйственного мусора. То есть интерес к нивелированию экологических неурядиц (как крупномасштабных, так и текущих — мусор, качество водопроводной воды и пр.) значительный, но действенные инициативы по части устранения этих проблем просматриваются в ходе интервьюирования с большим трудом. В диалоге интервьюера и респондента по данному вопросу постоянно фигурирует достаточно деликатная мизансцена. Она выражается в запрете критики респондента, хотя в ходе опроса постоянно хотелось выразить недоумение по поводу пассивной экологической позиции и даже подтолкнуть к активной деятельности. Но подобная социологическая тактика не вполне верна.

Вопрос № 3: *Знаете ли Вы что-нибудь о новых технологиях обработки земли, утилизации отходов, энергосбережения? В чем, по Вашему мнению, заключаются «плюсы» и «минусы» использования таких технологий? Возможно ли использование подобных технологий в Вашем хозяйстве, поселении, районе? И что этому может помешать?*

Комментарий. Данный вопрос, как показали первые пилотажные пробы, оказался достаточно информативным — с какой бы возрастной или профессиональной группой респондентов полевые исследователи ни приходилось иметь социологические контакты. Сельчане, несомненно, хорошо понимали, о чем их спрашивают, и не отмахивались от подобного рода вопросов, как это можно было видеть буквально десяток лет назад. Вероятнее всего, знания о новых технологиях, которые могут быть внедрены в повседневные хозяйственные заботы сельских жителей, современные сельчане получают из сетевых источников информации — разного рода рекламных материалов, документальных фильмов, передач, посвященных агротехнологиче-

В.Г. Виноградский, О.А. Виноградская, Е.С. Никулина

Экология сельского мира как предмет социологического исследования

ским, сельским инновациям. Таким образом, современное информационное пространство во всех его основных измерениях «накрыло» и современную деревню. Комментируя вопрос № 3, целесообразно начать с того подпункта, который в данной вопросной батарее расположен в самом конце («что мешает?..»). И тут обнаруживаются важные обстоятельства, выразительно говорящие о жизненном мире сельчан. Что же мешает? Наряду со стесненностью в финансовых ресурсах (типичная, хроническая причина) внедрению инновационных, экспериментальных технологических начинаний в семейном домохозяйстве мешает (и это поначалу удивляет) такая диковинная для стороннего взгляда причина, как зависть или неодобрение соседей и односельчан. Но и в этой жизненной коллизии наличествуют свои, либо открытые, либо рискованные зоны. Так, повсеместное распространение энергосберегающих осветительных приборов (ламп, светильников, люстр и пр.) превратилось в общепринятую норму, тогда как установка дорогих экономных прожекторных систем (для освещения двора, гаража и сараев, совмещенных с подвалами, где хранятся значительные продовольственные запасы) порождает некую болезненную напряженность со стороны непосредственных соседей. Причем они завидуют не только возможностям по части покупки и установки таких приборов, но и негативно воспринимают резко изменившийся осветительный режим («ваш свет спать мешает»). Возможности использования технологических инноваций в практиках домохозяйств оцениваются в целом положительно, однако и здесь налицо некая селекция, обуславливаемая как возрастом, так и уровнем образования и информированности. Ветряные энергетические установки, «тепловые насосы», артезианские скважины и трубные колодцы — все эти элементы представлены в списке инновационной «машинерии», но при этом респонденты систематически возвращаются к мыслям об актуализации испытанных дедовских технологий. Особенно остро данный вопрос стоит по части утилизации твердых бытовых отходов и прочего хозяйственно мусора, состав которого на селе довольно специфичен. Более подробно, с приведением многочисленных деталей, данный сюжет может быть развернут в ряде дополнительных аналитических материалов, где описываются процедуры проведения опросов, глубинных интервью, фокус-групп, а также воспроизводится массив социологических качественных данных (сборник транскриптов интервью, записей из полевых дневников, фотоматериалов и иной качественной социологической информации).

Вопрос № 4: *Есть ли у Вас (либо Ваших соседей, родственников, знакомых) потребность в производстве и потреблении экологически чистой продукции? Есть ли потребность в производстве такой продукции у фермеров, руководителей сельхозпредприятий?*

Комментарий. Данный вопрос в программе предварительного пилотажа сразу же оказался в списке фаворитов. Информанты

с особым настроением высказывались по данному тематическому блоку. Причина, очевидно, в том, что проблема потребления экологически чистой продукции, проблема здорового питания, никогда в истории не стоящая так остро в условиях сельской жизненной среды (наоборот, село всегда считалось чуть ли не заповедником высококачественной, естественной, наилучшей еды, и это расхожее представление нашло устойчивое воплощение в красочных рекламных имиджах типа «Домик в деревне», «Добрая корова», «Зеленый луг», «Простоквашино» и т.п.), разворачивается в деревне чуть ли не драматичнее, чем в крупном городе. Развитие сетевого ритейла («Магнит», «Пятерочка», «Мария-Ра» и т.д.) привело к тому, что современное село буквально завалено дешевой и низкокачественной продовольственной продукцией, рассчитанной на якобы невзыскательность деревенских вкусов и, что более важно, на тощий бюджет сельчан. К тому же масштабные домашние хозяйства, выкармливающие стада животных и гурты домашних птиц, типичные для поры колхозной организации производства, уже десяток лет как сошли на нет. Причина элементарна: закрылась практически дармовая колхозная кормушка — ни выписать зерна, ни украсть комбикорма, ни накосить сена нынешний житель села не может. Однако поступление натуроплаты за сданные в аренду фермерам и крупным аграрным производителям земельные паи продолжается и со временем объем этой натуроплаты растет. И в нынешнем сельском социуме существуют хозяева, основной задачей которых стало производство экологически чистой, высококачественной продукции на продажу. Причем классические рыночно-прилавочные (то есть практикуемые с расчетом на еженедельный деревенский базар) формы торговли заметно сокращаются и все чаще заменяются скрытыми сетевыми транзакциями, которые возникают на основе неформального знакомства и четко оговариваются заранее с точки зрения объемов покупаемой продукции и ее цены. Наиболее типичная продукция в таких сетевых структурах — молоко, сливки, сметана, битая птица, овощи и фрукты. Реже, но уже в очевидном нарастании продаются высокоресептурная кулинарная выпечка, кондитерские изделия и, что особенно важно, домашний хлеб. В ходе проведения социологической экспедиции мы неоднократно пытались (ради исследовательского полевого эксперимента) внедриться в эти сетевые сообщества, но это оказывалось весьма затруднительным в силу заведомой и заранее оговоренной распределенности экологически безупречной продукции по постоянным заказчикам. Только однажды из-за случайной не востребоваемости отсутствующим клиентом козьего молока и сметаны нам повезло приобрести эти чудные продукты. Спрос на них устойчив и велик. Следует отметить такое обстоятельство: наблюдения показали, что почти треть таких потребителей не были соседями или односельчанами, а проживали на удалении — либо в районах, либо в окрестных поселениях. Что же касается вопроса

о производстве подобного рода продукции у фермеров и в крупных сельхозпредприятиях, то такое производство невыгодно из-за непомерных затрат на качественную сельскохозяйственную химию. Кроме того, существует картельный сговор посредников, занижающих класс зерна с целью сбить цену. Как неоднократно подчеркивали местные крупные землевладельцы — «выше тройки (примечание: речь идет о цифре, отражающей индикацию зерна по уровню клейковины и других качественных параметров. Всего существует пять классов) наше зерно никогда не оценивается. Это для нас тяжело, а перекупщики всегда в выгоде».

Вопрос № 5: *От кого, по-Вашему мнению, должны исходить инициативы по улучшению экологической среды в Вашем поселении, районе (от инициативных групп жителей, от администрации, от фермеров, от руководителей сельхозпредприятий)?*

Комментарий. В отличие от предыдущего, данный вопрос систематически приводил регулярную опросную процедуру, обычно многословную и оживленную, к продолжительным мизансценам молчания. Информанты очень неохотно беседовали на эту тему. Будто сговорившись, они ссылались на то, что «в этой жизни, при этой власти от нас, от маленького человека ничего не зависит». Разумеется, эти стандартные высказывания, характерные для многих исследуемых регионов сельской России, достаточно прозрачно отражают господствующие настроения жителей. Для того чтобы информационный поток по данному вопросу систематически не иссякал, мы пытались переключить внимание с поведения местной администрации на экологически-охранительные инициативы и действия, которые можно наблюдать в практиках местных крупных землевладельцев (фермеров, директоров ООО и пр.). И в этой ситуации информанты достаточно подробно рассказывали о том, как и в какой мере руководители бригад следят за теми условиями производственной обстановки, которые принято именовать с помощью фразеологемы «чистота и порядок». Конечно, по существу, эта забота о прибранности и аккуратности территории, строений, дорожек, цветников, клумб, кустарниковых изгородей — это лишь часть сколько-нибудь развернутых и продуманных экологических программ, однако уже такая целевая направленность нынешнего агропроизводственного руководства в оценках респондентов симптоматична и красноречива. Интересно, что в корпусе подобного рода ответов и мнений довольно часто упоминается о тех условиях «чистоты и порядка», которые были приняты в советских колхозах. При этом оценки этих прошлых опытов экологических забот формулируются почти исключительно в суперлативных формулировках («великолепно», «здорово», «исключительно» и т.п.). Что же касается рассказов о собственных, личных инициативах по улучшению экологической обстановки, то здесь обнаруживается система «двойных стандартов», некоей не лишенной лукавства морали. Дело в том, что в относительно полнокровных деревенских сообществах, пока еще

не отмеченных признаками очевидной деградации, когда начинает распространяться бесчувственное равнодушие к собственной жизни (не говоря уже о деревне в целом), — в жизнеспособных поселениях традиционно циркулирует настроение, которое можно обозначить формулой «быть не хуже других». «Другие» в деревне — это и родственники, и ближайшие соседи, и, по существу, все население деревни. «Быть не хуже других» — это когда забор исправен, когда дом выкрашен, окна вымыты, трава перед домом аккуратно подстрижена или ровно выкошена, огород не запущен, деревья выбелены и т. д. Подобного рода настроение особенно выразительно демонстрируется в весеннюю пору, когда зацветают фруктовые деревья и распускаются цветники. И эта картина, когда, по существу, происходит необъявленное соревнование придомовых газонов и цветников, дает богатый материал для задействования методик визуальной социологии. Сопоставляя общий облик деревенской усадьбы, степень ее ухоженности и прибранности с уровнем изобретательности данного домохозяйства, так и о спектре личностных характеристик хозяев — их трудолюбии, открытости и эстетической воспитанности.

Этот вопрос заключает содержание блока № 2 опросника, в центре которого стояла задача оценки влияния социально-экологической ситуации на производственно-экономическую активность сельских домохозяйств.

Завершает текст основного социологического инструмента специальный, стоящий особняком, блок, смысловой доминантой которого выступает попытка переключения повествовательно-аналитической энергии респондента в иную информационную сферу. Иначе говоря, в данном блоке мы постарались отвлечься от конкретики повседневных обстоятельств экологического характера и рассмотреть более широкую панораму общих жизненных кондиций респондента как обитателя именно негородских жизненных пространств. Отметим, что в последнее время проблемы эволюции сельских территорий активно обсуждаются. В марте 2019 года опубликован проект и паспорт Государственной программы Российской Федерации комплексного развития сельских территорий, основными целями которой определены повышение уровня благосостояния и качества жизни сельского населения, сохранение численности сельского населения, в первую очередь — молодежи, обеспечение сбалансированности расселения, то есть равномерного распределения людей по территории страны. Что же касается современных отечественных социологических опытов, то подобного рода исследовательская нацеленность обозначается обычно следующими формулами — «жизненный мир села» в работах группы ученых под руководством Ж.Т. Тощенко (Смыслы, 2016), «сельский мир» в теоретических разработках и феноменологических наблюдениях В. Г. Виноградского (Виноградский, 2017; 2018), «пространство сельской жизни» в исследованиях социальных географов

А.И. Алексеева, Т.Г. Нефедовой и др. (Алексеев, 2015; 2017; Нефедова, 2015 а; 2015 б). Такая аналитическая ориентированность диктуется актуальностью момента: современная российская деревня медленно, но, по всей видимости, бесповоротно перестает быть традиционно крестьянской. Поэтому сегодня весьма важны мультидисциплинарные попытки ученых заглянуть в будущие сельские миры.

Блок 3. Чем может «завлечь» городского человека деревня? Именно Ваша? Или другая, Вам известная?

Правомерность включения в основной исследовательский инструмент данного аналитического блока можно объяснить тем, что современные деревенские жители достаточно осведомлены о специфических измерениях нынешней городской повседневности. Опыт более или менее длительного пребывания в городах (для лечения, торговли продукцией приусадебного хозяйства, временной занятости в различных предприятиях, обучения в вузах и профтехучилищах и т. п.) располагает подавляющее большинство современных сельчан. В результате таких поездок у людей складывается сравнительная картинка различных жизненных пространств. Поэтому целью данного блока оказывается мобилизация тех представлений сельчан, в которых привлекательные стороны деревенской повседневности оттеняются и становятся более рельефными именно с позиций городских опытов жизни. Данный блок довольно лаконичен, включает три вопроса. По сути дела, они представляют собой не столько регулярные (и в этом смысле стандартные) пункты программы социологического интервью, сколько «партитуры», задающие тональность свободной беседы, в которую абсолютно на равных правах включаются как информант, так и интервьюер. Такого рода исследовательская проекция имеет непосредственное отношение к социологическим техникам «двойной рефлексивности». В теоретическом измерении они были разработаны Теодором Шаниным во время проведения масштабного полевого изучения шестидесятилетнего периода (1930–1990 гг.) эволюции советского колхозного села. Процедура методология двойной рефлексивности была осуществлена как раз в ходе реализации данного крестьяноведческого проекта в период 1990–1994 гг. (Рефлексивное, 2002).

Вопрос № 1: *Составьте список деревенских «удовольствий». Что окажется для Вас на первом месте?*

Комментарий. Сверхзадача этого вопроса — попытаться воспроизвести те, чаще всего стандартизированные, представления современников о позитивных характеристиках сельского повседневного существования. Парадоксально, но перечень «деревенских удовольствий» генерируется не столько в самой деревне, сколько в городе. Средства массовой информации в достаточно больших объемах содержат штампы об экологических прелестях деревни — свежий воздух, тишина, домашние натуральные продукты. Однако в ходе разговора респонденты имеют обыкновение переходить на очищенные от рекламного глянца картины сельской повседневности. И выясня-

ется, что на первом месте оказываются преимущества, вытекающие из факта общесемейной мобилизованности в труде по поддержанию некой нормы производства, принятой в данном семейном хозяйстве. В отличие от городской, деревенская семья привычно распределяет круг ежедневных хозяйственных забот пропорционально возрастным возможностям ее членов. Никто не в состоянии произвольно увильнуть от домашней работы. Рекламная нарядная старушка из «Домика в деревне», заботливо подающая внучатам глиняную плошку со сметаной и крынку с молоком, по деревенским меркам пародийна — она одна просто не в силах повернуть весь круг работ по уходу за коровой и, дальше, по переработке цельного молока (дойка, сепарирование, выдержка и т.п.). Только семья может реализовать эти многоступенчатые технологические задачи. Именно это оказывается основным источником сельского оптимизма и уверенности в будущем.

Вопрос № 2: Чем хороши в Ваших глазах город? Что такое есть в городской среде, по чему томится Ваша душа?

Комментарий. Включение подобного вопроса в пространство разговора продиктовано потребностью выяснить, насколько и в каких проекциях (лечебных, образовательных, производственно-экономических, культурных, организационных и пр.) городская среда способна реализовать существенные нужды жителей деревни. В этом вопросе скрыто присутствует (и в ходе разговора непременно выходит наружу) вопрос о наиболее типичных целях поездок в города (начиная от районного центра и заканчивая зарубежными поездками, которые в последние несколько лет для сельчан уже во все не диковина). Пилотаж продемонстрировал сравнительно невысокую информативность данного вопроса. Хотя, по правде сказать, многое в данном случае зависит от индивидуальных культурно-психологических свойств респондента. Чем больше у него опытов пребывания в городской среде, тем полнее и разнообразней аргументация, касающаяся сущности данной информационной сферы.

Вопрос № 3: В какой деревне Вы хотели бы доживать свой человеческий век — в той, какая была здесь раньше или нынешней? Составьте словесный портрет Вашей деревни через поколение? Что в ней останется из нынешней жизни, а что прибавится?

Комментарий. Очевидно, что этот вопросный блок предназначен для общего подытоживания состоявшегося разговора, а также для организации некоего, если так можно выразиться, прогностического компонента беседы. Но основополагающей в данном случае выступает исследовательская попытка спровоцировать более или менее масштабный, в сущности, поколенческий, в идеале трансисторический взгляд респондента по поводу судеб деревни. Пилотаж продемонстрировал, что ответы на этот вопрос выглядят как достаточно развернутые повествования, стержнем которых оказывается в конечном счете схема «что было и что стало». Это «было» и «стало» развернуты в сторону двух событийных сгущений — материально-вещественной среды сельского поселения и картины повседневных чело-

веческих контактов (соседских, бытовых, культурно-нравственных и т. п.). Взятые в их взаимодополнительности, эти феноменологические образования способны породить особое социальное настроение, ту жизненную тональность, ту мелодию бытия, которая является интегральным свидетельством данного сельского мира.

Подведем краткие итоги рассмотрения и обоснования необходимости применения в исследовании инструмента «Опрос экспертного сообщества». Представляется, что примененный в ходе полевого экспедиционного исследования он дает возможность выявить, информационно зафиксировать и аналитически проследить ход развития разнообразных экологических практик, свойственных современным сельским жителям, оценить содержание соответствующих инноваций, а также размах семейных и коллективных, предпринимаемых уже на уровне поселения, инициатив, касающихся оптимизации экологической ситуации.

В дополнение к заранее утвержденному и прошедшему необходимый в методических целях пилотаж, в ходе полевого исследования появилась возможность систематизации информации уже не в строгих рамках экспертного опросника, а отдельного информационно-аналитического кейса, в котором накапливалась информация об общей экологической истории данного сельского поселения. В данном случае отдельный конкретный информант высказывался, что называется, «за всю деревню». В результате появился блок, где освещались вопросы, касающиеся, например, степени рациональности использования окружающей экологической среды, обсуждались проблемы взаимосвязанности доступных населению природных ресурсов с повседневной деятельностью человека. В ходе опроса интервьюеры особое внимание уделяли изучению следующих ресурсов: земля (посевы, выпасы, селитебная зона, неиспользуемые земли); вода; лес другие важные элементы экологического состояния (оползни, провалы, овраги, радиация и т.п.). Сюда же попадала информация, освещающая программы и планы воссоздания природных ресурсов: насаждение лесов, очистка водоемов, рек и ручьев и т. д.

Такова «проверенная на местности» и в целом результативная методолого-методическая оснащенность экспедиционно-полевых исследовательских процедур, предшествующих углубленному аналитическому рассмотрению экологической проблематики сельских миров.

Библиография

- Алексеев А.И., Корюхин Д.А. (2017). «Инверсия» сельской урбанизации? // Вест. Моск. ун-та. Сер. 5. География. № 5. С. 103–105.
- Алексеев А.И., Сафронов С.Г. (2015). Изменение сельского расселения в России в конце XX — начале XXI века // Вестник Московского ун-та. Сер. 5. География. № 2. С. 66–76.
- Бибихин В.В. (2007). Мир. СПб.: Наука.

- Виноградский В.Г. (2017). «Голоса снизу»: дискурсы сельской повседневности / В. Виноградский. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС.
- Виноградский В.Г. (2018). Сельский мир как познавательная проекция // Новый мир. М. С. 167–175.
- Нефедова Т.Г. (2015а). Российские дачи в разном масштабе пространства и времени // Демоскоп-Weekly. № 657–658.
- Нефедова Т.Г., Покровский Н.Е., Трейвиш А.И. (2015б). Урбанизация, дезурбанизация и сельско-городские сообщества в условиях роста горизонтальной мобильности населения // Социологические исследования. № 12. С. 60–69.
- Рефлексивное крестьяноведение: Десятилетие исследований сельской России (2002) / Под ред. Т. Шанина, А. Никулина, В. Данилова. М.: МВСШЭН, РОССПЭН.
- Смыслы сельской жизни (Опыт социологического анализа) (2016) / Под ред. Ж.Т. Тощенко. М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга.

В.Г. Виноградский, О.Я. Виноградская, Е.С. Никулина
Экология сельского мира как предмет социологического исследования

Ecology of the rural world as an object of sociological research

Valery G. Vinogradsky, DSc (Philosophy), Senior Researcher, Center for Agrarian Studies, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. 119571, Moscow, Prosp. Vernadskogo, 82. E-mail: vgrape47@yandex.ru.

Olga Ya. Vinogradskaya, Researcher, Center for Agrarian Studies, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. 119571, Moscow, Prosp. Vernadskogo, 82. E-mail: vgrape58@yandex.ru.

Ekaterina S. Nikulina, Researcher, Center for Agrarian Studies, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; 119571, Moscow, Prosp. Vernadskogo, 82. E-mail: nikulina@ranepa.ru.

The article considers rural environmental issues as an object of sociological research and emphasizes the need to conduct surveys of expert communities. Such an approach allows to identify, follow and analyze the development of various environmental practices typical for rural residents, and to evaluate innovations and initiatives at both households and settlement level. The authors insist on the need to use the previously tested expert questionnaire and to rely on the cases that meet the specific requirements of the study. For instance, in the considered case, the authors faced methodological difficulties when discussed rationality of the environment use and interdependence of available natural resources and everyday human activities. Thus, the article presents a 'field-tested' methodology of sociological research focusing on the in-depth analysis of environmental issues in rural worlds.

Keywords: ecology, rural world, sociological research, qualitative methodology, informal social-ecological practices, rural households, rural residents, natural environment

References

- Alekseev A.I., Koryukhin D.A. (2017) "Inversiya" selskoj urbanizatsii? ['Inversion' of the rural urbanization?]. *Vestnik Moskovskogo universiteta, Serija 5: Geografiya*, no 5, pp. 103–105.
- Alekseev A. I., Safronov S.G. (2015) *Izmenenie selskogo rasseleniya v Rossii v kontse XX — nachale XXI veka [Changes in the rural settlement in the late 20th — early 21st century]*. *Vestnik Moskovskogo universiteta, Serija 5: Geografiya*, no 2, pp. 66–76.

- Bibikhin V.V. (2007) *Mir* [World], Saint-Petersburg: Nauka.
- Vinogradsky V.G. (2017) *“Golosa snizu”: diskursy selskoj povsednevnosti* [‘Voices From Below’: Discourses of Rural Everyday Life], Moscow: Izdatelsky dom “Delo” RANKhiGS.
- Vinogradsky V. G. (2018) Selsky mir kak poznavatel'naya proektsiya [Rural world as a cognitive projection]. *Novy mir*, no , pp. 167–175.
- Nefedova T.G. (2015a) Rossijskie dachi v raznom masshtabe prostranstva i vremeni [Russian *dachas* in different spatial-temporal perspectives]. *Demoskop-Weekly*, no 657–658.
- Nefedova T.G., Pokrovsky N.E., Treivish A.I. (2015 b) Urbanizatsiya, dezurbanizatsiya i selsko-gorodskie soobshchestva v usloviyah rosta gorizontальной mobilnosti naseleniya [Urbanization, deurbanization and rural-urban communities under the growth of horizontal mobility]. *Sociologicheskie issledovaniya*, no 12, pp. 60–69.
- Refleksivnoe krestyanovedenie: Desyatiletie issledovanij selskoj Rossii* [Reflective Peasant Studies: A Decade of Research in Rural Russia] (2002). Pod red. T. Shanina, A. Nikulina, V. Danilova, Moscow: MVSShEN, ROSSPEN.
- Smysly selskoj zhizni (Opyt sociologicheskogo analiza)* [Meanings of Rural Life (A Sociological Analysis)] (2016). Pod red. Zh.T. Toshchenko, Moscow: Tsentr socialnogo prognozirovaniya i marketinga.

«В географии всегда была «тоска по комплексности»...»¹

А.И. Алексеев, А.М. Никулин

Александр Иванович Алексеев, доктор географических наук, профессор географического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. 119991 Москва, Ленинские горы, д. 1. E-mail: aival@mail.ru

Александр Михайлович Никулин, кандидат экономических наук, директор Чайановского исследовательского центра Московской высшей школы социальных и экономических наук. 119571 Москва, пр-т Вернадского, 82. E-mail: harmina@yandex.ru

В интервью российского географа А.И. Алексеева журналу «Крестьяноведение» обсуждаются факты его биографии, определившие жизненный путь в науке, основные исследовательские проекты, публикации, а также вопросы методологии и теории географической науки. Особенно подробно разговор ведется о сельской географии, о регионах, в которых А.И. Алексееву приходилось проводить исследования, — от Нечерноземья и Кубани до Алтая и Дальнего Востока. Большое внимание уделяется обсуждению истории сельской географии советского периода, вопросам теории и практики принятия решений в советских аграрных преобразованиях. Также обсуждаются вопросы село-городской миграции, сельского расселения и учет этнического фактора в сельской географии.

Особое место отводится вопросам преподавания географии в средней и высшей школе, созданию учебников и учебных пособий по географии, вопросам смены поколений ученых в географической науке.

Интервью совмещает в себе обсуждение ряда географических концепций и жизненных историй ученых-географов, участвовавших в полевых практиках сельских географических исследований А.И. Алексеева.

В заключение ставится вопрос о соотношении количественных и качественных подходов в сельских исследованиях, фиксируется проблема «комплексности исследования», приводятся афористичные высказывания классиков социально-экономической географии об особенностях изучения и понимания тенденций развития сельской местности.

Ключевые слова: экономическая география, сельская география, теоретическая география, сельские регионы, сельское расселение, Баранский Н.Н., Саушкин Ю.Г., Ковалев С.А., Ракитников А.Н., Челинцев А.Н., Рыбников А.А.

DOI: 10.22394/2500-1809-2020-5-1-143-166

1. Статья подготовлена с использованием гранта Президента Российской Федерации, предоставленного Фондом президентских грантов. Проект «Школа А.В. Чайнова и современное сельское развитие: увековечивая деяния ученых через актуализацию их наследия».

А.М. НИКУЛИН: Александр Иванович давайте начнем нашу беседу с биографических фактов Вашей жизни, а потом перейдем к темам ваших научных занятий.

А.И. АЛЕКСЕЕВ: Я родился в городе, который тогда назывался Сталино. Он был основан в 1869 году, когда британец Джон Юз (или Хьюз) построил там металлургический завод. В честь него поселок и назвали Юзовкой. Это такой промышленный центр Донецкого бассейна. В 1929 году он стал Сталино, а потом, в 1961 году — Донецк. Город, к сожалению, постигла тяжелая судьба — сейчас он практически прифронтовой.

А.М. НИКУЛИН: Сколько лет Вы прожили в Донецке?

А.И. АЛЕКСЕЕВ: Там прошло все детство, в 1966 году я закончил школу. Вот совсем недавно вспоминал: родители одноклассницы моей жены как-то ей сказали: «Главное, Сонечка, в жизни — правильный выбор родителей!» Я не сразу осознал, что мне необычайно повезло с родителями. Папа работал в Государственном банке (тогда, естественно, был только один государственный банк), но, видимо, у него была склонность к преподаванию, потому что он постоянно читал лекции — в обществе «Знание», на вечернем отделении техникума, института и так далее. И ему на дом приходили областные статистические справочники. Папа был большим любителем «цифры» — он их читал, показывал мне, я тоже смотрел. Конечно, был убежденным коммунистом, несмотря на то что его брат был репрессирован. Они чудом уцелели — на год раньше выехали из села, где они жили, в Сталино.

А.М. НИКУЛИН: Получается, Ваш папа из сельской местности был?

А.И. АЛЕКСЕЕВ: Тогда все были из сельской (правда, мама родилась уже в Юзовке). Папа был из села Алексеевка Задонского уезда Воронежской губернии, сейчас это Задонский район Липецкой области. И там все были Алексеевыми. Мы недавно с сестрой побывали, наконец, на его родине, посмотрели дом, кстати, самый большой дом в селе, потому что семья была огромная.

Итак, отец переехал в Сталино, окончил техникум, стал работать в банке, потом служил срочную службу танкистом. Рассказывал мне, какие прекрасные танки БТ-5, БТ-6. И вот его фраза: «Мы подали руку братской помощи населению Западной Украины!», он в этом принимал участие. А потом — годы войны. Летом 1941-го не стали разбираться, что он танкист, и направили в пехоту. Он побывал в окружении под Киевом (это самый большой котел), из которого с трудом вышли. Потом он воевал на Кавказе, там получил ранение, а закончил войну в Кенигсберге.

Папины папа и мама, дедушка и бабушка, все из Задонского уезда. А мамина мама — из Белоруссии, Гомельской области, мамин папа, дедушка, из Смоленской губернии. Я потом все искал его родину, потому что мама помнила только название села — Карагодово (сейчас оно уже не существует). Тогда не было всех этих электрон-

ных поисков, но я везде искал, и знаете, где нашел? В бумагах «Мемориала» в одном из списков репрессированных оказался «агроном такой-то, место рождения: село Карагодово Смоленской области». Дедушка, когда ему было лет 16–17, переехал из Карагодова в Юзовку и каким-то образом (я был ленив и не любопытен в молодости, не спрашивал у него) стал электриком! Это как сейчас («айтишник»).

А это 1910-е годы. Он был квалифицированный рабочий и ему от предприятия дали казенное жилье — дом с участком. Там он встретил мою бабушку по маме, и у них родились трое детей, одна из них — моя мама. Родилась она в 1919 году, тоже училась и работала. Хотя училась в вечерней школе, но была отличницей и поступила на матмех Ленинградского университета! Сейчас невозможно себе представить, что после вечерней школы такое возможно. Поступила она туда в 1940 году и через год их сначала погнали на строительство укреплений, потом оказались в блокаде, откуда ее вывезли только в марте 1942 года (она никогда не любила вспоминать эти страсти). Их эвакуировали в Кисловодск, куда через несколько месяцев вошли немцы (но, слава богу, были там недолго). В Кисловодске мама поступила в мединститут и всю жизнь проработала медиком.

А.М. НИКУЛИН: В Кисловодске был мединститут?

А.И. АЛЕКСЕЕВ: Да, там в эвакуации было много всякого. В данном случае это был Кишиневский мединститут. Она училась сначала в Кишиневском, а потом перевелась в Сталинский. Так вот, получается, что моя мама — городской житель, и я по маме — городской житель в третьем поколении, а по папе — во втором. У мамы был очень хороший характер, она была очень взвешенная, вежливая, ее вся публика уважала, а у папы, наоборот, — взрывчатый, но отходчивый.

Мне повезло с местом рождения еще в одном отношении: я получил «прививку» от национализма. Донбасс, как известно, был центром притяжения мигрантов из самых разных районов, национальный состав довольно пестрый. Но в начальных классах школы мы об этом вообще не думали. В нашем классе была только одна девочка — кореянка, которая, естественно, выделялась своим обликом, а к каким национальностям принадлежат все остальные — никто из нас не задумывался, наверно, класса до пятого, когда нас заставили заполнять анкеты, где была графа «национальность». И выяснилось, что среди нас есть русские, украинцы, евреи, кавказцы, а в других классах — татары, греки, грузины и многие другие...

Еще одно событие, которое случилось в городе, который потом стал Донецком, — олимпиада школьников по географии. Тогда, что интересно, в РСФСР не было, а на Украине уже проводилась географическая олимпиада. Это был восьмой класс, 50 «с хвостом» лет назад, и я попадаю в Киев, там — финал, и я становлюсь призером. Меня начинают выделять учителя по географии города Донецка: «Вот, в следующем году тоже поедешь, давай готовься!» Мне было очень инте-

*А.И. Алексеев,
А.М. Никулин*
«В географии всегда была «тоска по комплексности»...»

ресно! К тому же у папы была хорошая библиотека, он покупал все, что тогда было можно, была Большая советская энциклопедия, по которой я готовился. Как сейчас помню: «Каков грузооборот в Неаполе, что вывозят, что ввозят?» — на географических олимпиадах были такие вопросы типа: «Пароход едет из Одессы туда-то, какие грузы он может взять? Где выгрузить? Где-то погрузить?»

А.М. НИКУЛИН: Я помню афоризм Теодора Шанина: «Везет всегда сильному». Получается, Вам не «просто так» повезло в Киеве, а уже тогда у Вас были эти географические интересы?

А.И. АЛЕКСЕЕВ: Ну первый раз я неожиданно для самого себя туда попал.

Но в 9-м классе я уже готовился, а в 10-м стал призером, получил Почетную грамоту ЦК ЛКСМ Украины и приглашение из Киевского университета. Это был 1966 год. Я, конечно, подумал, что раз приглашают — надо идти.

Но позже узнал, что в МГУ экзамены на месяц раньше проходят, и решил, что если я в МГУ не поступлю, то поеду в Киев. Я поехал в МГУ и довольно неожиданно для себя набрал проходной балл. Надо было сдавать математику, географию и писать сочинение. Ну сочинение шло «зачетом», и я сдал на «4» письменную математику, на «5» устную» и на «5» географию. В то время поступали не на факультет, а сразу на кафедру, так я попал на кафедру «Экономическая география СССР».

Это был год, когда из средних школ выпускали сразу два класса — 10-й и 11-й — результат хрущевской реформы, по которой вначале вводилось «производственное обучение» в старших классах, а потом его отменили. И получилось, что одни учились после 8-го класса три года (и выпускались из 11-го класса), а мы — только два года и выпускались из 10-го класса. Так что конкурс при поступлении в МГУ был больше, чем обычно, и состав принятых студентов оказался очень сильным. В нашей группе из 24 человек половина в итоге стала кандидатами, а четверо — докторами наук.

Половина группы была из иногородних (немосквичей), жила в общежитии. И здесь мне тоже повезло: я оказался в комнате с теми, кто глубоко интересовался наукой. Часто вечерами мы спорили о научных проблемах, а хорошо написать курсовую работу было делом престижа. Была между нами даже «здоровая конкуренция».

На втором курсе Сергей Александрович Ковалев читал нам лекции про «показатели народного хозяйства» и географию населения. И в начале третьего курса, когда надо было писать курсовую работу, я к нему подошел: «Сергей Александрович, есть идея: финансовая география». — «Да? Очень интересно!» Я это придумал, может быть, потому, что папа был банковский работник. Помните, тогда выходил реферативный журнал «РЖ география» — я его читал от корки до корки. По общественным наукам аналогичные в приличном виде позже появились, а по естествен-

ным — каждый месяц — толстенный том. И я обнаружил в нем реферат книги «Миграция наличных денег и методы ее изучения». Я понимал, как это важно, потому что папа был как раз начальником отдела денежного обращения (обращения наличных денег). Его главная задача — чтобы рабочие получали зарплату вовремя, а для этого в хранилищах банка должны быть наличные деньги. А для этого, в свою очередь, — торговля должна изъять их у населения и складировать. И нужно было спрогнозировать: 1 марта, допустим, зарплату получают на Краматорском заводе, там столько-то работников, им надо выдать столько-то денег. Благодаря этому папа очень хорошо знал экономическую географию Донецкой области. Он мне потом помогал выбирать «ключи» для моих работ. В общем, я написал, по-моему, на тему «Финансовая география». Курсовая пошла на конкурс студенческих работ, я получил медаль «За лучшую студенческую научную работу», ее опубликовали. Я только потом понял, насколько мне повезло — на третьем курсе попасть в «Вестник МГУ»! Со статьей, что называется, «с колес»! И потом ее перепечатали американцы в журнале *Soviet Geography: Review and Translation* (печатал переводы из русских журналов). Там был очень грамотный редактор — Теодор Шабад. Он все читал, все знал, получал газеты со всех союзных республик. И вот он-то и заметил неожиданно мою статью «Опыт применения статистики сберегательных касс в экономической географии». Я в ней обозначил главным показателем остаток вкладов, как он колеблется. Папа мне посоветовал, где взять информацию. Грубо говоря, если у вас рабочий промышленный город, то летом там будет отток вкладов, потому что все едут в отпуска, снимают деньги. Если у вас сельскохозяйственный район — в январе идет выдача по итогам года. Теперь я понимаю, что это пустяк, конечно, но приятно.

А.М. НИКУЛИН: Ну этих закономерностей тогда никто не знал, Вы их проанализировали.

А.И. АЛЕКСЕЕВ: Закономерности, конечно, есть, но это была курсовая на 3-м курсе. А потом мне повезло еще раз. Мы делали атлас Алтайского края — мы, это факультет. Огромная экспедиция!

А.М. НИКУЛИН: Мне показывали географы этот атлас в Алтайском университете — это произведение искусства просто!

А.И. АЛЕКСЕЕВ: Вышел он в 1977 году, по-моему. Два тома! А в 1969–1970-м годах объезжали города и районы. Это была производственная практика, и я участвовал в этой Алтайской экспедиции. Мой шеф был начальником отряда по теме «география населения».

А.М. НИКУЛИН: Шеф — это Сергей Александрович Ковалев? Вы всегда его зовете «шеф»?

А.И. АЛЕКСЕЕВ: Да. До сих пор помню страниц 20 уборо-стого текста — какие вопросы надо задавать местному руковод-

*А.И. Алексеев,
А.М. Никулин*
«В географии все-гда была «тоска по комплексности»...»

ству. Шеф составлял — там все, все! Начиная: чем топят, где берут дрова, чем кормят коров и так далее. Я-то все же городской житель, Донецк — практически миллионный город, а тут я попадаю в село — сельский образ жизни и так далее, впечатления были очень сильные! Маленький пример: надо было ехать из райцентра в маленький леспромхоз, собрать данные о занятости. Спрашиваю: «Как туда проехать?» Мне: «Да автобус ходит!» Что для городского жителя «автобус ходит»? Тыходишь к остановке, подходит автобус. Оказывается, в леспромхоз автобус идет в 5 утра и 5 вечера. Ну в 5 утра я добрался туда, за пару часов к 10 утра сделал всю работу, спрашиваю, а как уехать в райцентр? Все удивляются: так вечером автобус будет! А я не могу до вечера там сидеть! Я туда, сюда, все на меня смотрят, как на идиота: «Да чего ты волнуешься так, вечером автобус будет!» Потом я на какую-то почтовую машину сел, помню. Это было в 1969-м. А в 1970 году вообще крупно повезло: однокашница Сергея Александровича Ковалева по аспирантуре Людмила Абрамовна Устинова, кажется, в 1949-м защитила диссертацию по Горно-Алтайской автономной области. Ее руководителем (как и у Ковалева) был Рафаил Михайлович Кабо — один из основателей географии населения в СССР. И когда организовывалась Алтайская экспедиция, Шеф пригласил ее посетить те места, где она была двадцать с лишним лет назад. Ей нужен был помощник, и он выбрал меня. Ну, конечно, представляете, работать вместе с таким специалистом! Она все помнила: идем по коридору Горно-Алтайского исполком и видим какого-то мужичка-курьера, она говорит: «Он похож на такого-то», а ей в ответ: «Да, это он и есть». Оказывается, это в прошлом председатель облисполкома Горно-Алтайской автономной области, но его укусил клещ, и теперь он может работать только курьером.

А.М. НИКУЛИН: Это начало 1970-х?

А.И. АЛЕКСЕЕВ: 1970 год. Когда Шеф позвал меня в аспирантуру, у меня был выбор: аспирантура для Дальнего Востока, где формировался тогда Дальневосточный научный центр, где председателем был Андрей Капица, младший сын нобелевского лауреата Петра Леонидовича Капицы. Но Шеф сказал: «Ты мне нужен здесь». Позже, после окончания аспирантуры, опять встал вопрос: что теперь делать? Московской прописки у меня не было, но тогда каждому факультету МГУ раз в год давалось право одного человека оставить на работу, с получением прописки и возможности купить кооперативную квартиру, и Шеф добился, чтобы в этот список попал именно я.

А.М. НИКУЛИН: То есть один вариант был Дальний Восток, а другой — остаться в Москве?

А.И. АЛЕКСЕЕВ: Да, именно. Из нашего курса тогда многие уехали на Дальний Восток, самый известный сейчас из них — академик Петр Яковлевич Бакланов. Он один из создателей и многолетний директор Тихоокеанского института географии во Влади-

востоке. В студенческие годы мы с ним несколько лет жили в одной комнате, так что хорошо друг друга знаем.

Ну вот. После Горно-Алтайской автономной области, после практики на Алтае, я, конечно, забыл финансовую статистику, но заинтересовался сельским расселением Горно-Алтайской автономной области. У нас там были построены половозрастные пирамиды по каждому сельскому населенному пункту, я прочитал кучу литературы о том, насколько эффективно горное земледелие и где стоит, а где не стоит им заниматься. Мне это понравилось, и я стал изучать сельское расселение и дальше. В 1972 году, после первого года аспирантуры, мы поехали на два или три месяца в комплексную экспедицию на Дальний Восток. Капица заключил с нашим факультетом гигантский по тому времени договор, и человек 150 приехали на лето в Приморский край.

Там, конечно, полная экзотика! Была такая Ида Ильинична Баркова, она писала о сельском расселении Приморского края, причем в духе Пржевальского. Она описывала удэгейцев, живущих на крайнем Севере, у них основное средство транспортировки — это лодка-ульмага, выдолбленная из цельного ствола тополя, очень узкая, я туда с трудом помещался... И вот мы плывем на этой самой лодке-ульмаге — я балдею. Но, когда я читал тексты Иды Ильиничны, удивлялся — как будто писано лет 100 назад. А где же математические методы, потенциал поля расселения?

Уже на первом курсе во втором семестре наш завкафедрой Юлиан Глебович Саушкин, уже тогда очень хорошо знавший английский язык (он был первым советским географом, который чуть ли не в 1960 году надолго поехал в США), прочитал нам «Введение в экономгеографию» и на одну лекцию принес несколько только что изданных книжек, в том числе «по рукописи моего друга Вильяма Бунге, присланной из Нью-Йорка». Первый курс — все: «Ух!» Книга называлась «Теоретическая география». Ее первый вариант вышел в Швеции, а в США решили, что это «ерунда». Потом Бунге стал классиком, это как раз и был уход от концепции уникальности. В чем, как считалось, задача географии? Описать каждый район. Описал первый — переходил ко второму, третьему. А есть ли общие закономерности? — общего нет. А Бунге говорил: «Ну а как же потоки, поля? Гравитационные модели?» Последний абзац из его книги: «И в скором будущем мы уже не увидим на географических департаментах (факультетах) департаменты географии населения, геоморфологии, географии транспорта. А будет кафедра теории центральных мест, география потоков. Что поток воды в реке, что автомобилей по дороге». И наши все в полном ауте — неужели такое будет? Вот он, прогресс! Сейчас это смешно, но тогда... Ну и конечно, математический метод, да.

А.М. НИКУЛИН: У нас есть два неугомонных географа — Борис Родоман и Владимир Каганский, которые себя называют «пионерами теоретической географии». Но я так понимаю,

*А.И. Алексеев,
А.М. Никулин*
«В географии всегда была «тоска по комплексности»...»

что теоретическая география — это видение модели, которое есть у разных поколений географов, они пытаются что-то обобщать, а не только заниматься путешествиями и эмпирическими описаниями.

А.И. АЛЕКСЕЕВ: Да, и Тюнен, и Кристаллер — это все теоретическая география. А Родоман, конечно, первый у нас. У Родомана одна из статей вышла гораздо раньше, чем книга Бунге, где идеи те же. Хотя Родоман не знает английского и писал «из головы», что называется. Но это же потрясающая теоретическая логика. Но я не закончил про матметоды и «классическое описание». Теперь я понимаю, что то, что писала Баркова про эту лодку из тополя и многое другое, это будет актуально и 100 лет. А моя «гравитационная модель» — да она никому не нужна...

А.М. НИКУЛИН: Что это значит? Почему «метод Пржевальского» будет актуален, а «гравитационная модель» или какая-либо еще может устареть?

А.И. АЛЕКСЕЕВ: Потому что это фиксация какого-то явления, какого-то факта. Безусловно, в географии есть стремление описать как можно больше, и порой почти захлебнуться в фактах. Географии как раз не хватало «общего взгляда» — того, что потом делал В.В. Докучаев или Л.С. Берг с «концепцией ландшафта». А модель — ну это любопытно, но сколько уже этих моделей было... Знаете, есть такая карта «потенциала поля расселения»? Ее еще называли (неправильно) «демографический потенциал». Когда я писал диссертацию, где «ключом» был Боровский район Калужской области, я там чего только ни делал, такую формулу, сякую формулу выводил... Хотел сделать многофакторный анализ, но там очень слабые связи между показателями. Короче, написал я кандидатскую диссертацию. Название было наглое, конечно: «Экономико-географическое изучение и прогнозирование сельского расселения». Правда, в скобках было уточнение: «(некоторые вопросы методологии и методики)». Помните: инерционный прогноз, нормативный прогноз, что такое прогресс и так далее.

А.М. НИКУЛИН: Это так называемый «системный подход», где мы всё можем спланировать-спрогнозировать и двигаться в нужном направлении. Но это в целом по стране или Вы выборочно брали?

А.И. АЛЕКСЕЕВ: Теоретический подход — в целом, а конкретно — на Боровском районе.

А.М. НИКУЛИН: А почему именно Боровский район выбрали?

А.И. АЛЕКСЕЕВ: А там наша факультетская станция располагалась. И она до сих пор там — 50 лет отмечали недавно. Я нашел свою фотографию на склоне реки Протва, такой худенький студент второго курса, снимаю показатели гигрометра для наблюдения за микроклиматом — влажность там, температура... Кстати, до сих пор так и снимают показатели.

Потом я стал работать на кафедре. Тогда было принято, что преподаватель работает еще и по хоздоговору. Была такая Центральная научно-исследовательская лаборатория трудовых ресурсов при Госкомтруде РСФСР, а у них — плановая работа, изучение организованного переселения из города в село. Это был 1976 год.

А.М. НИКУЛИН: Под это тоже были планы и программы?

А.И. АЛЕКСЕЕВ: Да, например, в Вологодской области был план — 200 семей в год, если я не ошибаюсь, переселить из города в село.

А.М. НИКУЛИН: А это не программа «Развития Нечерноземья»?

А.И. АЛЕКСЕЕВ: Программа «Нечерноземья» была в 1974-м, а это уже 1977-й. Ну мы и поехали туда. Кстати, первый выезд был с Наташей Зубаревич, Вологда-Тотьма на пароходе «Тарас Шевченко», еще колесом! Мы объезжаем все эти села: обработка статистики, массовый анкетный опрос, общение с экспертами, то-се. Двумя пароходиками проехали от Тотьмы до Великого Устюга, и я понял, почему в Устюг надо плыть пароходом: ты целый день плывешь по темной, мрачной тайге, а в конце у тебя появляется белокаменный город, белоснежный — вот почему «Великий»! Мы, конечно, в итоге написали отчет, приложили кучу таблиц, но главные причины, почему люди уезжают из города в село, мне ярко сформулировал один из респондентов, молодой человек, который поехал в город, не прижился там и вернулся к родителям: «Жить негде, жрать нечего». «Жить негде» — их сунули в общежитие, а про «жрать нечего» — помните, какое снабжение было? А в селе хоть какая-то еда, но есть. Иными словами, это были те, кто не адаптировался в городе.

А в следующем году мы изучали это пресловутое «сселение неперспективных деревень», и там из 400 совхозов и колхозов Вологодской области реально хоть какое-то сселение было только в четырех, т. е. 1%. Полностью это осуществил один колхоз, самый передовой в области, где председатель — Герой Соцтруда. Это пригород Вологды, километров 10 от областного центра. Там земля была хорошая и рядом с городом, они просто снесли все старые дома, построили две пятиэтажки и стали там жить-поживать, как говорится. А в остальных колхозах часто было так: из мелкого сельского населенного пункта переселяют молодую семью в центральный усадьбу, а родители не хотят переселяться, говорят: «У вас там шумно, грязно! А у нас тут, в нашей тайге хорошо». И тогда это местожительство родителей объявляется дачей, молодые туда детей отправляют на лето и так далее.

Потом был договор с Научно-исследовательским центром Минкультуры. Нам заказали программу территориальной организации культурного обслуживания в сельской местности. Нам очень здорово удалось поездить — на Камчатке, Сахалине, в Средней Азии. Мы тогда впервые по всем сельским административным районам

РСФСР сделали карты разных показателей, типа «доля молодых», «доля пожилых», еще что-то. Интересная была работа. А потом меня послали на Кубу — 1983 год я провел там. Конечно, безумно интересно, потому что до этого я только один раз выезжал на неделю в Польшу с комсомольской делегацией. На Кубе все другое. Потрясающие люди, очень доброжелательные, не обременяющие себя заботами... Ну и посмотрел я, что такое социализм. Говорят: «Возьми мешок, сегодня поедем в такую-то провинцию, там можно ананасов у крестьян купить». — «Можно купить?!» В магазинах их нет — все сдают на склады и на экспорт. А крестьянам это неинтересно, им нужны наличные деньги. И вот один ананас стоил один песо. А когда продавали бананы, на улицах Гаваны стояла толпа. А ведь бананов там — как грязи!

А.М. НИКУЛИН: Был дефицит даже бананов?

А.И. АЛЕКСЕЕВ: Ну это же социализм... Ладно, потом вроде чуть лучше стало. Это для меня было очень интересно. И я там, на Кубе, понял, какую книжку мне нужно писать — про советскую деревню!

А.М. НИКУЛИН: «Многоликая деревня»?

А.И. АЛЕКСЕЕВ: Да, «Многоликая деревня» — не знаю, почему так решил, наверное, надо было отключиться от текучки. Вот мы едем по шоссе из Гаваны в Матансас, у меня идеи крутятся в голове, я их записал и понял, что делать дальше. Кстати, на Кубе посетил «нуэво коммунидадес» — новые поселки типа наших «аггородов». Тоже полный кайф такой, отдельная песня!

У этой моей поездки было неожиданное последствие. Зная о ней, знакомые из издательства «Прогресс» предложили написать книгу по демографии на испанском языке — появился у них такой заказ. Я говорю: по демографии не смогу, но можно сделать по географии населения с основами демографии. — Идет! Так что в 1987 году у меня вышла довольно большая книга на испанском. Интересно, что 30 лет спустя на одной из географических конференций в Москве выступал президент географического общества Аргентины, и когда его спросили, какие работы российских географов он использовал, он назвал эту самую книгу!

Еще одно направление моей работы — учебные практики студентов после второго курса, я на них ездил, наверно, лет 15. Это 3–4 недели, на автобусе, по разным городам и весям. Или же, наоборот, берем один район и его досконально изучаем. Тяжело, но очень интересно.

Одно из самых сильных впечатлений в жизни: граница Горьковской и Костромской областей, Ветлужский район. Дальний колхоз, куда наш автобус с трудом пролез, зоо занятых, мясомолочная специализация, но 80% доходов — от деревообработки. Этим занимаются то ли 10, то ли 8 человек, пришедшая бригада из Майкопа, уже тогда были «отходники». У них огромный сарай, очень сильная лампа, работают круглосуточно. 2 недели работают, на 2

недели уезжают отдыхать. И вот рассказ одного парня: «Да вы видели, как тут живут? Да у нас в Майкопе скотина так не живет! А как они пьют? Они же каждый день пьют! Мы предложили одному трактористу: «Вась, ты после обеда не начинай сразу пить, приезжай к нам на пару часов, нам надо лес доставить. Мы будем тебе платить больше, чем ты в колхозе получаешь». Он пару дней поработал — и больше не смог. Его все осудили: «Что же ты, вместо того чтобы с друзьями посидеть, за «длинным рублем» погнался!» Вот так.

Потом мы переехали ближе к городу Семенову, там, где Хохлома. И там по домам люди работают — все совсем другое просто, пьяных почти нет.

А.М. НИКУЛИН: Они более предприимчивые. Эта их «неформальная экономика»: есть официальная работа на фабрике и неофициальная у себя — вырезать ложки и этим торговать.

А Ваша книга оказалась «в нужное время, в нужном месте», она же в годы перестройки была написана?

А.И. АЛЕКСЕЕВ: В 1990-м². В 1989-м у меня вышла брошюрка «География сельской местности». Потом меня просили повторить, но сейчас самый большой знаток российского села (из географов) — конечно, Таня Нефедова.

А.М. НИКУЛИН: В перестройку выходили сборники «Иного не дано», там тоже есть Ваши публикации.

А.И. АЛЕКСЕЕВ: Я назвал там свою статью «Нечерноземный Чернобыль?», потом немного жалел. Мне запомнилась фраза одного журналиста, который идет по заброшенным селам: «Ни человека, ничего. Как Чернобыль». Интересно, вот советские годы помню более-менее, а потом — такая была суета, пришлось и там и там работать, где-то лекции читал, в РАНГХиГС в том числе, еще где-то, потом гранты пошли. Мне еще раз здорово повезло: у нас председателем совета был Мироненко Николай Семенович, очень толковый ученый. Его пригласили участвовать в разработке темы сельской местности СНГ. А он, хороший человек, сказал: «Зачем меня, вот есть специалисты». И я попал в ИНТАС.³

А.М. НИКУЛИН: Да, сельским социологам и экономистам, например, ИНТАС выдавал гранты на исследование кооперативов в сельской местности, разработку рекомендаций по внедрению и поддержке кооперативов.

2. *Алексеев А.И.* (1990). Многоликая деревня: (Население и территория). М.: Мысль. — 266 с.

3. INTAS (сокр. от англ. The International Association for the Promotion of Co-operation with Scientists from the New Independent States of the Former Soviet Union) — международная ассоциация по содействию сотрудничеству с учеными новых независимых государств бывшего Советского Союза. Некоммерческая организация, финансировавшаяся Евросоюзом.

А.И. АЛЕКСЕЕВ: Там у нас немцы из Потсдама были «головые», а вторым координатором — Плимутский университет Великобритании. В России в программе базовыми были МГУ, Алтайский университет (руководитель Виктор Валентинович Рузский), Воронежский университет (Юрий Васильевич Поросенков) и Константин Георгиевич Матей из Кишинева. Четыре точки. Немцы давали приличные деньги — на командировки, на компьютеры. Но самое главное, что благодаря этому я побывал в Германии, а потом и на очередном заседании в Плимуте. И там я встречаю Джона Салноу, с которым 30 лет назад мы вместе учились в МГУ! В 1970 году он был годичным стажером, жил в общежитии и ходил на лекции 5-го курса. Представляете, какой молодец, он сказал: «Я чувствую себя обязанным вашей кафедре, давайте, я организую практику вашим студентам в Англии?» Выбил грант, сел за руль микроавтобуса и неделю нас возил по Великобритании. А потом с его же подачи — одно из самых сильных впечатлений, участие в Съезде американских географов. Это самый представительный международный географический конгресс. Представьте огромное здание гостиницы, 50 аудиторий, и в каждой с 8 утра до 8 вечера каждые 2 часа начинается новая сессия. Только расписание сессий — уже толстая книга. И книжная выставка, где каждый университет имеет свой стенд, и каждый выпускает книгу по Human Geography (у нас это называют социально-экономическая география) больше, чем вся Российская Федерация. Вот так и понимаешь свое место в мировой науке... И еще одно крупное везение в моей жизни — встреча с Теодором Шаниным. Меня с ним Рывкина познакомила. Мы с Сашей Ткаченко советовали ему, из каких природно-экономических зон взять типичные населенные пункты. До сих пор яркое впечатление, как я к вам в станицу приехал.

А.М. НИКУЛИН: Станица Привольная?

А.И. АЛЕКСЕЕВ: Да. Вы продолжаете следить за ней?

А.М. НИКУЛИН: Да, в этом году Валерий и Ольга Виноградские опять поедут в Привольную. Да и я еще собираюсь там побывать.

А.И. АЛЕКСЕЕВ: Конечно, знакомство с Валерием Виноградским и с Олей Фадеевой — это просто песня...

Ну а потом, раз уж мне так долго в жизни везло — должно же было не повезти. В 2014-м обнаружили сердечную недостаточность. Долго обследовали — надо делать операцию, не надо, в итоге поставили кардиостимулятор. Теперь я уже не могу ездить в экспедиции и на конференции, очень плохо переношу дорогу. Хожу медленно, одышка.

Да, я не рассказал еще о важном направлении своей работы. На первый соросовский конкурс работ я написал две заявки: в одну «Учебник географии населения» — вложил всю душу, но на всякий случай написал еще одну — учебник «География России». И прошла вторая. От Фонда Сороса получил доволь-

но приличные деньги и издал книжечку. Конечно, вся география в нее не вошла, я хотел включить и физическую, и экономическую, но получилась социально-экономическая география России, учебник вышел в 1995 году.

Параллельно в издательстве «Просвещение», которое тогда было монополистом, шли следующие процессы: возникла «Дрофа» и начала переманивать авторов, два главных автора учебника для 8–9-х классов уходят туда. Завредакцией в «Просвещении» Людмила Елховская посмотрела то, что я написал, ей понравилось, и мы целый год вместе с методистом доводили («до ума») мой текст — ведь должна была быть не просто «книга для чтения», а именно учебник, с вопросами, заданиями, графиками и т. д. Так в 1995 году вышла моя «Россия: география населения и хозяйства» для 9-го класса. Она выдержала 14 изданий! Второй учебник мы выпустили в «Дрофе», уже с соавторами, это была вся географию России, и физическая, и экономическая. Третий — снова в «Просвещении».

А.М. НИКУЛИН: Но Вы — один из авторов учебников по географии для студентов?

А.И. АЛЕКСЕЕВ: Для студентов в «Экономической географии России» есть раздел «География населения», мы там с Машей Савоскул соавторы.

Должен сказать, мне очень повезло на учеников, особенно на учениц. Маша Савоскул, Лиля Карачурина, Ксения Аверкиева, Саша Фомкина (Смирнова) и многие другие — более двадцати аспирантов, пять докторантов. Хорошо, что на кафедру удалось заманить молодежь. Буквально заманить: «Давай мы тебя на полставки возьмем!»

И сейчас «для души» — это гранты: по социологии, про село-городские сообщества, по наукам о Земле — мои любимые сельские населенные пункты, мы сделали их классификацию. Я назвал грант немного «по-аузановски» (он любит «эффект колеи»): «Новая типология сельских населенных пунктов: эффект колеи и перспективы развития сельской местности». И — вот везет на толковых студентов! — Саша Чучкалов, представляете, с 1891 года по наши дни по двум районам Марийской Республики посчитал все населенные пункты, составил карты, а потом посмотрел еще траекторию их развития. Если село было волостным центром, то тут никаких вопросов, остается и в наше время центром, а вот если было центром прихода, то, скорее всего, стало затем центром сельсовета, центральной усадьбой, но больше половины таких сократили еще в 1950-е годы. А те, что все время были центральной усадьбой — каков их путь? В общем, это довольно сложная штука, но парень разобрался.

А.М. НИКУЛИН: Получается, «эффект колеи» проявился в том, что чем более статусным и богатым сельский населенный пункт был еще во «времена царя Гороха», тем больше у него шансов сохраниться и более-менее развиваться сегодня?

А.И. АЛЕКСЕЕВ: Да, верно. Есть исключения, но в целом тенденция такова. Саша Чучкалов сделал еще одну работу. Он изучил «новые сельские населенные пункты» — бывшие ПГТ. За постсоветское время таких нашлось около 800. Потом мы сделали статью, куда добавили и отдельные регионы, я подробно изучил эти процессы на Чукотке. Может быть, помните, была дискуссия — как лучше осваивать Север, на постоянном месте жительства или вахтой? В 1969 году, когда я был студентом, на факультете работал контр-адмирал Василий Федотович Бурханов, бывший начальник Главсевморпути. Величина, конечно! И он как человек, который знал, что такое Север по личному опыту, говорил, что надо осваивать Север, не заселяя. Но у нас так не умели тогда.

А.М. НИКУЛИН: Я помню, считали, что надо застраивать Север. А уж если «руководство сказала», то это практически «что говорят классики».

А.И. АЛЕКСЕЕВ: Классики чего только не говорили. Помните, у Энгельса: «В лице больших городов капитализм оставил нам такое наследие, от которого трудно будет избавиться»? Для него идеал — малые города и прочее такое.

А.М. НИКУЛИН: Да, что-то такое у него в этом высказывании «чаяновское».

А.И. АЛЕКСЕЕВ: И на Чукотке большая часть ПГТ — поселки при приисках по несколько тысяч жителей. И ни одного не осталось, все исчезли. Но на их месте в нескольких случаях возникли поселки вахтовиков канадской, австралийской, еще каких-то иностранных компаний, где от жилья до рудника ты идешь по крытому переходу, и кормят отлично. И, конечно, занятых там на порядок меньше. Так что жизнь сама рассудила. На Чукотке по сравнению с советским периодом население сократилось где-то в три раза. Но еще больше в Магаданской области — в четыре раза! Такой печальный рекорд.

Да, так вот, есть многотомник «История сел Орловской области», тоже чуть ли не с времен Бориса Годунова, — все хочу посмотреть. Ведь чем длиннее период, тем интереснее. Саша Фомкина сделала такую работу по Старицкому району Тверской области — первые данные за 1850-е годы, то есть за 160 лет — потрясающе интересно!

А.М. НИКУЛИН: Получается такая историческая география.

А.И. АЛЕКСЕЕВ: Знаете, что интересно по марийцам? Как правило, села мононациональные: только марийцы, только русские, только татары, только чувашаши. Значит, если мы смотрим динамику развития этих сел, то можем делать выводы, например, о миграции этноса, которую иначе вообще никак не поймать. Так вот, самые устойчивые — марийские села. Самые неустойчивые — русские. Русские начали уезжать оттуда в 1960-х годах, а марийцы только относительно недавно.

А.М. НИКУЛИН: Я думаю, что это зависит от того, насколько тот или иной этнос придерживается традиций.

А.И. АЛЕКСЕЕВ: Да, от степени традиционности зависит... Но вот еще одно наблюдение: я был в Краснодаре председателем ГЭЖа, и меня везут путешествовать. Едем вдоль моря, между Анапой и Новороссийском. Проезжаешь очень богатые прибрежные села, а потом сворачиваешь, и село уже более бедное. Я решил, что, наверное, это потому, что оно уже не на море, а мне преподаватель Кубанского университета: «Здесь же русские». Представляете? Армянские села — на побережье, а русские в глубине... Но важно не то, что на побережье, а то, что русское. Да, русские раньше всех ринулись в города, и это пока очень слабо изучено.

А.М. НИКУЛИН: Мы видели и такие татарские села. Причем они умудряются существовать в режиме «село-город», при этом работать на свои мощные подсобные хозяйства, это видно по домам, по дворам — процветающие деревни. Я еще хотел спросить в развитие этой проблематики и методологических посылов Теодора Шанина и Виктора Данилова увидеть какие-то альтернативы. Имелись ли альтернативы в сельском расселении, в сельском развитии Российской Федерации в те самые 50 лет, что Вам лично приходилось наблюдать, начиная с «алтайских времен»? Ведь исход в города — это общемировой процесс, но, возможно, были какие-то направления социальной или экономической политики, которые каким-то образом смягчили бы этот «исход» сельского населения в города и дали больше шансов сельскому развитию на местах? Это первый вопрос.

И второй: мне кажется, русские сейчас в лидерах среди «активных горожан», которые возвращаются в сельскую местность, со всякого рода рекреационными, культурными, инновационными, дачными проектами и прочим.

А.И. АЛЕКСЕЕВ: Это мы с вами про Русский Север говорим?

А.М. НИКУЛИН: Не только: Виноградские, например, в Саратовской области наблюдают село Лох. Местные там очень пассивны, а горожане приезжают из Саратова и развивают всякие культурно-исторические и экономико-экологические инициативы.

А.И. АЛЕКСЕЕВ: А кто там, кроме русских? Татары?

А.М. НИКУЛИН: Не важно кто! Главное, что горожане оказываются активистами нового сельского развития и, как правило, даже не аграрного развития, а постаграрного. Запустить вновь в работу историческую водяную мельницу, производить какой-нибудь эксклюзивный козий сыр. Вы видели видеоролики интервью Валерия Виноградского с местным козопасом?

А.И. АЛЕКСЕЕВ: Да, я помню — с Юрием Карамзиным, у него там «ангелы на грядках».

А.М. НИКУЛИН: Да, да. Или вот на меня произвели впечатления экопоселения. 20 лет назад было несколько, сейчас уже порядка 400. Есть несколько сайтов экопоселений, есть их самообследования, ЦИРЖОН производил социологические исследования.

А.И. АЛЕКСЕЕВ: Знаете, в одном из районов Тульской области стоят вагончики, где живут полумаргиналы. Их дети в грязи копошатся, а они считают, что так экологически чисто!

А.М. НИКУЛИН: Одно из самых интересных для меня экопоселений — «Ноев ковчег» Малоарославского района Калужской области. Я возил туда коллег-аграрников, участвовавших в международной конференции стран БРИКС. Середина октября, страшная дождливая погода, грязь, холодно. И вот один из поселенцев, профессор с горящими глазами, обращается к иностранцам: «Давайте представитель каждой страны БРИКС сейчас посадит по дереву в честь того, что вы приехали!» Ведет индуса, китайца, бразильца и южноафриканца, потом они возвращаются обратно, бедные, вымокшие... И этот профессор говорит: «Вот, китайский товарищ оказался первым, а товарищ из Индии отставал!» Я говорю: «Там же грязь, хорошо бы руки помыть после посадки деревьев...» — «Руки мы с иностранными товарищами уже помыли в луже, у нас же экологическое поселение!»

А.И. АЛЕКСЕЕВ: Круто!

А.М. НИКУЛИН: И это все такие постмодернистские и традиционалистские формы попыток развития сельской местности не только с точки зрения аграрного производства...

А.И. АЛЕКСЕЕВ: Знаете, есть такое направление — «альтернативная история», например, что было бы, если бы мы выиграли Русско-японскую войну. Теоретически интересно, что если бы мы хотя бы чуть-чуть приблизились к немецкому или французскому опыту. Вот в последние пару месяцев в Германии широко обсуждают большую проблему: «продовольствие стоит слишком дешево». Собирают совещания всякие, СМИ пишут: «Десятикилометровая колонна тракторов вошла в Берлин!» Помните, как в Краснодаре...

А.М. НИКУЛИН: Да, попытались двинуться такой колонной с Кубани на Москву. Но уже на границе с Ростовом эту колонну рассеяли.

А.И. АЛЕКСЕЕВ: Мой бывший аспирант живет в Германии и очень хорошо все это знает, он говорит: «Бауэр, это «человек № 1» в Германии, это основа нации». Во Франции еще круче! Ему все поют гимны. Вот такое отношение страны... Интересно, могло ли это быть по-другому? Как, опять же: мог ли Горбачев не совершить таких ошибок?

А.М. НИКУЛИН: Один мой знакомый профессор-антрополог говорит: «Почему всегда, когда у нас возникает альтернатива, мы, как правило, выбираем самый худший вариант?» Ну те же самые Маленков с Хрущевым — вроде бы сначала в 1953–1954 годах идут таким «осторожным путем Ден Сяопина» и кажется — ну дай еще большую свободу и проведи некоторую деколлективизацию в конце 1950-х. Но вместо этого, наоборот, Хрущев продавливает новое укрупнение, новый рост социалистического производства, «зажимает» ЛПХ...

А.И. АЛЕКСЕЕВ: Что приходит в голову: это же верх примитивного мышления, они же нигде не учились. А если и учились, то в какой-нибудь ВПШ. Да и то, как Хрущев — одновременно учился и был секретарем Бауманского райкома. Поэтому и получается: мелкие села — это плохо, надо укрупнять — линейная логика.

А.М. НИКУЛИН: Ну логика здесь следующая — все крупное — прогрессивнее и легче управляется с точки зрения государства. Даже сейчас разворачивается «новейшая гигантомания» — агрохолдинги. Действует лобби сверхкрупного аграрного производства, которое доказывает, что агрохолдинги — это самое прогрессивное и перспективное направление.

А.И. АЛЕКСЕЕВ: Смотрите, еще один момент: практически отсутствие нормальных гуманитарных наук в СССР. После «философского парохода» все стали обслуживать интересы партии и правительства, поэтому, например, когда Хрущева спрашивали: «Ну, хорошо, вы переселите всех крестьян в пятиэтажки, а где они будут поросят держать?», он отвечал: «А поросята не нужны, будет колхозное мясо!» — «Хорошо, и чем они будут заниматься после работы?» — «Ходить в кружки политпросвещения и художественной самодеятельности!» Но получилось, что мужики стали пьянствовать, и никто это не изучал. Немного этнографы этим занимались, но как: есть шикарная книга «Культура и быт колхозников Калининской области» года 1960-го. Так там в качестве якобы типичного выбрали самый передовой колхоз! Его описали достаточно грамотно, но делая вид, что так жили все колхозники Калининской области. Сейчас этот колхоз разорился. Кстати, это на родине Аракчеева, где-то возле озера Удомля была его усадьба. А вы знаете, что Левитан взял панораму озера Удомля для картины «Над вечным покоем»? Она составная: церковь — из Плеса, озеро — Удомля, а писал вообще в Москве.

А.М. НИКУЛИН: Про эту картину нам, студентам, преподаватель психологии рассказывал, как в советские времена, времена всяческого просвещения, ему поручили провести экскурсию для узбекских товарищей в Третьяковке. И когда остановились около этой картины, узбеки обрадовались, заулыбались — а картина-то суровая вроде бы. Он спрашивает: «А почему вы так радуетесь?» Они отвечают: «Воды много! Это хорошо».

А.И. АЛЕКСЕЕВ: Я подумал, что мы совсем не затронули сюжет, который я хотел назвать, «Опыт авторефлексии». Начало аспирантуры — это 1971 год, я поехал в Боровский район, будучи абсолютно уверен, что там мелкие фермы, по 50 голов, и их надо автоматизировать (почему-то все были в этом тогда уверены). Я спрашиваю респондента: «Это типовая постройка?» Был такой госстроевский термин, и «типовая» — значит, хорошая, «не типовая» — плохая. И он мне: «Да раньше-то все были типовые». Выходит постановление «О развитии сельского хозяйства Нечерноземья», и я верю, что причиной всему — очень большая «мелкоконтурность» и низкое плодородие почв. И мне Саша Ткаченко показывает на эту же

А.И. Алексеев,
А.М. Никулин
«В географии все-гда была «тоска по комплексности»...»

тому стихотворение Тютчева «Эти бедные селенья, эта скудная природа — Край родной долготерпенья, Край ты русского народа!». Он писал эти стихи в городе Рославле Смоленской губернии, когда ехал из Петербурга в свое имение в нынешней Брянской области. А потом я читаю начало «Записок охотника» Тургенева. Первый рассказ «Хорь и Калиныч», первая фраза: «Кто перебирался из Жиздринского уезда Калужской губернии в Болховский уезд Орловской губернии, не мог не обратить внимание на разницу между калужской породой и орловскою породой». Помните?

А.М. НИКУЛИН: Да, да, разные типы крестьян, разные типы жилищ, достаток в Калужской и бедность в Орловской.

А.И. АЛЕКСЕЕВ: Я спрашиваю студентов, почему же так получилось, что на менее плодородных землях люди живут лучше, чем на более плодородных, не всегда публика догадывается, что ответ — в самом тексте: калужские крестьяне — на оброке, орловские «ходят на барщину». И получилось все наоборот: на черноземе жить плохо, а там, где земля плохая, — там получше. Ну и не помню, кто меня навел на стихотворение Алексея Константиновича Толстого, который взял эпиграфом строки Тютчева «Эти бедные селенья, эта скудная природа» и написал ответ: «Одарив весьма обильно/нашу землю, царь небесный/быть богатою и сильной/повелел ей повсеместно./Но чтоб падали селенья,/чтобы нивы пустовали/— Нам на то благословенье/царь небесный дал едва ли!» И дальше приговор: «Мы беспечны, мы ленивы,/Все у нас из рук валится,/и к тому ж мы терпеливы/— Этим нечего гордиться!»

В начале 1990-х у меня была маленькая работа от Центра Карнеги — тогда шла программа изучения миграции, в том числе вынужденных мигрантов, в рамках которой мы обследовали в Тверской области русских переселенцев из Таджикистана, Узбекистана и Казахстана. Я помню в Конаковском районе беседу с бывшим директором мясокомбината в Казахстане, он говорил: «Какая здесь богатая земля! Какие здесь луга! Сколько можно здесь быков пасти! А леса тут сколько! Мы у себя в Казахстане каждое дерево оборачиваем и поливаем. А здесь... Но они же ничего не хотят делать...» Для жителя Казахстана то Нечерноземье, куда он приехал, это очень богатое место!

А.М. НИКУЛИН: Когда Вы рассказывали про «шабашников» из Майкопа, я вспомнил: сейчас в одном из районов Архангельской области на базе местного обанкроченного совхоза выжило одно агропредприятие, там его директор — толковый молодой руководитель. В этом хозяйстве даже построили новую молочную ферму. Но что меня удивило: несмотря на российско-украинский конфликт, соорудили эту ферму работники, «шабашники» из Западной Украины.

А.И. АЛЕКСЕЕВ: Война — войной, а бизнес — бизнесом.

А.М. НИКУЛИН: Ну да, они уже много лет ездят, их знают на Русском Севере. Но опять-таки — у местных для строительства такой молочной фермы не хватает квалификации, местные построят, но хуже, и дольше будут строить.

А.И. АЛЕКСЕЕВ: Один из районов Томской области, начальник местного стройуправления говорит: «Я, наверное, на следующий год русских на работу совсем брать не буду! Постоянно пьют, не выходят на работу или ее портят. Возьму узбеков!»

Чтобы закончить пример про Майкоп: я потом думал: «Ведь и те — русские и те — русские. Почему они такие разные?» Потом вспомнил Гумилева: «пассионарность сосредотачивается на окраинах этнического ареала».

А.М. НИКУЛИН: В центре и на окраинах. Столица и окраины — вот где концентрируется, по Гумилеву, пассионарная часть...

А.И. АЛЕКСЕЕВ: Кто такие русские Майкопа? Это потомки тех же нижегородских крестьян. Но их предки 150 лет назад уехали, а предки тех, кто сейчас там живет, сказали: «Нам не нужно!» И в итоге я делаю такой вывод: не природа виновата, и не количество трудресурсов, а их качество. Но как определить качество? Пока это не очень понятно...

А.М. НИКУЛИН: Давайте поговорим тогда о планах. Чем приходите сейчас заниматься и чем бы хотелось, каковы перспективы?

А.И. АЛЕКСЕЕВ: Знаете, в географии всегда была «тоска по комплексности». Еще Ломоносов писал, что «география... всея вселенная обширность единому взгляду повергает». А у нас даже внутри экономгеографии есть география сельского хозяйства, география расселения, география сферы услуг и т. д. Например, я бы назвал то, чем занимается Таня Нефедова, — «социальная география сельского хозяйства», а такие вещи «расселенческие», традиционно «ковалевские» — мелкие, крупные населенные пункты, их динамика, системы расселения, то-се, это для нее не так интересно. Может быть, это и правильно, потому что то, чем она занимается, гораздо более «прикладно», всем больше интересно. И поэтому я так обрадовался, когда по Марий Эл удалось проследить траектории населенных пунктов.

А.М. НИКУЛИН: И что же у нас происходит с сельским расселением?

А.И. АЛЕКСЕЕВ: В начале XX века подавляющая часть сельских жителей Центральной России проживала в населенных пунктах людностью в несколько сот человек (300–600). По мере оттока сельского населения шла концентрация жителей в крупных селах, а большинство «средних» теряло население и попадало в разряд «мелких». Доля населения, проживающего в крупных селах, постоянно росла, но теперь эта кривая действительно стабилизируется. Когда мы с Сергеем Сафроновым это изучали, получалось, что постсоветских изменений произошло гораздо меньше, чем за два десятка последних советских лет⁴.

4. *Алексеев А.И., Сафронов С.Г.* (2015). Изменение сельского расселения в России в конце XX — начале XXI века // Вестник Московского уни-

А.М. НИКУЛИН: Позднесоветский период — вот когда был массовый исход сельских жителей, — именно потому, что город динамично развивался и все время высасывал рабочую силу.

А.И. АЛЕКСЕЕВ: Да, сейчас все более-менее стабилизировалось. Наверное, еще и потому, что отчасти играет роль ценовая политика — квартиры городские очень дорогие.

Еще интересная тема (была даже одна статья): «Сколько людей живет в сельской местности России зимой?» Короче: на треть меньше — это, правда, только по четырем селам (Тверская, Ивановская, Тамбовская области). И не потому, что дачники уезжают, это само собой. Но если взять половозрастную структуру из похозяйственной книги и на нее наложить реальную, которую мы узнали у бабушек («Этот живет здесь? — Нет, не живет»), то молодежи (20–30 лет) получается раза в три меньше. Почему? Потому что тех, кто уехал в Тверь или Тамбов учиться, никто не выписывает из хозяйственной книги. Люди могут в городе лет по 15 уже жить, но пока не купят там квартиру или как-то еще не получают, их не выписывают отсюда и не прописывают там.

А.М. НИКУЛИН: Получается, официальный показатель сельского населения завышен?

А.И. АЛЕКСЕЕВ: То, что завышен — это точно, но насколько — надо еще смотреть. По этому поводу есть интересные наблюдения у Ксении Аверкиевой на примере Верховажского района Вологодской области, пока не опубликованные.

А.М. НИКУЛИН: Даже вне зависимости от того, что зимой сельское население уменьшается на треть, есть ведь еще и «отходничество».

А.И. АЛЕКСЕЕВ: «Отходников» не считали. Их считали как местных, тем более что сейчас не очень понятно — городской ты или сельский житель? Живешь и там и там, особенно в пригородной зоне. Вы же слушали, наверное, доклад «Тропы в сельской местности» Гали Пивовар? У нее там бабушка, и она последние лет 20 каждое лето там бывала, все знает. Она это потрясающе описала.

А.М. НИКУЛИН: Одну статью мы уже опубликовали в нашем «Крестьяноведении»⁵.

А.И. АЛЕКСЕЕВ: Есть в «Крестьяноведении» и статья про Жарковский район Тверской области: где живут те, кто уехал из Жарковского района, и какие у них связи с родителями⁶. А Галя публиковала именно про тропы. У нас с ней есть еще пара ста-

верситета. Серия 5: География. № 2. С. 66–76.

5. Пивовар Г.А., Савоскул М.С. (2019). Изменение пешеходных троп в сельской местности как индикатор трансформации образа жизни сельчан // Крестьяноведение. Т. 4. № 3. С. 156–166.

6. Алексеев А.И., Ефимова О.Ю., Ткаченко А.А. (2019). Пространственная структура родственных связей (на примере поселка Жарковский Тверской области) // Крестьяноведение. Т. 4. № 2. С. 128–137.

тей, где говорится о том, как на периферии Московской агломерации в селе живут как бы «две нации» (как у Ленина). Люди среднего и старшего возраста считают, что все плохо и будет еще хуже. А есть молодежь и люди среднего возраста, многие из которых переехали из города, например, бывший офицер или экопоселенцы, они считают, что все нормально, все развивается, все цветет. Вот кто они? Горожане или селяне? Они же постоянно курсируют в ближайшую Каширу, многие и в Москве имеют квартиры.

Хочу рассказать еще об одном случае. В Тбилиси в 1979 году прошло Всесоюзное совещание по географии населения. Я выступал с тезисами, где призывал к комплексному изучению сельской местности, говорил, что у нас как-то параллельно и независимо друг от друга идет изучение производственных типов сельскохозяйственных предприятий, сельскохозяйственных районов, ландшафтов или сферы услуг. Ребята, давайте объединимся, надо переходить к типологии сельской местности. Это же я потом говорил и в Географическом обществе. Ко мне подходит Андрей Николаевич Ракитников и говорит: «Но ведь все это уже было!» — «Когда?!» — «В 1920-е годы». И дает мне список работ: Энгельградт — «Земледельческая Турция», Вавилов — «Земледельческий Афганистан», Христианович — «Горная Ингушетия» и других. Я читаю, потом прихожу к нему: «Андрей Николаевич, это гораздо более высокий уровень, чем у нас! Мы ниже, почему? Может быть, потому, что они были более «комплексники»?» Он посмотрел на меня с сожалением: «Была же уничтожена наука! Часть этих классиков погибла, а часть, хотя и работала, но им некому было что-то передавать!»

А.М. НИКУЛИН: Вот мы сейчас изучаем наследие этой «семерки аграрников-профессоров» в Чаяновском исследовательском центре. Они же, оказывается, классные географы! У Чаянова есть географические методы, у Челинцева — географические работы. А Рыбников был учителем Ракитникова в географии, то есть его старшим коллегой. И Ракитников оставил воспоминания в виде статьи в книге «История географии СССР». А потом я посмотрел — у них даже были совместные публикации, Рыбников — профессор, а Ракитников — его аспирант. В 1938 году Рыбникова расстреляли. Я думаю, что надо было бы специальную статью написать о географическом наследии организационно-производственной школы Чаянова.

А.И. АЛЕКСЕЕВ: А ведь в истории советской и российской географии такой главы нет...

А.М. НИКУЛИН: Рыбников в 1930 году выпустил учебник «Экономическая география». Не сельская, а даже экономическая! Есть воспоминания Баранского о Рыбникове, где он очень уважительно о нем отзывается... Такая мощная интеллектуальная традиция была прервана в связи с этими репрессиями. Я бы сказал, что географам повезло, а вот «аграрников» и экономистов «вырубили» так, что на их место пришли всякие «лысенковцы».

*А.И. Алексеев,
А.М. Никулин*
«В географии всегда была «тоска по комплексности»...»

А.И. АЛЕКСЕЕВ: Географы были далеко от политики...

А.М. НИКУЛИН: Их не коснулись страшные репрессии, у них не было своих показательных политических процессов, как, например, у экономистов...

А.И. АЛЕКСЕЕВ: Немного затронули центрографов, Деновскую школу. У нас доцент Володя Шувалов интересуется историей, читает и ведет семинар по истории географии, он нашел где-то выдержки из архивов Ленинградского НКВД о том, что существовала такая «отраслево-статистическая школа», антисоветская, конечно, руководителем которой был Ден, в скобках было написано «умер», и посадили его сына. В Питере один из географов покончил жизнь самоубийством, крупного теоретика Бернштейн-Когана «просто» посадили и через несколько лет выпустили, но он перестал этим заниматься.

А.М. НИКУЛИН: После этого ученые часто выходили из тюрьмы опустошенными и сломленными. Количество и качество их работ, как правило, ухудшалось, у них проявлялась страшная самоцензура, они брали темы для исследования — «что дадут» или чисто прикладные. Например, Челинцев и Макаров, когда их выпустили на свободу, были уже не теми учеными, что прежде. Они писали что-то и в 1940-е и в 1950-е годы (я читал их работы), «мастерство не пропьешь», как говорится, все еще чувствуется у них замечательный, по-прежнему, системный анализ организационно-производственной школы, но видно при этом, какая страшная там самоцензура. Хотя — «битому неймется» — в конце 1950-х Челинцев написал целую монографию «Как помочь отстающим колхозам в СССР».

А.И. АЛЕКСЕЕВ: Ого!

А.М. НИКУЛИН: И в ней «если мы не поможем отстающим колхозам в СССР, мы никогда не обгоним Америку, как призывает нас Никита Сергеевич Хрущев».

А.И. АЛЕКСЕЕВ: Вот вам и альтернативная история.

А.М. НИКУЛИН: Конечно, его монографию не опубликовали, ему ответили: «Спасибо, профессор». Я нашел отзыв рецензента, где тот писал: «Это же тот Челинцев, представитель организационно-производственной школы, который ратовал за мелкое крестьянское хозяйство, мы должны помнить о его «идеологических корнях!» и так далее...

А.И. АЛЕКСЕЕВ: Вы задали интересный вопрос: что нужно было сделать? Между прочим, Сергей Александрович Ковалев, когда шла эта волна «А какие населенные пункты должны быть в степной зоне, в лесной?» — ДОЛЖНЫ БЫТЬ! — говорит: «Стоп, стоп, это все — не наша задача». Ему неудобно было сказать: «и вообще — глупость». «Задача географа — выявить, что и как существует, какие идут процессы, к чему они могут привести... И, может быть, варианты развития этих процессов». А всякие «планы»... Но, надо сказать, вначале все считали: «Ну что ж, 2000 жителей — это минимум, потому что только при таком минимуме там должны быть все 10 главных учреждений обслуживания».

Вот пример из жизни: Калуга, год примерно 1980-й, совещание по нечерноземной зоне. Мы только что закончили свою работу по Вологодской области, а кто-то рассказывает про усадьбу Верхняя Троица в Тверской области, километрах в ста от Твери. Родина Калинина, агрогород, на вид все шикарно. И выясняется — после 10-го класса большинство ребят уезжают! Там присутствовал инструктор ЦК КПСС (можно сказать, чудило): «Как же так?! Мы же для них все делаем!» Логика была феодальная — ты здесь родился, вот и живи здесь. На что ему ответили, что мы бы не имели Московского университета, если бы Ломоносов остался в поморах.

Второе: каждая удовлетворенная потребность замещается новой, так? Это из Маслоу. У меня есть шикарный пример, не помню, где прочитал: одно из первых обследований на тему «Почему вы уезжаете из села?». Одно, другое отвечают, потом — «нет клуба». Что, 20% уезжают, потому что нет клуба? Вывод простой — построить везде клубы!

А.М. НИКУЛИН: Так у нас и сейчас считают: «Как нам развивать сельскую местность? — Восстановить непременно клубы, а там, где их нет, надо их построить!» Как же сельским жителям без клуба...

А.И. АЛЕКСЕЕВ: Вообще, город всегда выигрывает у села по комплексу параметров. Может быть, кроме экологических.

А.М. НИКУЛИН: Да, но когда нынешних селян об этом спрашивают, они говорят, что основная проблема «нет работы» и очень при этом «низкие зарплаты на селе». В советские и позднесоветские времена были и зарплата, и работа... Но сейчас, по сравнению с советскими временами, это все ухудшилось, конечно.

А.И. АЛЕКСЕЕВ: Возвращаясь к оттоку людей из сельской местности: Людмила Васильевна Корель из Новосибирска глубоко исследовала миграцию между городом и селом (с 1970–1980-х годов). У нее шикарный материал примерно по 150 селам Новосибирской области. Они выделили среди них, грубо говоря, «урбанизированные», «переходные» и «не урбанизированные», и вдруг выясняется: отток примерно одинаков из всех трех типов! Условия не важны, отток молодежи все равно будет. А почему деградируют? Пригородные, урбанизированные села — есть приток, а в «не урбанизированные» никто не едет. Значит, мы можем сбалансировать численность сельского населения, не только управляя оттоком, а обязательно имея в виду приток. Причем это вообще никто не изучает. Если едет молодежь из села в город — понятно, на работу, но почему в какие-то сельские населенные пункты кто-то приезжает, почти неизвестно.

А.М. НИКУЛИН: Я бы сказал, что по этой проблеме у современных исследователей есть лишь «точечные наблюдения».

А.И. АЛЕКСЕЕВ: Последнее, что меня сейчас беспокоит: использование качественных методов. Вот приходит в «Вестник МГУ, серия география» (я там член редколлегии) статья, первый же вопрос — какие материалы, откуда. И если человек измерил

что-то во многих точках, или «погонял статистику по субъектам», или по странам — вот это наука! А если работа с качественными данными, то сразу ехидный вопрос: «Что, десять старушек опросили?» Но мы-то знаем, что если десять старушек хорошо опросить — будете знать ВСЕ об этом объекте... Я даже нашел эпитафию к не написанной пока статье об этом. В 1947 году вышла книжка Баранского «Советы аспирантам экономгеографам», где главу «Сбор материалов» написал Саушкин (он тогда только-только защитил докторскую, стал завкафедрой). И вот первая фраза: «Для экономико-географа контакт с населением от руководителей до рядовых рабочих и колхозников абсолютно необходим и составляет половину дела». Половину — в 1947 году! Тогда не знали таких выражений «глубинное интервью»! Беседовать надо с людьми, контактировать!

“Geography has always ‘yearned for complexity’”⁷

Alexander I. Alekseev, DSc (Geography), Professor, Faculty of Geography, Lomonosov Moscow State University. 119991, Moscow, Lenin Hills, 1. E-mail: alival@mail.ru.

Alexander M. Nikulin, PhD (Economics), Head of the Chayanov Research Center, Moscow School of Social and Economic Sciences. 119571, Moscow, Vernadskogo Prosp. 82. E-mail: harmina@yandex.ru.

In the interview, the Russian geographer A.I. Alekseev considers those facts of his biography that determined his career in geography, key research projects and publications, and also discusses methodology and theory of geography. The interview focuses on rural geography and regions in which Alekseev conducted his studies — from the Non-Black-Earth region and Kuban to the Far East and Altai. Alekseev paid special attention to the Soviet history of rural geography, theory and practice of decision-making in the Soviet agrarian transformations, rural-urban migrations, rural settlement and the ethnic factor in rural geography. He also considered teaching of geography in secondary and higher school, the quality of geography textbooks and the change of generations in geography. The interview combines discussion of geographical theories with life stories of geographers who participated in the field rural research of Alekseev. The interview concludes with the issue of the relationship between quantitative and qualitative approaches in rural studies ('complex research') and with the aphorisms of classics of social-economic geography on the features of studying and understanding the rural development.

Keywords: economic geography, rural geography, theoretical geography, rural regions, rural settlement, N.N. Baransky, Yu.G. Saushkin, S.A. Kovalev, A.N. Rakitnikov, A.N. Chelintsev, A.A. Rybnikov.

7. The research was supported by the Presidential Grants Foundation. Project “The school of A.V. Chayanov and contemporary rural development: Preserving the scientists’ findings through the actualization of their heritage.”

Миры северных крестьянских промыслов¹

Рец. на кн. Никулин В.Н. Крестьянские промыслы на Северо-Западе России (вторая половина XIX — начало XX века) — СПб.: ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2017. ISBN 978-5-86007-756-0

А.М. Никулин

Александр Михайлович Никулин, кандидат экономических наук, директор Чаяновского исследовательского центра Московской высшей школы социальных и экономических наук. 119571 Москва, пр-т Вернадского, 82.
E-mail: harmina@yandex.ru

DOI: 10.22394/2500-1809-2020-5-1-167-171

Рецензируемая монография представляет собой обширное историко-экономическое исследование крестьянских промыслов на Северо-Западе России в пореформенный период. Структурно она распадается на четыре части: в первой представлены историография, источниковедение и общая характеристика крестьянских промыслов, вторая часть посвящена конкретно-эмпирическому описанию на основе статистических материалов ключевых промыслов Северо-Запада, прежде всего Псковской и Новгородской губерний: лесным и деревообрабатывающим, кузнечным и слесарным, судовым, рыболовным, гончарным, плиточным промыслам. В третьей части исследуются разнообразные отхожие промыслы не только Псковской, Новгородской, но также столичной Санкт-Петербургской губернии. Последнюю часть книги составляют разнообразные приложения: примеры крестьянских бюджетов, статистические таблицы разных видов промыслов в северо-западных губерниях, статистика заработков крестьян Санкт-Петербургской губернии, география распределения крестьянских промыслов по населенным пунктам, материалы по паспортному контролю крестьян-отходников в губерниях Северо-Запада России. Наконец, последний вид приложения — коллекция фотографий различных видов крестьянских промыслов конца XIX — начала XX века.

1. Материал подготовлен с использованием гранта Президента Российской Федерации, предоставленного Фондом президентских грантов. Проект «Школа А.В. Чаянова и современное сельское развитие: увековечивая деяния ученых через актуализацию их наследия».

Во «Введении» особое внимание уделяется обзору дефиниций промыслов, характеризующих неземледельческую деятельность крестьян: «ремесло», «мелкая сельская промышленность», «местные промыслы», «отхожие промыслы», «кустарная промышленность». Чаще всего используются термины «местные отхожие промыслы», а также «кустарная промышленность» (с. 7). Приведа самые разнообразные примеры определений от конца XIX до начала XXI века, автор выделяет два основных признака так называемого крестьянского мелкотоварного производства. Первый: производство самостоятельного производителя, работающего или непосредственно на рынок, или опосредованно — через скупщика. Второй: это преимущественно обрабатывающая промышленность, а не добывающая. Автор подчеркивает, что в своей книге термины «промыслы», «мелкая крестьянская промышленность», «кустарная промышленность» он использует как синонимы.

В конце первой главы, посвященной в целом тщательному историографическому обзору исследований промыслов в российской науке, В.Н. Никулин снова возвращается к проблеме использования понятий и концентрируется уже на прояснении специфики именно отхожих промыслов: «Разнобой в дефинициях «отхожие» промыслы, «отходники» ставит вопрос о том, что же брать за критерий отходничества: выдачу паспортов крестьянам на отлучку; продолжительность отхода — на 3 месяца, на полгода, на год, или уход крестьян за пределы административной единицы — волости, уезда, губернии. Несомненно, что определяющим для отходничества как постоянного явления в жизни русской деревни был более или менее продолжительный разрыв крестьянина-отходника со своим хозяйством» (с. 46).

В главе, содержащей обзор источников, основное место отводится перечислению и анализу разнообразных статистических материалов о промыслах, прежде всего земских. Однако автор не забывает обратить внимание читателя и на отражение темы крестьянских промыслов в устном народном творчестве, в пословицах и поговорках. Упоминаются соответствующие публикации — от словаря Даля до современных изданий, посвященных русскому фольклору.

Переходя к общей характеристике крестьянских промыслов, Никулин достаточно подробно описывает специфику природно-географических условий и их влияние на экономику Псковской и Новгородской губерний, ставших главным полем его исследования. Автор считает, что в столь малоплодородной местности как Северо-Запад России, при наличии низкого уровня агрикультуры и агротехники, совмещение собственно сельского хозяйства с промыслами и отходом для многих крестьянских хозяйств являлись естественным способом постоянной подстраховки в борьбе за экономическое выживание.

Основная часть монографии посвящена подробному историко-эмпирическому описанию различных отраслей крестьянских севе-

ро-западных промыслов. В этих главах, в самих их заголовках автор приводит меткие народные определения особенностей тех или иных промыслов: «не топор кормит, а работа», «железом хлеб добывают», «кто что знает, тем и хлеб добывает», «рыбака сеть кормит», «не боги горшки обжигают, а гончар», «каков промысел, такова и добыча». От каждого такого заголовка-пословицы В.Н. Никулин переходит к детальному изложению конкретных эмпирических и статистических фактов о самых разнообразных промысловых занятиях крестьян, приводит бюджетные характеристики доли промыслов в домохозяйствах, данные о продолжительности рабочего дня, размерах заработков, особенностей организации производства в тех или иных ремеслах, о социально-экономической дифференциации в рамках промыслов различных групп крестьянских хозяйств и т. д.

В главах, посвященных крестьянскому отходничеству, анализируется география отходничества на уровне отдельных уездов и волостей, его продолжительность, в значительной степени зависящая от природных циклов сельского хозяйства, а главное, от развития капиталистических товарно-денежных отношений и экономической конъюнктуры рынка. Подчеркивается, что в исторической динамике экспансия отходничества впечатляюще превосходила прирост крестьянского населения. Например, в Новгородской губернии за 45 лет с 1861 по 1906 год сельское население увеличилось в 1,8 раза, а количество отходников — в 6,3 раза. В этой связи В.Н. Никулин делает радикальный вывод: «Отходничество новгородских крестьян находилось в прямой связи с процессом «раскрестьянивания» — отрывом от земли и превращением массы крестьян в бедняков, полупролетариев и пролетариев» (с. 204). По мнению автора, значение отходничества для эволюции крестьянства пореформенного периода чрезвычайно важно, но и противоречиво.

От фиксации традиционной роли отхожих промыслов, связанной с решением извечной проблемы скудных источников крестьянского существования, их влияния на процессы ускорения социальной дифференциации деревни и ее раскрестьянивания, В.Н. Никулин переходит к характеристике динамики социальных, культурных, психологических и гендерных изменений: «Отходничество сказывалось и на социально-психологическом облике крестьян, втянутых в промыслы. Среди отходников было больше грамотных, для них в большей степени характерно было «оскудение религиозного чувства». Отходничество подрывало основы большой патриархальной семьи, существенно влияло на положение крестьянок, вовлеченных в отхожие промыслы: крепло их положение в самом крестьянском хозяйстве (из-за ухода мужчин на заработки), происходило стирание бытовой приниженности женщин» (с. 238).

Безусловно, рецензируемая книга о российских крестьянских промыслах является солидным научным исследованием, особенно в ее эмпирической части. Недаром сам автор несколько раз под-

черкивает, что читателю в ней представлено прежде всего конкретно-историческое исследование. Однако порой в этих конкретно-эмпирических описаниях не хватает структурной и аналитической ясности и четкости, и в результате создается впечатление, что многообразный эмпирико-статистический материал иногда произвольно, сам собой заставляет автора (и читателя) двигаться одновременно в нескольких прихотливо ветвящихся направлениях, неожиданно обрывающихся на самом интересном месте. Впрочем, автор и не претендует на собственную оригинальную аналитическую концептуализацию истории крестьянских промыслов, а лишь достаточно аккуратно перечисляет уже имеющиеся. Так, с одной стороны, В.Н. Никулин отдает дань работам о значении рынка в крестьянских промыслах, например, приводит цитату из И.А. Христофорова: «Рынок и рыночная мотивация не просто вторгались в жизнь деревни извне, как это представляется сторонникам «крестьянского мифа», они являлись средой, в которой крестьяне чувствовали себя столь же естественно, как рыба в воде»². Но с другой стороны, в книге гораздо больше места уделяется работам ленинской и последующей советской марксистской историографии по тематике промыслов, в которых утверждалось, что этим «рыбам» крестьянских домохозяйств в «воде» рынка жилось в целом тяжело, неуютно, в конечном счете бесперспективно.

К сожалению, в книге почти не раскрыта проблема внутренней морфологии крестьянского промыслового хозяйства и динамики ее возможного дальнейшего кооперативного развития, которая с успехом разрабатывалась в трудах организационно-производственной школы А.В. Чайнова и, особенно, в работах А.А. Рыбникова. Хотя сами идеи и собранные Рыбниковым данные по кустарной промышленности крестьянских домохозяйств в книге упоминаются достаточно часто и к месту, тем не менее, автор использует их в основном в иллюстративно-описательных целях, практически не развивая тему возможностей устойчивого развития крестьянских промыслов при органической поддержке земства и кооперации³.

Наконец, В.Н. Никулин, упоминая фольклорно-культурный аспект крестьянских промыслов, не стремится углубиться в исследования специфических характеристик эволюции крестьянских промыслов как народного искусства и мастерства, оставаясь здесь преимущественно на позициях лишь историка промысловой экономики. Хотя уже начиная с пореформенного периода вплоть до нашего времени имеются интересные работы, демонстрирующие

2. Христофоров И.А. (2013). Российская деревня и аграрные реформы в зеркале микро- и макроистории // *Российская история*. № 1. С. 37.

3. На наш взгляд, чрезвычайно полезной могла бы быть работа: Рыбников А.А. (1914). Земство, кооперация и кустарные промыслы // *Агрономический журнал*. № 3. С. 11–19.

междисциплинарное исследование промыслов не только с экономической точки зрения, но и искусствоведческой⁴.

Тем не менее труд В.Н. Никулина, как представляется, достигает своей главной цели: убедительно продемонстрировать на основе введения в оборот значительного числа новых архивных источников огромное значение и широкое разнообразие промыслов в жизни крестьянства российского Северо-Запада, с учетом специфики региональной промысловой эволюции местных домохозяйств.

А.М. Никулин
Миры северных
крестьянских
промыслов

Worlds of the northern peasant crafts
Review of the book: Nikulin V.N. Peasant Crafts in the North-West of Russia (second half of the 19th — early 20th centuries). Saint Petersburg: Dmitry Bulanin, 2017.

Alexander M. Nikulin, PhD (Economics), Head of the Chayanov Research Center, Moscow School of Social and Economic Sciences. 119571, Moscow, Vernadskogo Prosp, 82. E-mail: harmina@yandex.ru.

4. См.: *Никулина Е.С.* (2014). Последние старые мастера Русского Севера // *Крестьяноведение. Теория. История. Современность. Ученые записки*. Вып. 9. М.: Дело. С. 336–343.



Теодор Шанин
(29.10.1930, Вильно — 04.02.2020, Москва)

Вспомяна Теодора Шанина

Владимир Валентинович Бабашкин, доктор исторических наук, профессор кафедры политико-правовых дисциплин и социальных коммуникаций Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. 119571, Москва, пр-т Вернадского, 82. E-mail: vbabashkin@ranepa.ru

Валерий Георгиевич Виноградский, доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Центра аграрных исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. 119571 Москва, пр-т Вернадского, 82. E-mail: vgrape47@yandex.ru

Виктор Викторович Кондрашин, доктор исторических наук, профессор, руководитель Центра экономической истории Института российской истории РАН. 117292, Москва, ул. Дмитрия Ульянова, 19. E-mail: vikont37@yandex.ru

Оксана Валентиновна Горовенко (Рыжанкова), кандидат экономических наук, доцент кафедры международного бизнеса Белорусского государственного экономического университета. 220070, Республика Беларусь, г. Минск, пр-т. Партизанский, 26. E-mail: gorovenko@inbox.ru

Ольга Петровна Фадеева, кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Института экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения РАН. 630090, Новосибирск, пр-т Лаврентьева, 17. E-mail: Fadeeva_ol@mail.ru

Илья Ефимович Штейнберг, кандидат философских наук, доцент Московского государственного психолого-педагогического университета. 127051, Москва, ул. Сретенка, д. 29. E-mail: ilya.shteynberg@gmail.com

Этот текст — дань памяти крестьяноведам своему учителю и дорогому коллеге Теодору Шанину (29.10.1930 — 04.10.2020) — выдающемуся британскому социологу, одному из основателей мирового и российского междисциплинарного направления исследования сельской жизни — крестьяноведения, почетному профессору Манчестерского университета, основателю и президенту Московской высшей школы социальных и экономических наук (Шанинки), почетному редактору журнала «Крестьяноведение».

В основу текста положены личные воспоминания социологов и историков О. Фадеевой, В. Виноградского, В. Кондрашина, В. Бабашкина, О. Горовенко и И. Штейнберга о знакомстве, общении, работе с Теодором Шаниным.

В воспоминаниях, прежде всего, подробно описывается становление и развитие первого шанинского социологического проекта «Социальная структура советского (пост-советского) села» (1990–1994 гг.), приводятся примеры особенностей исследовательской методологии, полевой работы, реализованных и нереализованных крестьяноведческих замыслов Шанина и его коллег. Дается оценка интеллектуального и личного значения наследия Теодора Шанина на понимание дальнейших исследовательских задач, стоящих перед современным крестьяноведением.

Особое место в воспоминаниях уделяется Теодору Шанину не только как талантливому организатору научных проектов, крупному методологу-теоретику социальных наук, но также как замечательному исследователю-полевому, и, наконец, великоллепному лектору-педагогу.

На каждой странице этих воспоминаний запечатлено также восхищение человеческими достоинствами Теодора Шанина, — его любознательностью, наблюдательностью, сопереживанием, и, наконец, волей не только к интеллектуальному постижению, но и гуманистическому преобразению человеческого общества.

Ключевые слова: Теодор Шанин, крестьяноведение, историческая социология, экономическая социология, антропология, полевые исследования, качественные методы, сельская России

DOI: 10.22394/2500-1809-2020-5-1-172-195

«Улыбка Теодора»

Ольга Фадеева

Мне довелось лично познакомиться с Теодором ещё до начала нашего крестьяноведческого проекта. Весной 1989 года в Академгородке, в квартире Инны Владимировны Рывкиной состоялась встреча сотрудников отдела социальных проблем Института экономики и организации промышленного производства АН СССР с приезжим английским профессором, который задумал нечто вроде летней школы-ликбеза для молодых советских социологов в Манчестере. Татьяна Ивановна Заславская, к тому времени уже покинувшая наш институт и возглавившая ВЦИОМ, была в курсе этой затеи. Благодаря её усилиям и стала возможной эта неформальная встреча будущих слушателей школы с её директором — Теодором. Для меня, как думаю и других членов «новосибирской фракции» первой манчестерской школы (а вместе со мной в июне 1989 года в Англию поехали Ольга Бессонова и Марина Шабанова), сама возможность такого обучения представлялась тогда какой-то ненаучной фантастикой. И хотя в дальнейшем стремительные политические изменения в стране превратили обучение за рубежом и международные исследовательские проекты во что-то обычное и почти рутинное, Теодор в то время казался нам добрым волшебником, открывшим ранее недоступный мир.

Не в меньшей степени неожиданным стало предложение Теодора принять участие в историко-социологическом проекте изучения советской, а потом (как неожиданно всё переиначило время) и российской (постсоветской) деревни. Это случилось уже в Англии на нашей внеурочной встрече где-то посередине трехмесячной образовательной программы, включавшей несколько лекционных курсов от самых лучших британских и американских профессоров, дополняемых занятиями с тьюторами на знаменитых английских газонах и — опять же не без деятельного участия Теодора — разнообразными вариантами досуга. Именно благодаря его любви к театру двадцати молодым советским социологам удалось окунуться

в яркий калейдоскоп событий Единбургского театрального фестиваля, побывать в Королевском шекспировском театре в Стратфорд-апон-Эйвон и в других не менее известных уголках Англии. Сейчас я понимаю, что та манчестерская школа была, по сути дела, прообразом Шанинки, организованной впоследствии в Москве.

Почему-то английская пресса, которую Теодор как искушённый пиар-менеджер привлёк для освещения работы своей школы, называла нас, её выпускников, «потерянным поколением», намекая на то, что СССР стремительно меняется — и мы, выросшие при социализме, затеряемся в новом мире. Наверное, в отношении молодых людей это сравнение звучало не совсем корректно. Удивительно другое — то, что мне, имевшей совсем небольшой опыт участия в сельских экспедициях в Сибири, Теодор предложил включиться в амбициозный международный проект, направленный на изучение малоизвестных страниц из жизни «великого незнакомца» — советского крестьянина. Задуманное Теодором историко-социологическое исследование требовало буквально антропологического погружения в сельскую реальность. Он нацеливал нас на то, чтобы услышать «крестьянское многоголосие» и напрямую задавать сельским жителям вопросы об устройстве их быта, об истории их жизни, жизни их рода и жизни односельчан. Помню, Теодор тогда сказал, что его не до конца устраивает подход к работе советских коллег. На его взгляд, учёные-горожане непростительно мало задерживаются в «социологическом поле» и слабо интересуются реальной жизнью крестьян: заполнив свои анкеты, они стремительно покидают село — оставляя после себя только шлейф пыли от отъезжающего автобуса в качестве единственного свидетельства об их скоротечной экспедиции.

В тот момент идеи Теодора прозвучали для меня увлекательно, но слегка авантюристично: «А что, если сделать так, чтобы исследователи не просто на миг заезжали в село с анкетами, а оставались там жить на какое-то время, «приучали» к себе окружающих — и постепенно узнавали историю этих мест и семейных кланов, научились бы считать оставленные временем зазубрины об истории села и местной власти, смогли бы собрать живые воспоминания о жизни дореволюционной и революционной деревни, расспросить сельчан о том, как проходила коллективизация, раскулачивание в их селах, как жила деревня во время войны, чем запомнились хрущевские и другие реформы? А что если попытаться возродить методы работы А.В. Чаянова и его коллег и восстановить методику динамических и бюджетных исследований? А что если...?»

Теодор умел не только мечтать, но и воплощать самые невероятные прожекты в жизнь. Уже в октябре 1990 года как будто из ниоткуда возник крестьяноведческий отряд Теодора, в который подобрались люди самых разных специальностей (философы, психологи, экономисты, историки, архитекторы, социологи и др.) с разным ис-

следовательским бэкграундом из многих регионов и республик тогда еще не рассыпавшегося Советского Союза. Теодору и его советникам-друзьям проекта было важно уловить не только временное, но и пространственное многообразие крестьянских миров, перекинуть мосты между разными пластами жизни сельских поселений, увязав в одно целое архивные изыскания команды историков под предводительством Виктора Петровича Данилова и материалы «полевых» крестьяноведа. Поэтому замах выборки оказался немалым. В результате до сих пор в наших архивах хранятся социологические, исторические и статистические материалы, собранные в селах Сибири, Урала, Поволжья, центрально-черноземных, южно- и северо-европейских регионов России, советской Белоруссии, Армении и республик Средней Азии.

Вспоминая необычайно яркие мгновения пятнадцати лет (с 1990 по 2005 год), в которые уложились три раунда проектов исследования трансформирующейся сельской России, поражаешься энергии и убежденности Теодора. Он заразил нас не только страстным исследовательским интересом к работе в не самых простых условиях (а на это время пришлось и развал СССР, и болезненный слом колхозно-совхозной системы, и тяжелейшие экономические и политические кризисы), но и внушил уверенность в своих силах, так необходимую для самостоятельной и успешной работы в непривычной и не всегда дружественной среде. Это помогало быстро приобретать профессиональный опыт интервьюера и легко адаптироваться к меняющейся ситуации. Полевыми исследованиями истории советского крестьянства мы не ограничились. Скоро стало понятно, что нам суждено стать не просто летописцами прошлого времени, но и свидетелями нового эпохального перехода от коллективно-колхозной к фермерско-предпринимательской организации сельской жизни с последующими конфликтами приватизации, разрушением складывающегося десятилетиями жизненного уклада, заменой планового начала на неформальные практики. Работа в сёлах дала умение находить язык с самыми разными людьми, независимо от их статуса и властных полномочий, дорожить доверием и расположением к себе наших респондентов. Теодор искусно вплетал в наши встречи-заседания после квартального исследовательского цикла, чтобы смягчить наш профессиональный разноречивый, разные мини-лекции. Ненавязчиво, но настойчиво он обращал внимание на этические принципы работы полевого исследователя, призывал неизменно следовать правилу «Не навреди тому, кто тебе открылся!». Мы осваивали методы коллективной работы в большом и разнородном исследовательском коллективе, в которой главное — умение слушать, слышать и уважать мнение другого. За многими нашими уже вполне казалось бы самостоятельными идеями, концепциями и научными открытиями стояла школа Теодора, который как мудрый учитель лишь изредка подсказывал ученикам направление, в котором стоит двигаться.

Он никогда не навязывал какого-то нового инструментария или методики работы, всё это в конечном счёте становилось плодом коллективного труда под патронажем кого-то из членов команды. Новые исследовательские вопросы и обобщения рождались в длительных дискуссиях и разговорах вокруг «длинного стола», к которому всегда можно было подставить дополнительный стул, чтобы посадить на него нового участника (в одной из своих публикаций известный журналист Отто Лацис, также один из друзей Проекта, назвал нашу команду «Рыцари длинного стола»). Теодор был великолепным модератором и другом каждому из нас, которому удалось не только «сколотить банду», но и создать настоящую семью, в которой ему самому было комфортно и по-домашнему тепло находиться.

Приветливая улыбка Теодора, его дружеский смех и совсем не британское чувство юмора неизменно сопровождали меня все 30 лет истории нашего знакомства — и это то, личное, что не передашь ни в научных текстах, ни в классических мемуарах. Это то, что остаётся в памяти всерьёз и надолго.

«Он создал и взрастил — и меня, и многих моих крестьяноведческих коллег»

Валерий Виноградский

Мне и моим коллегам посчастливилось быть участниками легендарного Первого крестьяноведческого проекта Теодора Шанина 1990–1994 годов, который остается не превзойденным до сих пор опытом долговременного и максимально плотного вхождения полевых социологов в русскую глубинку. Мы безвыездно жили в деревнях, ежедневно входили в избы, сидели на завалинках, расспрашивали стариков и записывали их нескончаемые повести о деревенских трудах и днях.

Летом 1992 года в поволжскую деревню Лох, где я вместе с семьей обосновался ради полного включения в жизнь этой старинной деревни — купил домик, развел кур, вспахал огород, — приехал Теодор Шанин. В те времена визит иностранца-профессора в деревню был подлинным экстрем-событием. Местные власти даже отрядили милицейский «козлик», чтобы сопроводить небывалого гостя от райцентра до моей избы на отдаленном от основной деревни хуторе Суходолка.

Дорога шла мимо местной пекарни, где я несколько стартовых экспедиционных месяцев проработал подсобником, выбивая горячие буханки из форм и выкладывая их на поддоны. Это была, в сущности, некая спецоперация моего нетравматического внедрения в социологическое поле — вся деревня, приходя с утра за све-

жим хлебом, тотчас начинала расспрашивать пекарей: «а это кто?», «а это чей?», но постепенно привыкла ко мне. И успокоилась: «Он, мол, истории собирает. Ну и ладно...»

Пользуясь дружеской приязнью, я попросил пекарей задержать на пару часов обычно раннеутреннюю процедуру высаживания хлебов — уж очень хотелось угостить Теодора еще не остывшей, дышащей натуральным теплом, телесной материей хлеба, возвращенного на соседнем пшеничном поле и смолотого на местной мельнице. Хлеба именно из ситной, а не размоленной муки — но кто сейчас понимает эту разницу?..

И вот я вынес на руках, как носят колотые поленья, четыре золотистых буханки — с румяной, цвета пенки топленого молока, вытянуто-полусферической коркой. Аккуратно, чтобы не смять, сел в машину позади Теодора — пора ехать к дому. Увидев соломенное свечение и учув сытный хлебный аромат, британский профессор повернулся и молча, с бережной жадностью обнял и прислонил к груди увесистое крестьянское изделие. Так и не выпустил его из рук до конца недлинной проселочной дороги...

Спустя несколько минут, умывшись с дороги, мы уже сидели за столом. Мои малолетние сыновья необычно серьезными глазами разглядывали крупную фигуру Теодора. А тот, видимо, сильно проголодавшись в трехчасовой поездке от железнодорожного вокзала в Саратове, аккуратно и как-то неопытно разламывал и сосредоточенно, без улыбки, не глядя по сторонам, поглощал — сперва белоснежную слоистую хлебную мякоть, а потом и вязкую, требующую довольно мощного кусания, чуть не сантиметровой толщины, поблескивающую корку. Стеклобанка прохладного утреннего молока была ополовинена Теодором в одиночку (помнится, он бережно наклонял банку над кружкой, опасаясь пролить хоть каплю). От почти двухкилограммовой буханки осталась небольшая хвостовая часть. Теодор — это было видно — заметно утомился от самого процесса этой простой, но требующей усилий, трапезы. Поставил локти на стол и подпер голову ладонями, прикрыл глаза — поза задумчивости и телесного покоя.

Потом мы перешли из кухни в переднюю избу, и я предложил Теодору отдохнуть. Он улегся на высокую металлическую кровать и тотчас, как нагулявшийся и сытый ребенок, уснул — на боку, подложив руку под щеку. Все мы вышли во двор и не тревожили его. Примерно через час он поднялся, встал перед тюлевой оконной занавеской, взгляделся в законный полевой пейзаж и медленно, грустно произнес: «Я хотел бы здесь остаться. Хоть ненадолго...» А потом, после долгой паузы, добавил: «Вам повезло, коллеги, — вы здесь прикасаетесь к жизни напрямую...» Опять пауза: «Но я ведь тоже не в стороне — смог все-таки завертеть всю эту экспедиционную историю». — «Да уж, Теодор, Вы прямо как тот персонаж из «Анчара» — «и человека человек послал в деревню властным взглядом...». — «Нет, не только взглядом! Словом! Словом — по-

мните, как все мы вместе горячо мечтали и обсуждали наши планы за длинным столом?..»

Заблестели его выразительные глаза, Теодор развернул плечи, приободрился и громко, победительно захохотал. Мало кто умел так открыто, простодушно смеяться.

Потом мы отправились знакомиться с нашими крестьянскими информантами, потом, с визитом вежливости, посетили местное деревенское начальство, с некоторым смущением уклонившееся от продолжительного общения с британским профессором. Потом, уже ближе к закату, мы проводили Теодора в Саратов. А сами остались в деревне. Остались потому, что программа Крестьяноведческой экспедиции не допускала простоев, хотя и была рассчитана не на дни и месяцы, а на годы.

По ее окончании, в 1994 году, стартовал Второй крестьяноведческий проект, где нам тоже удалось всласть, в течение трех лет, поработать. И, может быть, это странно, но до сих пор многие тогдашние шанинские добровольцы-полевики никак не могут пригасить зажженную Теодором «охоту к перемене мест» и наконец завершить свои исследовательские погружения в заметно скудеющие, но по-прежнему прекрасные сельские пространства. Деревня держит и не пускает...

* * *

28 февраля 2019 года (жить Теодору оставалось чуть меньше года) мы вместе с коллегами по Центру аграрных исследований РАНХиГС уговорились встретиться с Теодором, чтобы посоветоваться с ним о возможных перспективах наших крестьяноведческих штудий. Он позвал нас к себе домой, напоил чаем и стал внимательно слушать нас. А мы замыслили, спустя ни много ни мало целое поколение, повторить полевые процедуры и реализовать главные целевые установки Шанинской Крестьяноведческой экспедиции 1990 года. То есть снова исследовательски войти в те же, что были выбраны тогда, русские деревни и хутора. И погрузиться в подробности нынешнего повседневного существования сельчан. Затея за виду простая и понятная, но вместе с тем отчасти рискованная.

Ведь недаром поэт серьезно предупреждал — «никогда не возвращайся в прежние места». Он, вероятно, думал о пространстве своих утрат, но наш исследовательский азарт несколько другой. Он, как мы понимаем, ведет и направляет нас не столько к «старым стенам», к деревенским жизненным руинам, что, конечно, вполне возможно. Он прежде всего дает нам реальный шанс возврата к самим себе. Ведь это же мы сами, но тридцатью годами моложе, непосредственно были заняты в том Первом крестьяноведческом проекте. Тогда и началась наша многолетняя дружба с Теодором...

«Скажите, Теодор, что, по-Вашему, смогут увидеть в тех незабываемых деревенских пейзажах наши, уже достаточно опытные социологические глаза? Станет ли понятно, куда идет сельская Россия? И как нынешняя деревня управляется со своей судьбой? Удастся ли нам впитать из бытийного деревенского воздуха то совокупное, не разнесенное по статистическим и аналитическим отсекам, общее настроение, которое и есть сельский мир? Правильно ли мы поступаем?..»

Выслушав наши вопросы (при этом Теодор улыбался и понимающе кивал), он поднял обе руки и торжественным тоном сказал только одно слово: «Благословляю!»

Но самое важное произошло спустя несколько минут. Помолчав, Теодор сказал: «Коллеги, будьте осторожны. Вы уже не встретите то, прежнее, крестьянство. Крестьянство исторически выдохлось. Есть жители деревни, которых нужно кормить. А не так, как прежде, — крестьяне кормили страну. Они уже не тот «неудобный класс», о чем я писал в своей книжке. Они стали удобны как объект государственного патронирования и подачек. Но посмотрите, кто приходит им на смену? Думаю, это уже не крестьяне. Они, видимо, интересны и сильны другим. Чем именно? Что держит их рядом с землей? Что они знают? Что умеют? Каковы их привычки? Каковы их чудачества? Как они «нажимают» на землю — если это впрямь делают? Как они растят детей? О чем мечтают?..»

Этим и закончился тот февральский разговор.

Вот «таким манером» (его любимый речевой оборот) Теодор Шанин аналитически расширил свой общий тезис о «благословении» нашего замысла. И остался самим собой — знатоком, экспертом, социально-историческим мыслителем. По сути, его краткое ободряющее напутствие буквально на наших глазах конвертировалось в сжатую и интереснейшую исследовательскую программу. Как и 30 лет назад, тряхнув стариной, Теодор со вкусом и видимым удовольствием возобновил ту интеллектуально-организационную школу для социологов-полевикиков, которую он ежеквартально, в течение трех с половиной лет, вел и неизменно называл «длинным столом».

Если нам повезет, то, несмотря на трудные времена, мы постараемся не растерять живую энергию того февральского благословения. И, пусть посмертно, вернуть Теодору хоть частичку его щедрых человеческих и профессиональных даров.

Со времени нашей первой встречи с Теодором, сменилось человеческое поколение, но тридцатилетней давности экспедиционно-аналитический импульс, посланный Теодором Шаниным, продолжает сохранять свою изначальную мощность и животворную энергетику. Так связываются времена. Так создаются традиции. Так хранятся люди и имена.

Александр Пушкин, празднуя очередную лицейскую годовщину, в своем «19 октября» вспомнил одного из любимых своих настав-

ников: «Кунницыну дань сердца и вина! / Он создал нас, он воспитал наш пламень...»

Сказанное нашим поэтом я с благодарной памятью отношу к Теодору Шанину. Он создал и взрастил — и меня, и многих моих крестьяноведческих коллег.

«Рыцарь крестьяноведения»

Виктор Кондрашин

Теодор Шанин запомнился мне как бескорыстный и увлеченный своим делом исследователь и человек. Эти его качества стали очевидны для меня, когда он без особых уговоров согласился приехать в Пензу и выступить с докладом на конференции «Моя Малая Родина», которую я, как заведующий кафедрой истории России и краеведения Пензенского государственного педагогического университета имени В.Г. Белинского, вместе с моим другом В.Е. Малязёвым проводил в филиале кафедры, в школе села Степановка Бесоновского района Пензенской области.

Теодор Шанин очень ярко выступил перед собравшимися в актовом зале сельской школы краеведами, учителями, фольклористами, преподавателями пензенских вузов. Он говорил о крестьяноведении как науке, о своих взглядах на историю крестьянства России. И это стало откровением для аудитории, которая до начала доклада была в большинстве своем скептически настроена по отношению к иностранцу, англичанину, горожанину, приехавшему в сельскую глубинку рассказывать о ее истории и современных проблемах.

Всех поразил ответ Теодора Шанина на вопрос, больше всего волновавший присутствующих: что будет с крестьянской культурой, традициями, если умирает деревня и уходит в небытие последнее поколение — носитель этих традиций? «Все будет в порядке, — ответил Теодор Шанин, — если традиции, народная культура в конкретных ее воплощениях (в обрядах, песнях, ремеслах и т. д.) будут изучены и сохранены учеными, а затем внедрены в качестве обязательного образовательного компонента в школьной и университетской учебно-воспитательных программах. Если будут подготовлены учителя, владеющие богатейшим наследием традиционной народной культуры. А для этого следует продолжать изучать историю крестьянского хозяйства, крестьянской семьи, сельской общины профессиональными исследователями, краеведами, учителями, школьниками».

Докладчика аудитория не хотела отпускать, поскольку нашла в нем источник подлинных знаний, увидела настоящего ученого и очень доброго и хорошего человека. Он стал для нее сво-

им. Все забыли, что перед ними выдающийся ученый, иностранец, горожанин.

Второй и последний яркий эпизод из моих многолетних общений с Теодором относится к апрелю 2019 года, когда мне посчастливилось жить с ним в соседних комнатах в студенческом общежитии Афинского университета, организовавшего международную конференцию в Афинах, посвященную Русской революции 1917 года.

Профессор Манчестерского университета, кавалер ордена Британской империи ни слова не сказал о «спартанских условиях», в которых он, всемирно известный ученый, оказался. Наоборот, он шутил и просил меня будить его по утрам и сопровождать в лифте и по лестнице в подвал на весьма скудный «студенческий» завтрак. Мне казалось, что Теодор Шанин был счастлив, поскольку вспоминал дни своей творческой юности, неизбалованной комфортом. И вообще, ему нравилась организационная неразбериха, создавшая конференцию молодых левых и анархистов Афинского университета.

На самой конференции Теодор Шанин выступил, как всегда, блестяще. Его доклад о крестьянской революции стал украшением конференции. Его в очередной раз не хотели отпускать слушатели, окружали журналисты, участники конференции просили сфотографироваться и т. д.

В студенческом общежитии я был свидетелем интервью Теодора Шанина греческой журналистке и в очередной раз убедился в его прекрасных человеческих качествах. Без всякого снобизма, терпеливо, в течение двух часов он отвечал на многочисленные ее вопросы. Но и в этом, казалось бы, проходном и не важным для него «тысячном» интервью Теодор пытался больше говорить о науке, крестьяноведении, а не о своей легендарной личности... Таков был в жизни и останется в моей памяти, и я уверен в памяти многочисленных его коллег, учеников и друзей, этот подвижник и рыцарь крестьяноведения и социальных наук.

«Лектор не разочаровал»

Владимир Бабашкин

Осенью 1990 года я увидел Теодора Шанина в первый раз. Я тогда, как положено, повышал квалификацию в ИПК при МГУ. А квалификация была такая: доцент по кафедре научного коммунизма одного из старейших советских аграрных заочных вузов ВСХИЗО (ныне РГАЗУ). Обширная аудитория преподавателей истории партии и прочих обществоведов с интересом ожидала выступления английского профессора. Тогда об этом особо не говорили, но в воздухе чувствовалось: в идеологической борьбе двух мировых систем

мы на грани проигрыша. Любопытно было послушать представителя побеждающей стороны.

Лектор не разочаровал. Все, кто знал Теодора, понимают, что как лектор он и не мог разочаровать никого — ни единомышленников, ни несогласных. Другое дело, что кто-то из коллег наверняка предвидел, что скоро придется «переобуваться в прыжке» (многие стали поступать так менее чем через год), и, может быть, рассчитывал получить от англичанина четкие инструкции по этой новой «обуви». Ничего такого лектор не сказал. Зато он проговорил непривычные вещи, заставлявшие задуматься: Россия более традиционная страна, нежели принято считать в парадигмах советского вульгарного марксизма, она сохраняет многие сущностные вещи в социально-экономической организации общества из своего аграрно-крестьянского прошлого. Он считал, что именно об этом пытались поведать научному сообществу представители ОПН и их лидер А.В. Чаянов, и та жестокость, с какой поступили с ними, была связана с торжеством вульгарного марксизма как официальной советской идеологии.

Поведал он и о том, как в западном обществоведении были подхвачены эти идеи после появления английского перевода «Организации крестьянского хозяйства» Чаянова и как это помогает в осмыслении внутренней логики устройства и исторической эволюции стран, подобных России. Лично мне из той лекции запомнилось красочное описание того, как в старейших университетах Англии осуществлялась теоретическая подготовка людей, которым предстояло впоследствии занимать должности в администрации в той же Индии. Было ясное понимание: без более или менее адекватного знания об обычаях и традициях коренных жителей колоний, их представлениях о добре и зле, удерживать такие «драгоценные камни в короне» Британской империи нет никакой возможности.

Полгода спустя судьба свела меня с В.П. Даниловым. Прямо из ИПК меня отправили на должность старшего научного сотрудника для завершения работы над докторской диссертацией. Поскольку кандидатская у меня была, естественно, по «буржуазным фальсификаторам аграрной политики КПСС», то представлялось, что докторскую проще всего написать по западной историографии коллективизации в СССР. Я обратился за консультацией по простоте душевной прямо к главному авторитету — возглавлявшему отдел по аграрной истории советского общества Института истории. Помню, Виктор Петрович тогда очень доброжелательно выслушал мою декларацию о намерениях и на просьбу порекомендовать для начала две-три фамилии англоязычных авторов, с чьих текстов следовало бы начать работу, ответил так: «Нет ничего проще: начните с Моше Левина (США) и Теодора Шанина (Англия)». И дал кое-какую литературу, чтобы не откладывать начало работы. Спрашивается, как же «начинать», когда формулировка была «для завершения». Тогда мне такой трюк казался совершенно естественным. Позже, работая с Даниловым и Шаниным, я узнал, что

такие вещи в западных *Peasant Studies* называются «оружием слабых» и для посткрестьянских обществ вполне характерны.

Через несколько месяцев Данилов позвонил мне и сказал, что есть возможность познакомиться с Теодором лично. Разумеется, я прибежал в нужное время в условленное место, и мы пошли в гости к Шанину в его московскую квартиру. Мэтры беседовали о многих важных вещах, а я наслаждался тем, что могу присутствовать при разговоре таких больших авторитетов в той науке, которую уже тогда решил сделать своей профессией. Данилов, в частности, сообщил своему английскому другу, что снабдил меня привезенной из лекционной поездки по США книгой Дж. Скотта «*Moral Economy of the Peasant*». Теодор это не просто одобрил, он сказал, что хоть там впрямую и нет ни слова о коллективизации и почти ничего о России, но писать диссертацию на такую тему, не опираясь на содержание этой монографии, методологически ошибочно.

Я изготовил русскоязычный реферат «Моральной экономики», ознакомившись с которым Виктор Петрович обнаружил, насколько все это созвучно с его собственными размышлениями об общине. Его публикации и выступления на эту тему серьезно напрягали отношения с научным начальством. Теодор захотел сам посмотреть, что там у меня написано, и я был страшно польщен, когда Данилов передал мне его вердикт: концептуальное содержание книги Скотта ухвачено вполне сносно. Но куда большую радость мне доставило то, как Теодор творчески развил идею Данилова ознакомить сотрудников отдела аграрной истории с машинописной копией реферата и обсудить на специальном заседании. Отталкиваясь от своих материальных возможностей, Шанин предложил отпечатать на ротопринтере не менее 30 копий и раздать не только историкам-аграрникам, но и некоторым другим представителям российского (еще вчера — советского) обществоведения, а на процедуру обсуждения пригласить двух стенографисток. Так родился теоретический семинар «Современные концепции аграрного развития», участвуя в котором, я сохраняю еще много воспоминаний о работе творческого тандема Данилов–Шанин — удивительных специалистов и просто очень хороших людей. Но сегодня захотелось поделиться именно этими вот воспоминаниями.

«Тот самый Теодор!»

Оксана Горовенко

Галя готова была спуститься с вертолета, чтобы попасть в распутицу в одну из северных деревень, взяв с собой свою лучшую подругу Олю, которая и пригласила ее в свой вологодский край, узнав о возможности непосредственно исследовать родной Север.

Другая Оля — значительно более молодых лет — решила оставить молодого мужа, чтобы не просто активировать свои исследовательские навыки и стремления, уже успевшие ее переместить на время в туманы Туманного Альбиона, но и обрести самостоятельные впечатления от сельских регионов вокруг родного Новосибирска и даже в некоторой степени — от поселений Алтая.

Уже не юный, но весьма достойный муж молодого семейства Валера по здравом размышлении стал периодически отлучаться из семьи в села и деревни близ Саратова, все более и более погружаясь в самобытность родного края своим пытливым умом и философа, и лингвиста одновременно, о чем к тому времени уже свидетельствовали обретенные научные степени. Это вовсе не помешало прибавлению к семье в тот период еще и маленького Северина к братику Сеньке, а молодая жена и вовсе стала сопровождать мужа-исследователя во всех близких и дальних его перемещениях, содействуя написанию отчетов, книг, иногда — отдельных статей. Участие в различного рода непосредственных наблюдениях за крестьянской средой стало проектом семейным.

Тоже из Саратова, а точнее — из города Энгельс — прибыл совершенно особого рода мыслитель Илья, человек слушающий и пытливый в своем зачастую молчаливом участии, но активный и деятельный гораздо ранее, чем что-то сказать или улыбнуться.

Из Петербурга скорым поездом перемещался для отчетов по проведенной работе в Москву Анатолий — человек академический, склонный, как оказалось, не только к педагогической деятельности, но и к исследовательским наблюдениям.

Если позволить в этом контексте сказать о себе, то я оказалась в компании исследователей-крестьяноведов благодаря приглашению сначала своего коллеги Михаила, который узнал о намечающемся проекте из научного издания ВАСХНИЛ, а уже потом, по приезде в Москву, была приглашена самим Теодором. Белорусов, как почти сразу с недоумением уточнили, не ждали, но — после состоятельной, хотя и довольно краткой беседы решили оставить. Решение принимал, конечно, сам Теодор! Все произошло быстро, весьма доброжелательно и с неотразимой улыбкой! Это уже тогда был «тот самый Теодор!». Он предлагал, увлекал, мотивировал, способствовал, перемещал в пространстве и времени, и слушал, слушал, слушал! Это было невероятное слушание, что, смею предположить, и продлило наше двухгодичное исследование на целых восемь лет, а меня лично неким весьма логичным — слушающим же образом — привело к замужеству, да... с Михаилом. Проект объединил всерьез и надолго!

Не случайно к нам в исследование то и дело добавлялись люди. Кого-то приглашал, конечно, сам Теодор. Так появились в проекте американцы — Алекс и Синди — молодые люди, согласившиеся самостоятельно проникать в сельские регионы страны им ранее неведомой. Их опыт и участие изменили наши взгляды и обогатили, надо думать, их самих.

На каком-то срединном этапе проекта появилась Татьяна — женщина, неуловимо напоминая своим обликом, овалом лица и улыбкой самого Теодора, хотя и приехала она из далекой Тувинской Республики — автономии, до которой, скорее всего, доходили не все центральные журналы. Но было телевидение, по которому в одной из программ она увидела Теодора Шанина и услышала его призыв. Теодор, конечно, не мог не откликнуться на такой порыв — именно порывов, внутреннего стремления он и ждал от людей. Вот эта активная жизненная позиция, эта сила, которая преображает и сильных и слабых, этот улыбчивый задор — разве не сам ли это и был наш Теодор!

А еще у проекта были друзья, которые помогали своими профессиональными знаниями из других областей. Таким был и остался в нашей памяти Виктор Петрович Данилов — образованный и интеллигентный человек, умный и тонкий, строгий и доброжелательный, вдумчивый и улыбчивый, сосредоточенный, но готовый откликнуться на конкретную просьбу. Он знал не только историю, но этнографию, культуру, литературу, превосходно читал стихи. Виктор Петрович успел сделать многое и для проекта, и для нас, и, смею думать, для активной поддержки Теодора, неугасимости его улыбки.

Можно было бы еще многих вспомнить — нас было действительно много. В какой-то момент среди нас появился Александр, обнаруживший не только исследовательский, но и административный талант. Именно Александр если не «дитя проекта», то юноша, выросший в достойного соратника и продолжателя Теодора.

Упомяну, что сочетание «дитя проекта» некогда употребил сам Теодор, с удовольствием пожав руку моему маленькому сыну в Переделкино, куда мы отправились по приглашению... на банкет! Теодор соскучился, ему очень захотелось увидеть нас вновь уже после окончания проекта, с начала которого прошло на тот момент двенадцать лет. Так принято в Великобритании — дюжина! И вот именно спустя эту дюжину лет Теодор решает собрать нас вновь, причем предусмотрительно и великодушно компенсирует нам расходы на проезд. А какое удивительно официально-неформально-личное было приглашение! Это же надо было просто видеть этот строгий по всем параметрам официальный бумаг выверенный по расположению текст на белом официальном же бланке Московской Школы, с соблюдением всех церемоний уважительного обращения в письме — личном письме на мое имя и на имя мужа в отдельном не менее уважительном послании! — содержалось указание дат, сроков, точного адреса, регламента и порядка проведения встречи и цели!

Конечно, что и говорить, та встреча прошла совершенно замечательно. Был, безусловно, и сам банкет, но главное — это все же сама Встреча! Я тогда решила взять с собой сына, еще дошкольного

возраста. Этот момент не столь традиционен, как может показаться на первый взгляд, поэтому позволю себе некоторые подробности. Дело в том, что ожидание сына и потом его рождение я некоторым образом пыталась скрыть, опасаясь исключения меня из проекта по этому поводу. Даже когда само появление на свет сына совпало с необходимостью ехать в Москву с отчетом, я решилась покинуть роддом на сутки, договорившись буквально со всеми, кто был причастен, чтобы проявили на сутки заботу и внимание к моему ребенку и — поехала! При этом даже на заседании нашего «длинного стола» — именно так проходили беседы участников проекта Теодора — я смогла быть предельно внимательной и активной, ибо, собственно говоря, и не отвлекалась от исследования. Замечу, хотя это признание может показаться и вовсе странным, но некоторые записи я даже захватила с собой в роддом, тем более что скорую тогда пришлось вызывать около часа ночи, закрыв компьютер и сложив бумаги... Вот так, в полной готовности к отчету о проведенной работе и взаимодействию с коллегами, я вновь и оказалась в Переделкино, где на этот раз добавилось то, что периодически надо было сцеживать молоко...

Однако на этот раз меня-таки вычислили!.. Именно Оля, которая с душевной своей подругой Галей исследовала Север с применением летательных аппаратов, осмелилась все же озвучить мне свои подозрения, ибо имела уже довольно взрослых дочерей и по-матерински была склонна к заботе и участию во всем происходящем. Не удержалась Оля от вопроса — не смогла далее скрывать и я. Дошло чуть ли не до слез, а потом — потом был ночной банкет! Оля не могла до утра удерживать в себе такую новость — просто не могла ждать. К полуночи в нашем номере в Переделкино был организован совершенно замечательный стол, а если еще представить на нем фрукты, самолетом доставленные из солнечной Армении, — то и роскошный! Ребята из Армении действительно на некоторое время подключались к проекту с исследованием сельских регионов своей страны по нашей, выработанной совместно с Теодором усилиями методике. Все пришли поздравлять! Было впечатление, что у нас всех родился ребенок! Дитя проекта! Именно так уже наутро того майского дня и сказал мне Теодор, которого просто не решились будить, но с рассветом, конечно же, сообщили.

Именно с такими словами Теодор, улыбаясь, и пожал руку моему сыну спустя годы!

Если интересно, спросил ли меня тогда в мае Теодор, почему я предпочла скрывать такое событие от него, то могу признаться — не спросил. Он тогда спросил другое: «Оксана, а что я могу сделать для вас? Скажите! Что бы вы хотели? Может быть, я смогу чем-то помочь?» Такого вопроса я точно не ожидала, но смогла сказать главное: «Я хочу с Вами работать! Не исключайте меня!» Думаю, что тут уж удивился Теодор и, чуть наклонив го-

лову в недоумении, переспросил: «И все?.. Мы, конечно, продолжим работу». А потом вновь улыбнулся, наблюдая мою совершенно искреннюю радость и посоветовал все же подумать и сказать, что все же мне нужно, если не ему — то Оле, с которой личное взаимодействие укреплялось все большим признанием друга друга даже и при непродолжительном общении в течение наших общих встреч.

Так у меня появилась возможность получить вперед положенную мне зарплату, что, если подумать, было более чем необходимо в то время, когда нам самостоятельно пришлось проводить в наш деревенский дом электричество, покупая даже столбы и огромное количество кабеля. В то время казалось, что жизнь без света, воды и газа в доме — это вполне возможно. Были же дрова, были колодцы, а свет был необходим, чтобы печатать на компьютере путем соединения проводов от розетки крайнего дома в старом поселении деревни. Собаки, правда, иногда мешали — экран мигал, но можно же было сохранять информацию известным кликом на клавиатуре. Вот это и выручало. А еще валенки и телогрейки — чем не крестьянovedы? Вполне реальные исследователи — полевые! Жилось-то все равно интересно, вот только долго-то так продолжаться не могло, тем более — с ребенком.

Все эти удивительные подробности не вполне понял даже и Теодор — в чем сразу же и признался, что как-то ему это в настоящее время непонятно, все же двадцатый век, но — помощь оказал! Фактически — он дал нам Свет!

Были, конечно, и еще ситуации, когда содействие было необходимо, и Теодор не оставался в стороне. Особенно — если это касалось важного и значимого, как, например, срочного лечения, которое мне потребовалось после международного дебюта-представления результатов нашего проекта в Германии. Помощь от Теодора тогда тоже пришла своевременно. Он был не просто взволнован — он был на деле участлив ко мне. Вспоминаю об этом не просто в дань памяти, но и потому, что никогда не забывала добро, которым для меня неизменно сопровождалось величие этого человека, великодушного и по-прежнему занимающего важное место в моей душе! Человеческая близость была неким образом предопределенной самой глубиной нашего сложившегося за годы взаимодействия. Иногда, особенно после долго державшихся тревог, связанных, как я просто чувствовала, именно с этим человеком, я решалась потревожить Теодора звонком по телефону. Удивительным образом оказывалось, что тревоги мои неслучайны — причины были, в чем от неожиданности, видимо, признавался и сам Теодор, но благодарил за беспокойство и такое незримое присутствие в размышлениях. Редко, но в тяжелые моменты жизни мы как-то находили друг друга.

Хотя одухотворяющих, вполне радостных моментов и даже времен было значительно больше! Таковыми, если подумать,

были наши встречи за «длинным столом», наш неожиданный выезд в Германию на международный форум, наше проживание в пригородах Москвы, большие и малые совместные застолья, начиная от щедрого угощения в ресторане после первого этапа посещения деревень и сел. Хотя выглядело это в те 90-е годы именно по-царски, но каждый из нас — это особенно запомнилось и со смехом потом еще и не раз трактовалось — даже и в обход светских приличий постарался тогда что-то взять с собой со стола, чтобы незаметно принести это Теодору! Он-то сам с нами не обедал — подумалось тогда из нас каждому — надо же человека хорошей едой угостить! Наш «длинный стол» тогда мы осторожно, но наполнили принесенными трофеями из ресторана! Для Теодора старались!

И что теперь удивляться, что наши Галя с Олей вертолет искали, чтобы выполнить посещение удаленного северного села именно в обозначенное для всех коллег на это время? Так ведь у каждого были преодоления — как в те годы-то без них? А тут еще сама по себе распутица, ухабистые дороги и в рывины сходящий талый снег, довольно тяжелое снаряжение, которое приходится многократно таскать на себе, а тут еще не просто домашние животные — лесные звери могут быть, исследование-то полевое, повсеместное! Так, однажды довелось долго идти по проселочной дороге, уже сойдя с трассы рейсового автобуса, встречать поодаль скачущих через поля лис с пышными рыжими и черно-рыжими хвостами, замечать еще кого-то у кромки леса вдаль, а потом, уже дойдя до деревни узнать, что оказывается, это же пора «волчьих свадеб»!

Таковым же, смею думать и считать, осталось и наше человеческое соседство, имея в виду всех наших коллег — участников проекта Теодора. Если рассудить — исследование-то продолжается! Многие наши коллеги продолжают ездить в деревни, исследуют все новые и новые села и целые регионы, находя для этого уже свои ресурсы и возможности. Легкая оказалась рука у нашего Теодора! Дело-то идет! И встречи по-прежнему случаются! Два года назад почти вдруг — но оказалась и я участницей одной из таких встреч в Москве в теперь уже всем известной «Шанинке»! Замечательным образом обнялись мы с Теодором, улыбнулись, вспомнили! Полет продолжается, я же знаю это, Теодор! Во многом благодаря вам и знаю! И не просто знаю — говорю об этом своим студентам, рассказываю, передаю подробности, в том числе — подробности вашего управления полетами в качестве командира воздушного корабля! Их, надо сказать, многое впечатляет, как, надеюсь, передается уверенность в выбранной траектории моя личная впечатленность вами, товарищ командир и учитель Теодор! Наш полет с вами был нормальный! И потому нормально, что он — не забывается! Он — продолжается!

«Теодор Шанин и сельские экспедиции 1990–1995 годов»**Илья Штейнберг**

Память о человеке, как и событиях, всегда избирательна. Ключами к памяти чаще всего выступают яркая эмоция, запоминающаяся фраза, необычный поступок. И, конечно, его материальное и нематериальное наследие — книги, идеи, то, что он создал. Теодор Шанин в этом смысле оставил нам богатое наследство. И часть этого наследства — афористичные фразы, которые давно уже стали его визитной карточкой. «Иное всегда дано», «Невозможного нет, есть только трудное» — вот те немногие примеры, которые уже давно стали мемами у его многочисленных учеников.

Однако это не просто афоризмы — это были принципы, которые Теодор Шанин использовал как инструменты, как методические подходы в решении своих задач. Два примера. Первый — ставший уже легендой крестьяноведческий междисциплинарный проект, где исследователи в течение трех лет находились в российских селах, а потом в течение пяти занимались анализом собранных данных, писали статьи и монографии, участвовали в конференциях. Такая долговременная экспедиция сегодня оказывается несбыточной мечтой для большинства исследователей, но это один из лучших способов создать научную школу.

«Мужество пользоваться своими мозгами». Моя первая встреча с Теодором вызвала гамму разнообразных и противоречивых чувств, где ведущим было изумление и растерянность. Это был самый свободный человек, которого я встречал до этого в своей жизни, он обладал кантианской «автономностью мышления», «мужеством пользоваться своими мозгами». Я прежде никогда не чувствовал себя свободным в этом смысле, в лучшем случае мог ощутить себя «временно расконвоированным», потому что всегда, когда делал шаг в сторону, находился кто-то, кто пытался загнать меня обратно в строй «призраком кнута и иллюзией прятника».

Вот обстоятельства этой первой встречи с Шаниным. 1989 год, подмосковный дом отдыха «Березки». Теодор рассказывает нам, приглашенным из разных исследовательских институтов и вузов, о замысле крестьяноведческого проекта. Говорит о возрождении школы ученых-аграрников Чаянова, упоминает неизвестные мне имена основателей организационно-производственной школы Н.П. Макарова, С.Л. Маслова, А.Н. Челинцева, рассказывает о динамических исследованиях, о земской статистике, об этнографическом вживании в сельскую среду (стать почти незаметным, «как муха на стене», что в каждом селе прожить полный крестьянский цикл с апреля по апрель и т. п.).

Мы молча слушали. Вдруг Теодор останавливается и задает вопрос: «Коллеги, я не пойму, что происходит. Почему вы не спрашиваете меня, зачем мы это будем делать?» Мы пожимаем плечами и отвечаем, что нам понятно, зачем: под вашим руководством проведем это большое и важное исследование, напишем научно-практические рекомендации для повышения производительности труда в сельском хозяйстве, улучшения сельского образа жизни и проч. «Кому рекомендации?» — тихо спрашивает Теодор. Как кому? Понятно — Министерству сельского хозяйства, Госплану, отделу ЦК партии, правительству. «То есть для чиновников?» — уточняет Теодор. Почему-то тогда товарищи из этих институций не ассоциировались со словом «чиновник», и мы недоуменно переглядываемся, чего хочет от нас этот бритый наголо англичанин. «Нет, коллеги, — говорит он, — мы это делаем, чтобы найти истину. Понять, как это все устроено, как работает».

Это было для меня откровением, потому что всегда моей целью были рекомендации для «подъема народного хозяйства», а задачами — изучение «социально-экономических проблем». А тут получалось все наоборот. Цель — истина, а рекомендации — одна из задач, причем не главная. Потребовалось долгих два года работы с Теодором, чтобы у меня стали пробиваться ростки этой свободы. Я стал замечать, что «иллюзия пряника и призрак кнута» больше не действует на меня, как раньше, и начал совершать такие поступки, что сам не верил, что это делаю я, наверно, стал более свободным внутри, но главное, это стало мне нравиться.

«Шанин — руководитель исследовательского проекта». Каким был Теодор как руководитель проекта? Здесь он тоже отличался от всех, кого я видел раньше. У меня были начальники, которые главным считали успех дела и не щадили во имя этого ни своих подчиненных, ни себя. Были, для кого главным был успех себя в этом деле. Для этого они не щадили ни нас, ни само дело. Теодор же делал так, что мне казалось, что его больше всего заботит успех нас самих. Конечно, успех дела был важен, так же как и авторитет Теодора, но все это казалось средствами, чтобы вывести нас на более высокую орбиту. Наверно, такое ощущение возникало из свойственной ему манеры общения, которую он называл почему-то «британской вежливостью», а саму эту вежливость считал методом исследования. Эта его вежливость была особого рода — она была продолжением, внешним проявлением внутреннего чувства достоинства этого человека.

На прощании с Теодором его сравнивали с «кораблем», таким «ледоколом», в кильватере которого «мы шли, не ведая преград». Это не совсем так. Когда я всерьез занялся применением метода «длинного стола» в наших исследованиях, написал целый параграф в монографии, идя как раз «в кильватере» его подходов и идей, он стал вежливо меня отправлять «пробивать лед» своим путем. Я делился с ним своими находками, приглашал на свои «длинные сто-

лы», которые проводил в Шанинке и на «кухтеринских курсах» в ИС РАН (сейчас НОЦ) и получал поддержку почти всем моим «отходам от проложенного им курса». Даже когда я слишком удалялся в область упражнений и тренингов по развитию неспецифических навыков полевого исследователя, Теодор поддерживал меня, говоря, как это важно и как этого не хватало в наших прежних «длинных столах». А когда я однажды амбициозно заявил, что моя мечта сделать из «длинных столов» что-то аналогичное системе Станиславского, но для полевых исследователей, он очень воодушевился и потом часто спрашивал о прогрессе этой затеи.

Когда цели человека больше его самого. Вот в этом, мне кажется, его наиболее сильная сторона как человека и как ученого. Люди, у которых их цели намного больше их самих, необыкновенно притягательны. Сужу по одному случаю. Однажды он спросил, что я думаю по поводу своего участия в сельских проектах после пяти лет «поля». Я ответил, что многому научился, понял и прочее. Он заулыбался, сказал «прекрасно». На этом тема была бы исчерпана, если бы я не добавил, что у меня, кроме этого позитива, осталось чувство, которое, наверно, переживают космонавты, которые готовились к полету, но так и не полетели. Улыбка исчезла с его лица. Я увидел совсем другого Теодора, так выглядят люди перед лицом реальной угрозы. Он весь напрягся, превратился в слух и, не отрываясь, смотрел мне в глаза. Было видно, что я задел болезную тему.

Дело в том, что где-то в середине наших сельских экспедиций на одном из «длинных столов» Теодор сообщил, что есть договоренность с президентом ВАСХНИЛ А.А. Никоновым о создании в его системе Института им. А. Чайнова с целью возрождения и развития славных традиций русской школы ученых-аграрников, а мы станем кадровым ядром этой институции. Идеи Никонова были очень созвучны замыслам нашего проекта начала 1990-х. Помню производящую на меня глубокое впечатление его статью в газете «Крестьянская Россия» «Нельзя построить государство на обнищании граждан» (название взято из работы «Книга о скудности и богатстве» первого отечественного ученого-экономиста Ивана Посошкова). В ней был продемонстрирован трезвый взгляд на происходящее, опирающийся на работы исследователей аграрного вопроса в России XVII–XX веков, что было отличительной особенностью и нашего проекта. Однако после трагической гибели А. Никонова в 1995 году эта тема больше не обсуждалась. Второй попыткой «выхода в космос» была идея Всероссийского мониторинга аграрных реформ по методикам, которые мы разработали с опорой на традиции земской статистики. Этой идеей заинтересовался Егор Строев, на тот момент Председатель Совета Федерации РФ. Мы даже стали готовить предложения, но вдруг Строев попал в опалу и был назначен губернатором Орловской области. «Старт отменили».

Помню, он мне задал всего один вопрос: «Ты действительно считаешь себя «космонавтом, который не полетел»?» Я ответил,

что нет, потому что неудачные старты неизбежны, главное, что мы можем и хотим продолжать и продолжаем. Он ничего не ответил, только коротко кивнул, и разговор вернулся к теме текущего проекта.

«Длинный стол» как метод работы с неопределенностью. Говоря о сельских проектах Теодора, невозможно обойти вниманием его подход к формированию рабочей группы и оригинальный способ подготовки исследователя в процессе самого исследования, который впоследствии сформировался в «метод длинного стола». Мне кажется, что «длинный стол» появился спонтанно, под влиянием сложившихся обстоятельств. Во-первых, работа уже стартовала, но исследователей, которые бы могли решать поставленные задачи, имевшие междисциплинарный характер, не было. За один «стол» в 1990 году для обсуждения целей и задач проекта сели одновременно около 20 человек. Это были экономисты, социологи, психолог, географ, историки, филолог, все с различным опытом полевой работы и слабым представлением об этнографических методах, где в центре стоит «вживание» исследователя в поле, не у всех были навыки работы с бюджетами семьи, бюджетами времени, представления о методах наблюдения, биографического интервью и прочее. Нужно было не только ликвидировать дефицит навыков использования методов различных дисциплин, но и преодолеть пробелы в знаниях мирового опыта в исследованиях социально-экономических проблем села и конкретно основ крестьяноведения.

Но наша недостаточная подготовка как исследователей не была единственной причиной появления «длинного стола». Главной, на мой взгляд, оказалась политическая и социально-экономическая ситуация — начало социальной аномии «лихих 90-х». Мы, по его выражению, «начали экспедиции в СССР, а закончили в Российской Федерации». В ситуации галопирующей инфляции, дефицита всего необходимого для нормальной жизни, начала имущественного расслоения населения, перехода в частную собственность земли и имущества колхозов и совхозов, беспомощности закона, проникновения в обычное право криминальных понятий и т.п., динамические исследования и другие инструменты, предлагаемые Теодором Шаниным в начале проекта, не могли быть применены. Нужно было переходить «на ручной режим», действовать по обстановке, проявлять максимальную самостоятельность и гибкость в подходах на местах и создавать новый инструментарий исследования, который был бы адекватен не просто «текучей реальности» Зигмунда Баумана, а бурному яростному потоку, который «прорывает плотину». В нашем случае плотина называлась «застоем», а поток — «перестройкой». Этот мутный поток ослаблял социальные связи между родственниками и друзьями, размывал прежние ценности, нормы и традиции. Мы увидели жизнь, где процессы текли с огромной разницей в скорости в разных слоях населения, а сельская мо-

бильность в города превысила все, что мы могли себе представить. Мы стали свидетелями стремительного появления новых богатых и новых бедных, где их прежний статус, возраст, опыт, образование не имели решающего значения. В этом невероятном «поле» мы столкнулись с полной неопределенностью, причем не только будущего, но также настоящего и даже прошлого.

Думаю, что все эти обстоятельства определили формат наших встреч рабочих групп за «длинным столом». Как правило, они состояли из трех частей: 1) мини-лекция от Теодора по методологическим вопросам исследования или сообщения коллег по специфическим вопросам теоретического или методического характера; 2) отчеты рабочих групп проекта по локациям; 3) «профсоюзное собрание», где обсуждались технические, организационные и бытовые вопросы организации экспедиции. После «длинных столов» Шанин проводил индивидуальные беседы с каждым участником проекта по «личным вопросам».

Сегодня у меня есть все основания полагать, что главное, чему нас научил «длинный стол» Теодора Шанина, — это работы с неопределенностью. Можно было наблюдать, как от встречи к встрече за «длинным столом», росла не только квалификация участников как исследователей, но главное, изменялся способ мышления, потому что мы учились исследовать неопределенность, принимать ее как отправную точку исследования, главным образом за счет сдвига собственного способа мышления от укорененной в сознании привычки рассматривать жизнь как линейный процесс, как цепочку причинно-следственных связей, игнорируя циклические взаимосвязи глубоких системных отношений. У Теодора Шанина это выразилось в последовательном отстаивании двух основных принципов работы «длинного стола» в формировании «нелинейного способа мышления»: «Ни у кого нет монополии на истину» и «Иное всегда дано», означающих циклический характер освоения навыков получения научного знания, т. е. возврата к полученному в исследовании знанию на новом уровне, постоянный поиск альтернативных способов решения задач. Я думаю, что такой подход дает возможность находить неожиданные ответы на вопросы, которые выглядят на первый взгляд риторическими, что и делало любое общение с Теодором интеллектуальным приключением.

In memory of Teodor Shanin

Vladimir V. Babashkin, DSc (History), Professor, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. 115571, Moscow, Prosp. Vernadskogo, 82. E-mail: vbabashkin@ranepa.ru.

Valery G. Vinogradsky, DSc (Philosophy), Senior Researcher, Center for Agrarian Studies, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. 119571, Moscow, Prosp. Vernadskogo, 82. E-mail: vgrape47@yandex.ru.

Viktor V. Kondrashin, DSc (History), Professor, Head of the Center for Economic History, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences. 117292, Moscow, D. Ul'yanova St., 19. E-mail: vikont37@yandex.ru

Oksana V. Gorovenko (Ryzhankova), PhD (Economics), Associate Professor, Department of International Business, Belarus State Economic University. Partizansky Prosp., 26, Minsk, 220070, Belarus. E-mail: gorovenko@inbox.ru

Olga P. Fadeeva, PhD (Sociology), Senior Researcher, Institute of Economics and Organization of Industrial Production, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. 630090, Novosibirsk, Prosp. Lavrentieva, 17. E-mail: Fadeeva_ol@mail.ru

Ilya E. Shteynberg, PhD (Philosophy), Associate Professor, Moscow State University of Psychology and Education. Sretenka St., 29, Moscow, 127051, Russia. E-mail: ilya.shteynberg@gmail.com

These texts are a tribute of the representatives of peasant studies to their dear teacher and colleague Teodor Shanin (29.10.1930 — 04.02.2020), an outstanding British sociologist, one of the founders of the global and Russian interdisciplinary studies of rural life (peasant studies), Professor Emeritus of the University of Manchester, founder and President of the Moscow School of Social and Economic Sciences, Honorary Editor of the journal *Russian Peasant Studies*. The texts present the personal memories of sociologists and historians O. Fadeeva, V. Vinogradsky, V. Kondrashin, V. Babashkin, O. Gorovenko and I. Shteynberg about their communication and work with Teodor Shanin. The memories focus primarily on the development of the first Shanin's sociological project 'Social Structure of the Soviet (Post-Soviet) Village' (1990-1994) and describe features of the research methodology, field work, realized and not realized research plans of Shanin and his colleagues. The authors emphasize the intellectual and personal significance of Shanin's legacy for understanding the further research tasks of contemporary peasant studies, and honor Shanin not only as a talented organizer of scientific projects and methodologist-theoretician of social sciences, but also as a remarkable field researcher and excellent lecturer-teacher. All authors admire the personal virtues of Shanin — his curiosity, keenness of observation, empathy, and the will for both intellectual comprehension and humanistic transformation of society.

Keywords: Teodor Shanin, peasant studies, historical sociology, economic sociology, anthropology, field research, qualitative methods, rural Russia.



Галина Ястребинская
(01.01.1947 — 16.01.2020)

Памяти Галины Ястребинской

Если в поисковой строке «Яндекса» набрать «Галина Александровна Ястребинская», то одной из первых появится ссылка на страничку Поморского землячества в Москве. С этой странички на вас с улыбкой глянет симпатичная женщина. В руках у нее книга «Тяжелая деревня Кобелево». Это — Галина Ястребинская, экономист и социолог, пытливый исследователь, внимательный слушатель голосов крестьян.

С Галиной Александровной я познакомилась в 1995 году, когда пришла на работу в Аграрный институт, основанный академиком А.А. Никоновым¹. Вскоре началось лето, полевой сезон для исследователей, и мы вместе оказались в экспедиции в Псковской области. В Аграрном институте в то время кипела научная жизнь. В стране шла «мирная революция», всеобъемлющая социально-экономическая трансформация, условия жизни и хозяйствования менялись на наших глазах, и ученые старались осмыслить этот процесс, предложить конструктивные пути прогрессивных перемен, предупредить негативные последствия социальных сдвигов.

1. Впоследствии институт был соединен с институтом кибернетики и получил название Всероссийский институт аграрных проблем и информатики им. А.А. Никонова.

Все это требовало социологических исследований. Базой нашей экспедиции была лаборатория Аграрного института в г. Пыталове — родные места академика Александра Никонова. Поэтому он поддержал создание в Пыталове исследовательской лаборатории, которой руководил Р.Э. Прауст, сменивший в силу обстоятельств того времени кресло секретаря областного комитета Коммунистической партии по сельскому хозяйству на несколько менее комфортное место владельца крестьянского фермерского хозяйства. Аналитический ум Рудольфа Эдуардовича не мог довольствоваться одной лишь практической хозяйственной деятельностью, поэтому он вел мониторинг крестьянских и личных подсобных хозяйств, отслеживал их место и роль в экономике. Вместе с Галиной мы ходили по крестьянским дворам, наблюдали жизнь псковских хуторян, отличающуюся от жителей деревень центральной России, заполняли обширные анкеты и размышляли о жизни села.

Галина Александровна была тоже родом из села, из Архангельской области. Ее отец стал военным, поэтому не только Север она считала своим родным — семья переезжала с места на место. (Вспоминаю, как она рассказывала о своем участии в деятельности Урюпинского землячества.)

Жизнь сложилась так, что и муж Галины Александровны служил в армии, и она следовала за ним, вела дом, заботилась о семье, и при этом упорно училась и получила специальность инженера автоматических систем управления. Судьба ее не очень баловала: Галина рано овдовела, надо было устраивать жизнь и свою и маленькой дочери. Галина Александровна стремилась к интеллектуальной работе, и судьба в утешение великодушно сводила ее с неординарными людьми, с научными лидерами эпохи.

Поблизости от дома оказалась лаборатория Научно-исследовательского института экономики и организации сельскохозяйственного производства Нечерноземной зоны РСФСР, которой руководил академик Г.А. Беспехотный. Галина Александровна начала работать в этой лаборатории и собирать материалы для диссертации, посвященной обоснованию направлений развития регионального агропромышленного комплекса.

В 1990 году Ястребинская защитила диссертацию на соискание ученой степени кандидата экономических наук в г. Пушкин Ленинградской области. В 1994 году по приглашению академика Никонова она перешла на работу в Аграрный институт, одновременно участвовала в многочисленных исследовательских проектах, которые осуществлял А.А. Никонов, и вслед за ним А.В. Петриков, ныне академик и руководитель бывшего Аграрного института. Самым значимым для Галины Александровны оказался проект «Социальная структура советского и постсоветского села», организованный Теодором Шаниным.

Проект Шанина предусматривал масштабное исследование в десяти регионах России методом включенного наблюдения. Ученые должны были покинуть свои кабинеты, поселиться в деревне, наблюдать, записывать, анализировать. Были отобраны села в различных регионах Севера, Юга, Европейской части страны и Сибири. Галина выбрала знакомые для себя места: деревни Кобелево и Красное Пинежского района Архангельской области. Впечатлительная и эмоциональная по натуре, Галина Александровна впитывала, по крупицам собирала, осмысливала истории крестьянских семей, одновременно обобщила сведения и о своих предках, изложив их в истории Антонины Николаевны Богдановой.

Два полевых сезона, сбор материалов в архивах, сотрудничество с зарубежными исследователями, в частности с Улой Лахауер из Германии, дали обширный материал. И после окончания проекта Галина Александровна нередко возвращалась к этому исследовательскому опыту, ссылаясь на него в своих научных работах. В 2002 году Галина Ястребинская смогла получить грант РГНФ на издание собранных материалов в виде отдельной книги². Эта работа имеет большую ценность еще и потому, что далеко не все материалы проекта опубликованы в монографической форме. Ученые, конечно, имеют возможность работать с материалами, хранящимися в библиотеке Шанинки, но книга, стоящая на полке, — это совсем другое дело.

Я держу этот экземпляр в руках, страницы заложены, нередко подчеркивания. Я много работала в библиотеках и признаюсь, что мне приходилось брать в руки книги, страницы которых не были разрезаны (на стойке книговыдачи в Ленинской библиотеке можно было взять специальный нож и разрезать страницы). Я рада, что книга Галины Ястребинской интересна студентам Шанинки. Думаю, что и Галина Александровна была этому рада.

Последние пятнадцать лет жизни Галина Александровна Ястребинская посвятила преподавательской работе в сельскохозяйственной Академии им. К.А. Тимирязева и Ветеринарной академии им. К.И. Скрябина. Ее последняя статья опубликована в 2018 году³, в ней она опять возвращается к материалам своих исследований в Архангельском крае.

Болезнь вынудила Галину Александровну отказаться от работы. Последний раз она побывала в родных местах за год до своей смерти, была очень вдохновлена поездкой, совсем не собиралась ставить точку.

2. *Ястребинская Г.А.* (2005). Таежная деревня Кобелево. История советской деревни в голосах крестьян 1992–2002. М.: Памятники исторической мысли.

3. *Ястребинская Г.А.* (2018). Современная северная деревня: мы не сеем и не пашем... // Социальные и экономические системы. № 1. С. 30–42.

Со страниц книги на нас смотрит красивая улыбающаяся женщина в повязанном традиционном платке. И если кто из внуков забыл ее о чем-нибудь спросить, он может подойти к книжной полке, взять книгу в руки, раскрыть ее и начать неспешно читать о том, как жили раньше, в прошлом веке...

Любовь Овчинцева

Крестьяноведение

2020. Том 5. № 1

Учредитель: Российская академия народного
хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации

119571, Москва, пр-т Вернадского, 84, корп. 9, оф. 2003
Редакция журнала «Крестьяноведение»
<http://peasantstudies.ru>
E-mail: harmina@yandex.ru

Подписано в печать 30.03.2020. Формат 70×100/16.
Усл. печ. л. 14,7. Заказ № .
Тираж 300 экз.

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии РАНХиГС

Издательский дом «Дело» РАНХиГС
119571, Москва, пр-т Вернадского, 82
Коммерческий центр
тел. (495) 433-25-10, 433-25-02
delo@ranepa.ru
www.ranepa.ru

ISSN 2500-1809



РАНХиГС
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ